

Earth and Soul

an Anthology of North Carolina Poetry

Земля и Душа

Антология поэзии Северной Каролины

Кострома, 2001 г.

Сборник избранных произведений

© Copyrights return to the authors on publication

© Писательская организация © Оформление — М.Базанков

© Оригинал-макет — А.Базанков

Joint Project

ANTHOLOGY

Book II

Project Directors:

Judy Hogan (USA)

Mikhail Bazankov (Russia)

Совместный проект

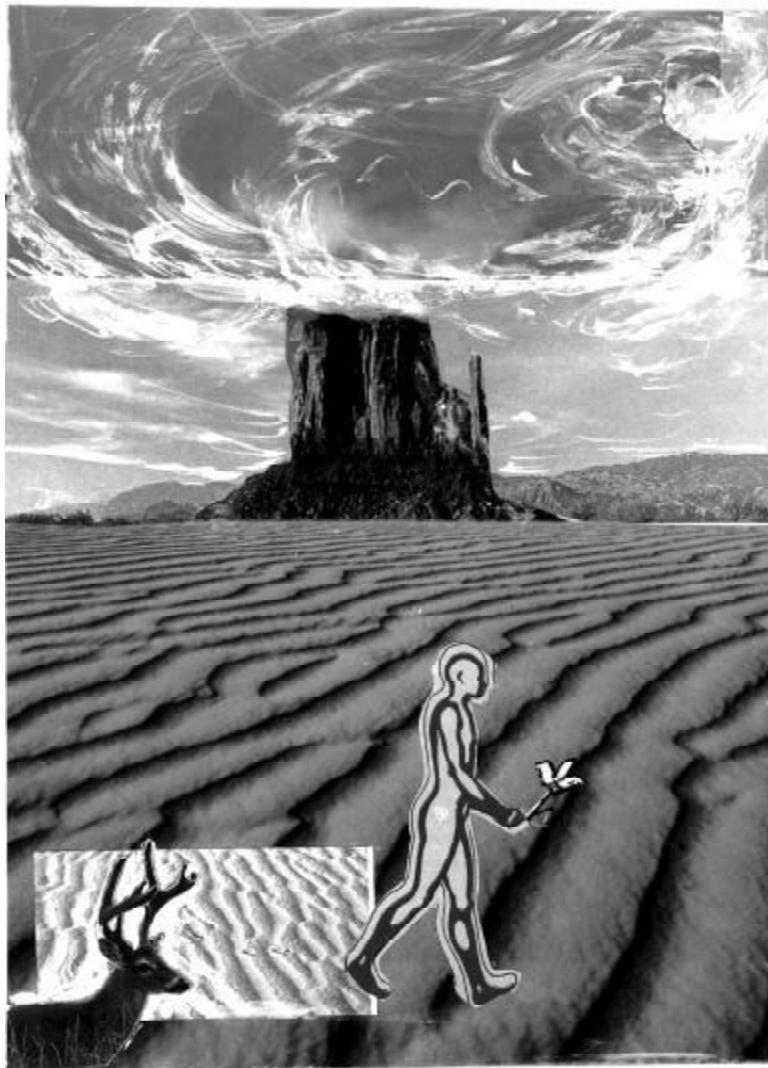
АНТОЛОГИЯ

Вторая книга

Руководители проекта:

Джуди Хоган (США)

Михаил Базанков (Россия)

FOREWORD

This anthology of poems began as a dream shared by two writers and publishers, one a Russian, Mikhail Bazankov, and one an American, Judy Hogan. Under the sponsorship of the Sister Cities Program, the cities of Kostroma and Durham have experienced many exchange visits and shared each other's cultural traditions. The efforts of Bazankov and Hogan were essential in making writers a part of that sharing; and this anthology, the third book of the cooperative publishing effort they envisioned in 1990, is owed not only to their dream but to their persistence in the practical matters of such a project. It is my hope, and I am sure theirs, that these poems will speak to both Russian and American readers and thus fulfill their original dream of enhancing understanding between the peoples of Kostroma and North Carolina through a joint, dual-language publishing project of and by their respective writers.

It has been the desire of the editors of this anthology to include all North Carolina poets in our submission process, and letters soliciting submissions were sent to over 900 poets in the state. Brochures and flyers were posted in libraries and bookstores, mailed to English departments and writing programs in colleges and universities throughout the state, and distributed at the North Carolina Writers' Network Conference in the fall of 1999. We received over 400 manuscript poems from which 96 poems by 69 poets have been selected. We are pleased to present these poets to you, some well-known and some just beginning to publish their work.

After the successful publication in 1998 of *An Anthology of Kostroma Poets*, Bazankov and Hogan selected "Earth and Soul" as a theme for a complementary anthology of North Carolina poetry with the hope that a book with such a theme would embody universal ideas and feelings as well as increasing mutual understanding of differences. In both Russia and the United States, many thoughtful people, including writers, have great concern for preserving into the Twenty-first Century a healthy and thriving planet Earth, as well as concern for the souls or spirits of human beings in an increasingly complex technological world. The Russian word *dusha* is translated "soul, heart, moving spirit, inspiration." Traditionally, the highest compliment Russians can pay is to call you "Soulful," i.e., compassionate, in touch with your feelings, and open to the feelings of others. Their word *zemlya*, translated as "land, earth, native land," often conveys a peasant's reverence and

ЇДÅÄÈÑËÎÂÈÅ

Эта поэтическая антология началась с мечты двух писателей и издателей: русского — Михаила Базанкова и американки — Джуди Хоган. В рамках спонсорской программы городов-побратимов Кострома и Дарем осуществили много обменных визитов и поделились культурными традициями. М.Базанков и Дж.Хоган предприняли значительные усилия, чтобы визиты-обмены писателями стали частью этой программы. Эта антология — 3-я книга совместной изательской деятельности. Она была задумана в 1990 году и обязана своим появлением не только их мечте, но и их настойчивости в решении практических задач такого проекта. И я, также как и они, надеюсь, что эти стихи найдут отклик как у русских, так и у американских читателей и таким образом воплотят в жизнь первоначальную мечту — обретение взаимопонимания между людьми Костромы и Северной Каролины посредством совместного изательского проекта, осуществляемого на двух языках — проекта публикации произведений писателей Северной Каролины и Костромы.

Большим желанием редакторов этой антологии было включить всех поэтов Северной Каролины в данный процесс. Письма, оповещающие о конкурсе, были разосланы более чем 900 поэтам по всему штату. В библиотеки и книжные магазины, на все литературные факультеты и на кафедры университетов и колледжей, где есть курсы для писателей, были отправлены по почте брошюры и листовки. Брошюры и листовки были также распространены осенью 1999 года на конференции писателей Северной Каролины. Мы получили свыше 400 рукописей стихов, из которых были выбраны 96 произведений 69 поэтов. Мы счастливы представить вам этих поэтов. Некоторые из них уже хорошо известны, другие только начинают публиковать свои произведения.

После успешной публикации в 1998 году "Антологии костромской поэзии", М.Базанков и Дж.Хоган выбрали тему "Земля и Душа" для следующей книги — антологии поэзии Северной Каролины — с надеждой, что книга с такой тематикой воплотит всеобщие идеи и чувства, а также поможет прийти к взаимному пониманию различий. Как в России, так и в Соединенных Штатах, многие мыслящие люди, включая писателей, очень озабочены тем, чтобы в 21 веке наша планета Земля была здоровой, процветающей. Еще одна проблема, которая вызывает озабоченность, — это проблема души и духовности в нашем все усложняющемся техногенном мире. Русское слово "душа" переводится как "душа", "сердце", "дух", "вдохновение". Традиционно, наивысший комплимент у русских, это когда они называют вас "душевным человеком", это значит " сострадательный", "сопереживающий", "открытый чувствам других людей". Русское слово "земля", переводимое как " почва", "планета-Земля", "отчизна", часто передает уважение к ней и связь с ней земледельца. Русские писа-

connectedness to the land. Russian writers often express a deep and reverent love of Nature, priroda.

When Hogan confided to me during the process that there seemed to be more "Nature" than "Soul" poems submitted for the anthology, I noted that in many of the poems, nature often evokes "soul." The poems have been placed in sections, but many poems could as easily fit in one or more other sections. The division of the book into sections titled "Earth" and "Soul" is somewhat subjective and arbitrary, for Earth and Soul are not opposites; poems dealing with one often lead the reader to consider the other. In the section "Earth Mother," soul and nature are often "indistinguishable. If this is different from the way Russians write about "soul," then hopefully these poems will add to their understanding of Americans. We can only present ourselves as we are and our poetry as we write it.

The expressions of such a theme take many forms. Here the reader will find nature poems that lead to many other experiences. In the poem "Thin Places," the poet recalls the Celtic idea of actual places where the material and spiritual worlds meet. Poems of gardens and gardening reveal a longing for lost perfection; contemplation of the earth brings solace as well as a longing for home; and grieving is often expressed and moved to acceptance through images drawn from both wild and cultivated nature.

Although these poems were all written by poets currently living in North Carolina, Americans are mobile people; and these North Carolina residents have lived in or visited many areas of the United States and the world. In these poems, a sense of place is sometimes revealed by its absence or loss. I have been told that the Russian meaning of "earth" is often closely tied to one's place of birth, one's "fatherland." For Americans, earth can be both specific and general; to a mobile people, earth can suggest a closeness to nature *any place*, but the earth and soil of one's origins can also have special meaning, as in the poem "Grandma's House," in which the poet returns to the abandoned home of ancestors. In "I Don't Miss Texas," a transplanted Texan first speaks fondly in a folksy voice of her adopted North Carolina but then reveals with irony and the same folksy voice what she still loves and misses about her beautiful but rugged birthplace, her rodina.

The majority of Americans have roots in other countries, European, Asian, African, as well as a surviving small number of Native Americans "discovered" by European settlers. The people and writers of North Carolina reflect this multi-ethnic background. In these poems, you will hear African-American voices as well as European-American voices. Judeo-Christian images mix with African American images, pre-Christian European myths, classical Greek myths, and Native American gods and images. In a true

тели часто выражают в своих произведениях глубокую, благоговейную любовь к природе.

Когда Дж.Хоган в процессе работы, поведала мне что из стихов, представленных для антологии, кажется больше стихов о природе, чем о душе, я заметила, что во многих стихах природа — олицетворение души. Стихотворения распределены по разделам, но многие стихи легко могли бы войти одновременно в несколько разделов. Подразделение книги на части, озаглавленные "Земля" и "Душа", в некоторой мере субъективное и спорное, т.к. Земля и Душа не являются взаимоисключающими понятиями. Стихи, затрагивающие одну из тем, часто приглашают читателя к размышлению на другую тему.

В разделе "Мать Земля" душа и природа часто являются неразделимыми понятиями. Если же это каким-то образом отличается от того, как русские пишут о "душе", тогда, возможно, эти стихи откроют для русских новые черты американцев. На страницах этой книги мы можем только представить себя такими, какие мы есть, и представить нашу поэзию.

Выражение подобной темы многообразно. Здесь читатель найдет стихи о природе, которые обращены к разным сферам жизненного опыта человека. В стихотворении "Тонкие места" поэт вспоминает Кельтскую идею о фактически существующих местах, где соприкасаются материальные и духовные миры. Стихи о садах и садоводстве раскрывают стремление к утерянному совершенству; созерцание земли приносит утешение и страстное желание обретения дома; глубокая печаль часто выражается и воспринимается через посредство образов как дикой, так и облагороженной природы.

Хотя все эти стихи были написаны поэтами, живущими в настоящее время в Северной Каролине, американцы — мобильные люди, и те, кто живет в настоящее время в Северной Каролине, жили или бывали во многих местах Соединенных Штатов и мира. Во всех этих стихах ощущение места иногда проявляется через его отсутствие или потерю. Мне говорили, что русское значение слова "земля" часто тесно связано с местом, где человек родился, "землей предков". Для американцев "земля" и специфическое, и обобщенное понятие: для людей, склонных к перемене мест, "земля" предполагает близость к природе любого места. Но земля и почва того места, где человек родился, может также иметь особый смысл, как в стихотворении "Бабушкин дом", в котором поэт возвращается в покинутый дом предков. В стихотворении "Я не скучаю по Техасу", давно уехавшая оттуда женщина просторечивым языком тепло отзывается о Северной Каролине, а затем тот же ироничный просторечивый голос раскрывает, что она все еще любит и скучает по прекрасному, но суровому месту своего рождения — своей родине.

У большинства американцев "корни" — в других странах: европейских, азиатских, африканских, также как и у небольшого числа выживших коренных американцев, "обнаруженных" европейскими поселенцами. Народ и писатели Северной Каролины, отражают эту смешанную историю. В этих стихах вы услышите голоса Афро-американцев, а также голоса американцев Европейского происхождения. Иудейско-христианские образы перемешаны с афро-американскими

mix of cultures, a North Carolina teacher tries to account for her loss of her departing Japanese students by recalling a birth myth from Borneo.

Unlike much Russian poetry, contemporary American poetry uses little rhyme or traditional form. English is not an inflected language and does not lend itself to easy rhyming, but our contemporary writers rely on other aspects of language, such as assonance, consonance, alliteration, and natural speech rhythms to give music to their lines. Iambic lines, especially, are considered to mirror the natural rhythms of the English language; consider the iambic pentameters of Shakespeare's plays. "Organic form" is a popular concept in contemporary American poetry, and any American student of poetry has read or heard of Robert Frost's comparison of free verse to playing tennis with the net down — an exercise that puts special demands on the imagination and discipline of the player, or poet. We hope that the musicality of many of these poems reaches the ears of Russian readers.

I have chosen to begin the book with a poem by a Chapel Hill poet, written as a letter to the Russian poet Sergey Esenin. It is as if the American poet stands at the edge of North Carolina's Atlantic coastline and calls across oceans, continents, and time to a Russian poet whom he admires and loves. The book closes with a poem by a North Carolina poet and painter who yearly visits Eastern Europe. Each August since 1962, the city of Struga, in Macedonia, has hosted the Struga Poetry Evenings to which come poets from all continents. This final poem, "Struga," reminds us of the universality of the language of poetry. Although he does not understand the words literally, the poet does hear the rhythm and understand the mood of the poems. He tells us "Language/ is abstract/ and their words/ punch/ like the feet/ of dancers ... short sounds/ danced with/ purpose."

I hope this anthology also will overcome language and cultural barriers and in a small way add to the growing understanding between the people of Kostroma and North Carolina, of Russia and the United States.

I want to thank the many people who have contributed their time, money, and special skills to bring this anthology to publication. Besides Bazankov, who served as Project Director and Managing Editor in Kostroma, and Hogan, who served as Project Director and Consulting Editor for the Kostroma Committee of the Sister Cities of Durham, I wish to thank the members of Hogan's Spring 2000 class in editing and publishing poetry, Ed Cockrell, Annella Rockson, and Marjorie McNamara, for their help in the selection of poems from the many fine submissions received, and Jaki Shelton Green, whose help to the class, especially with the African American

образами, дохристианскими европейскими мифами, классическими греческими мифами и изображениями богов коренных американцев. В настоящем смешении культур учительница из Северной Каролины пытается восполнить потерю своих уезжающих японских студентов, вспоминая миф из Борнео о рождении.

В отличие от большинства русских поэтических произведений современная американская поэзия мало использует рифму и традиционные формы. В английском языке нет изменения окончаний, склонений, спряжений, его трудно рифмовать, но современные американские писатели полагаются на другие аспекты языка, такие как ассонанс (рифма одних гласных), консонанс (рифма одних согласных), аллитерацию и естественный ритм речи, чтобы придать музыку своим стихам. Считается, что особенно слог ямба выражает естественный ритм английского языка, как, например, размер ямба в пьесах Шекспира.

"Органичная форма" — наиболее популярная концепция современной американской поэзии, и любой американский студент, изучающий поэзию, читал или слышал выражение Роберта Фроста, который говорит о том, что писать белым стихом — все равно, что играть в теннис с опущенной сеткой. Это упражнение, которое предъявляет особые требования к воображению и дисциплине игрока или поэта. Мы надеемся, что музыкальность многих этих стихов достигнет ушей русских читателей.

Для начала книги я выбрала стихотворение поэта из города Чапел Хилл, написанное в форме письма русскому поэту Сергею Есенину. Американский поэт стоит на берегу Атлантического океана, омывающего Северную Каролину, и кричит через океаны, континенты и время русскому поэту, которым, он восхищается и которого любит.

Книга завершается стихотворением, поэта и художника из Северной Каролины, который ежегодно ездит в восточную Европу. Каждый август с 1962 года город Струга в Македонии проводит поэтические вечера, на которые съезжаются поэты со всех континентов. Это завершающее стихотворение "Струга" напоминает нам об универсальности языка поэзии. Хотя поэт не понимает прямого значения слов, поэт слышит ритм и понимает настроение стихов. Он говорит нам: "Язык / для меня абстрактен / и их слова / отбивают ритм / как ноги / танцоров / внезапными вспышками / кратких звуков / танцующих с умывалкой".

Я надеюсь, что эта антология также поможет преодолеть языковые и культурные барьеры и пусть хоть немного, но будет способствовать растущему взаимопониманию между людьми Костромы и Северной Каролины, народами России и Соединенных Штатов.

Мне хочется поблагодарить многих людей, которые пожертвовали время, деньги и способности, чтобы осуществить публикацию этой антологии. Кроме М.Базанкова, который являлся директором проекта и главным редактором в Костроме, и Дж.Хоган, которая являлась директором проекта и редактором-консультантом Костромского комитета городов-побратимов Дарема, я хочу поблагодарить членов 2000-ного весеннего курса по редактированию и изданию поэзии, который вела Дж.Хоган, — Эда Кокрепла, Аннеллу Роксон

poems, was invaluable. Ed Cockrell, as Assistant Project Director, also worked closely with Hogan to keep track of finances and to design and print flyers and brochures. Irina Yelevich, a former Moscow editor now living in this country, worked diligently with Hogan, even after an unexpected move from Chapel Hill to Minneapolis, to clarify American idioms and local references for the translators in Kostroma, Natalia Riabova, Natalia Vyazankina, whom we also thank for their careful and challenging work of putting these poems into Russian. Much of the planning and working through the process of the project was made possible by Aleksei Bazankov, whose computer skills make trans-Atlantic communication a matter of milliseconds. He also served as book designer and typesetter. Mikhail Bazankov was the artistic designer for the book as well as overseeing its production and organizing some events to celebrate it throughout the Kostroma Region. A large debt of gratitude is owed to the Kostroma

Committee, its members, and co-chairs Dottle Osborn and Linda Horstman for their ongoing help with these literary projects, and to the Sister Cities' board of directors, especially to Gary Shope, President, and Gloria Driver, Treasurer. Nor could we have publicized our project so widely and effectively without the generous gift of printing from the irrepressible Glyn Folk of The Ink Spot. And I'd like to thank ahead of time the poets in North Carolina who are eagerly helping to organize readings throughout the state in the spring of 2001.

Without the financial support of the many donors listed elsewhere and without a matching grant from the North Carolina Arts Council, publication would not have happened. A special thanks goes to Debbie McGill, Program Director for Literature at NCAC, whose hard questions sharpened our grants-application skills. The process has indeed embodied the Russian proverb used in our first letter soliciting funds: "If everyone in the village gives a thread, we can make a shirt for a naked man." This truly has been a cooperative venture, and it has been an honor, a pleasure, and an invaluable experience for me, an "outlander Virginia resident," to have been asked to work on this project with Mikhail, Judy, and all the others mentioned.

Sharon D. Ewing
Alexandria, Virginia
June 1, 2000

и Марджери МакНамара — за их помощь в отборе стихов из массы прекрасных представленных произведений и Джеки Шелтон Грин, чья помощь, особенно в отборе стихов афро-американских авторов, была бесценной. Эд Кокрелл, являясь помощником директора проекта, также работал в тесном сотрудничестве с Дж.Хоган. Он следил за финансовой стороной дела, оформлял и печатал листовки и брошюры. Ирина Елевич, редактор из Москвы, живущая сейчас в Америке, усердно работала с Дж.Хоган даже после своего неожиданного переезда из Чапел Хилла в Миннеаполис, составив аннотацию американских идиом и ссылок для переводчиков в Костроме. Мы также благодарим Наталию Рябову за кропотливую работу по переводу этих стихов на русский. В процессе подготовки и работы над проектом многое стало возможным благодаря Алексею Базанкову, чьи компьютерные способности делают транс-атлантическое общение делом долей секунд. Он также работал в качестве дизайнера и наборщика. Михаил Базанков был художником-оформителем книги, также он отслеживал процесс ее создания, а также организовывал ее презентацию по Костромской области.

Следует выразить огромную благодарность членам комитета по связям с Костромой и сопредседателям Дотти Осборн и Линде Хорстман за их постоянную помощь в этих литературных проектах, а также совету директоров, особенно его президенту Гэри Шопу и казначею Глории Драйвер. И, конечно, мы бы не смогли так широко и эффективно разрекламировать наш проект, если бы не щедрый дар тиражирования неугомонного Глина Фолка из "Инк Спот" (Ink Spot). И мне бы хотелось заранее поблагодарить поэтов Северной Каролины, которые с огромным желанием помогают в организации чтений книги в штате весной 2001 года.

Без финансовой поддержки многих жертвователей публикация бы не состоялась. Особая благодарность Дебби МакГилл, которая является директором литературной программы Художественного Совета Северной Каролины, чьи жесткие вопросы отточили наше искусство обращения за субсидиями. Этот процесс точно отображен в русской пословице, использованной в нашем первом письме с просьбой предоставить средства: "С мира по нитке — голому рубашка". Этот проект действительно стал совместным предприятием и делом чести, удовольствием и бесценным опытом для меня, жительницы отдаленной Вирджинии, приглашенней работать вместе с Михаилом, Джуди и другими людьми, упомянутыми во вступительном слове.

Шэрон Д. Юинг
Александрия, Вирджиния
1 июня, 2000 г.

INVOCATION TO THE MUSE

**ОБРАЩЕНИЕ
К МУЗЕ**

W.E.Cockrell, III

I Write to You, Sergey Esenin

Sergey, your blood is cold.
The poem you wrote long ago —
 dust.

We never spoke one word —
our lives apart in time,
 in worlds.

I know your story — a poet from the land,
a dear friend, a dashing hooligan,
 Russia's soul.

Wake for me now — free
of dark blue gloom.

 Show your shadow.

Walk with me at dawn —
We will talk to exhaustion
 your restless sorrow.

Speak with me of homeland,
and gentle meadows —
 the plowman resting at twilight.

Death is not new to life —
a last poem in blood.

 Forget your fears.
Walk your cherished journey.
Whistle loud — two fingers
 at your mouth.

Ring the hundred bells.
Cry out to the land —
 to the living.

В.И.Кокрелл, III

Я Пишу Тебе, Сергей Есенин

Сергей, твоя кровь остыла.

Давным-давно написанные тобой стихи —
тлен...*

Нам не довелось обмолвиться и словом —
наши жизни разминулись по разным тропам
во времени.

Судьба твоя мне знакома — деревенский поэт,
добрый малый, отъявленный хулиган.

Русская душа.

Расстанься с долгим сном, свободный от
темно-синих мрачных дум,
яви мне свою тень.

Пройдись со мной —
и заговорим до изнеможения
твою мятежную тоску.

Поговори со мной о доме,
о мягких заливных лугах,
о косарях, отдыхающих в сумерки.

В этой жизни умирать не ново —
твое последнее стихотворение, написанное кровью.

Забудь свою печаль.

Иди своей светлой дорогой.
Пальцы в рот — и заливистый свист
пусть прокатится звонко
и аукнется стозвоном сосняка.
Вскользни тишину на земле —
для живущих.

* Поэт говорит о тленности бумаги, на которой давно написаны стихи, но поэзия Есенина живет в народной памяти.

Part I: EARTH

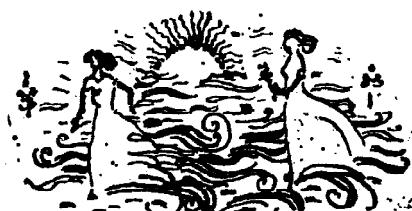
**MOUNTAIN, WOOD,
STREAM, AND SHORE**

”where man steps aside”

Часть I. ЗЕМЛЯ

**ГОРА, ЛЕС,
РУЧЕЙ И БЕРЕГ**

”где не ступает человек”

Betsy Humphreys

THIN PLACES

Celts named them *thin places*
where this world grazes the other,
where body meets spirit,
where one can see beyond sight
and be forever changed.

As I stood at lakeside
to watch the water
lap, lap, lap
the thin line of shore,
a portion seemed to hesitate, then resolve
not to return to the glistening pool
but choose its own course,
to seep deep into the earth,
prepared to nurture cattails,
even tall pines,
its life's direction forever changed
by a thin place.

Бетси Хамфрис

ТОНКИЕ МЕСТА

Кельты называли их "тонкими местами".
Этот мир там соприкасается с другим,
тело встречается с душой,
там в человеке просыпается ясновидение
и он меняется навсегда.

И вот я стою на берегу озера
и смотрю на воду —
хлюп-хлюп-хлюп —
на тонкую линию берега,
струйка воды заколебалась, но решилась — таки
не возвращаться в сверкающую гладь,
а выбрать свой путь —
просочиться поглубже в землю,
и напитать корешки
и даже могучие сосны.
Так ее жизненный путь навсегда изменился
в этом тонком месте.

H. Perry Horton

"searching for the soul of the earth."

i found it in

Bryce Canyon, Utah,
the stalagmites like dreamsickles
shooting for the stars,
pearl white in a baby blue abyss.

i found it in Lucern,
in the middle of the night with the city hushed,
the visible cloud

of my breath
making shadow puppets
in the light;

a boar, a fawn, an alley cat
it was waiting in Mendocino,
snaking up the Pacific Coast
right in the midst of the dusk,

casting colors
ephemeral and warm
on the hood of my truck
and the top of my arm.

it was in the breeze
climbing up the cliff wall
across the asphalt
into my window
that held fragrant and distinctive,
frozen in association
forever.

i'm looking for it
everywhere i go,

the places where man steps aside
and the earth erupts with a spirit alive
as the rest of the planet.

standing on the edge
of a picture postcard
some scenic memory
locked in someone's trunk somewhere.

the places
that make you
leap into the air,
yearning to enter the cosmos
as vapor,
Inside of everything
a part of it all.

*Х. Перри Хортон***"я искал душу земли."**

я нашел ее в
Брайс Каньоне, в Юте,
где сталагмиты как эскимо на палочках,
нацеленные на звезды,
жемчужно-белые в бледно-голубой бездне.
я нашел ее в Люцерне,
в полночь, когда в городе воцарилась тишина,
и зримые облачка
моего дыхания
вырисовывались на свету, как
в театре теней —
кабан, олень, бродячая кошка.
она притаилась в Мендосино,
извиваясь по берегу Тихого океана
в самый сумеречный час, отбрасывая
расцвеченные блики,
мимолетные и теплые,
на капот моего грузовичка
и на мою руку.
она чувствовалась в дуновении легкого ветерка,
который поднимался на скалистую стену
и по асфальту,
проникал в окно.
его благоуханье и неповторимое очарование
остались в моей памяти
навсегда.

я ищу ее
всюду, где я бываю,
в тех местах, где не ступает человек
и земля исторгает свою душу —
живая, как вся планета.
когда она стоит на краю
открытки с видами,
запечатленными кем-то на память о живописных местах, —
запертая открытка в чьем-то багажнике.
в местах,
которые побуждают тебя
прыгнуть высоко в воздух,
в страстном желании проникнуть в космос
словно пар.
Внутрь всего, что есть,
как часть всего этого.

Thomas Rain Crowe

PRAYER

Let the river's long dance run deep in darkness
that sleeps with tendrils
rustles with green frost secret of stone
fertile exotic fire magic of bone
Let water coax summer coiled warm in sweet mornings
Dirt cuddle winter throbbing in dead bouquets
Let fruit roll into the mouth of heavy song
Flowers burst from earth like wild moss
stealing sanctuary and eden from the soil
Let fresh whispers explode sprouting suns
making love in the blue rain
Where the never in evening haunts nature's blood
A red wine drinking from the trunks of trees
Wine like waves of voices in seas
The unleashed heart
These

Томас Рэйн Кро

МОЛИТВА

Пусть долгий танец реки бежит глубоко в темноте
которая спит в усиках растений
шелестит зеленым морозцем тайна камня
плодородным экзотическим огнем магия кости
Пусть вода задобрит лето, свернувшееся теплым кольцом
в приятные утра
Пусть земля крепко обнимет зиму,
трепещущую в засохших букетах
Пусть фрукты закатятся в уста мощного пения
Цветы проклонутся из земли как дикий мох
крадущий приют и райские кущи у земли
Пусть шепоты свежести разразятся отпрысками солнц
совершая акт любви в голубом дожде
Где вечерами Никогда охотится за кровью природы —
красным вином, которое оно пьет из стволов деревьев
Вино как волны голосов в морях
Все это —
Высвободившееся сердце

Elon G. Eidenier

**MOCKING BIRD AT SIX O'CLOCK
Summer Sands, Emerald Isle**

This tenor leafing through
pages of music sings the sea.

The ocean adds Its basso profundo. Sea oats slice the wind
to a vibrato.

A yellow-footed egret skitters the tide spearing notes
drifting down the sand.

Элон Г. Эйденир

**ПТИЦА ПЕРЕСМЕШНИК В ШЕСТЬ УТРА
летом на Изумрудном острове**

Этот тенор перелистывая
партитуру воспеваёт море.

Океан добавляет свой низкий бас.
Высокие травы рассекают ветер в вибраторе.

Белая цапля легко и быстро скользит желтыми ногами по воде
оставляя за собой вонзившиеся в песок ноты.

Deborah H.Doolittle

Between Rock and Empty Space

We stopped at a wide place
in the road, walked the rest of the way
to the cliff edge.

Perhaps
it was the blackberries
or the cloud of bees whirring overhead,
surely not the patchwork of clouds
and hummocks appearing at our feet,
but I could not raise
my voice above your whisper.

Дебора Х. Дулитл

Междур Горой и Пустотой

Мы остановились в месте, где дорога
расширялась, и оставшуюся часть пути шли пешком
до края утеса.
Может быть,
Виновата была ежевика
или туча пчел, гудевшая над нашими головами,
уж точно не от вида облаков и холмиков,
лоскутным одеялом явившихся у наших ног,
я не могла заставить голос
подняться выше твоего шепота.

Ann Campanella

On the edge

Sometimes
when the sun
plunges into cool blue

I look away
miss the event
I don't see

the black ant
zigzag
across my path

how the grass
leans to earth
in thatched patterns

the tilt and shimmer
of gossamer
stranded by spiders

I don't ache
at the curve
of a swallow's breast

settle
in the arc
of a mellow wind

instead
I stand
on the edge

afraid
to be.

Энн Кампанелла

На краю

Иногда
когда солнце
погружается в прохладную синеву

я смотрю мимо
упускаю что-то важное
чего я не замечаю

черный муравей
зигзагом
пересек мою тропинку

как трава
клонится к земле —
как будто кто-то стелет кровлю

лоскуток и поблескивание
паутины
которую сплели пауки

меня не трогает
крутой изгиб
груди у ласточки

я не устроилась
удобно под
легким ветерком

вместо этого
я стою
на краю

и боюсь
просто быть.

Jessica Rosser

Robeson Creek

Thick along this flooded shoreline,
the musk of rain and decay.

Years before,
when the water was low,
you and I tracked shad
as they scrambled,
slowed and confused
by a mid-October cold spell.
To experience hybrid bass,
to note their silver side,
we, sunk fast
into the exposed river bottom,
lost our shoes to rusty mire.

Джессика Россер

В устье реки Роупсон

Густо ложится вдоль затопленного берега
мускусный запах дождя и прели.
Много лет тому назад
во время мелководья
мы с тобой шли по следу "сельди"
в то время как они с трудом, медленно продвигались,
застигнутые врасплох
нагрянувшим октябрьским холодом.
Мы хотели ощутить под ногами это глинистое дно,
и увидеть серебристые бока рыб,
и мы быстро увязли
в обнажившемся дне реки,
потеряли наши башмаки в трясине ржавого цвета.

Joanna C. Scott

I HAVE BROUGHT MY DOGS TO THE WOODS

It is autumn

and one of them, the big red male, runs on ahead,
 rushing and leaping
 up and down the decorated hills,

black tongue trembling, eyes rolling in his head.

 But the other, the little one,
 the half-blind female,

sticks close to my heels,
 so that when I slow, even a little,
she stumbles into me,

and when I stop, she looks up at me
 with her one good eye
 and smiles.

Above my head
 I hear the sound of going,
 and looking up,

I see the high tops of the white oaks bow
 as though a presence travels by.
 I shard splits off the sun,

drops through the trees,
 and sets the fallen leaves ablaze
 with shattered light.

Then I lift up my voice and say,
 It is good to be here,
 to be rushing, wild, exultant,

or to be stumbling,
 smiling,
 only half blind.

Джоанна К. Скотт

Я ПРИВЕЛА СВОИХ СОБАК В ЛЕС

Сейчас осень

и одна из них, большой рыжий кобель, убегает вперед,
резвясь и прыгая
вверх и вниз по украшенным осенью холмам,

черный язык дрожит, глаза бегают по сторонам.

А другая, маленькая
полуслепая сука,

следует за мной прямо по пятам,
так что, когда я сбавляю шаг, даже чуть-чуть,
она наталкивается на меня,

а когда я останавливаюсь, она смотрит на меня
своим здоровым глазом
и улыбается.

Сверху

доносится звук происходящего,
и подняв голову,

я вижу как клоняются верхушки белых дубов
будто приходит в движение нечто божественное.
Частичка отделяется от солнца,

рассеивается сквозь деревья,
и превращает опавшие листья в огонь
развеянным светом.

И я с восторгом кричу,
как хорошо быть здесь,
носиться, наслаждаться свободой, ликовать,

или спотыкаться,
улыбаться,
быть только наполовину слепой.

Sam Barbee

Drip Line

Shade of the wild cherry tree,
where fruit softens and sours,
fit for grubs and summer swarms:
my children join me, eager
to pluck a sand pail of ripe cherries,
those still with a pop of surprise.
Their harvest clings to limbs,
drooping with extra weight
of a cooling-down shower.

I urge my helpers — *take your time,*
don't choose by color but by feel.

They listen, yet peep to the tree's crown,
to the tender yield, mapping out
which offshoots will get them there.

I let them go

and they scurry

within the shadow, locating laden stems.
Bending branches onto their heads,
rain clinging to leaves speckles shoulders.
Their ripe faith resting with green limbs,
they ascend, reckless —

scrambling to the bounty.

Where sunset penetrates bough,
an occasional bright face flares.

I move about messy fruit
in the grass beneath them,
and cull what worms
would shred by night.

Сэм Барби

Под деревом после дождя

Тень от дикой вишни,
где ягоды становятся мягкими и портятся, —
раздолье для червей и прожорливой живности.
Дети присоединяются ко мне, им не терпится
набрать ведерко спелых вишен.
Срывая их, они испытывают восторг.
Плоды льнут к веткам,
склоняющимся под тяжестью
освежающего дождя.

Я уговариваю своих помощников — *не торопитесь*,
выбирайте не по цвету, а на ощупь.
Они слушают, но украдкой поглядывают на крону дерева,
на нежные плоды, планируя
по каким веткам они смогут туда добраться.
Я разрешаю им взобраться на дерево
и они суетятся
под сенью вишни, подыскивая гнуущиеся под тяжестью ягод ветки.
Они пригибают ветки к своим головам,
и прилипшие к листьям капли дождя усеивают их плечи.
Они уверены, что зеленые ветви смогут их удержать,
и они поднимаются вверх отчаянно —
с трудом карабкаются к изобильным дарам.
Когда лучи заката проникают на сук,
неожиданно высветившееся лицо озаряется ярким светом.
Я подбираю грязные вишни
в траве,
чтобы черви
не источили их к вечеру.

Barbara Presnell

In October I Gather Persimmons

Already their faces are drawn, and
hitting ground so many burst and spill.
I choose them anyway,
if their color is good and no
bugs are stuck to skins.
Stems I chuck to ground.

I have seen old country women
pluck soft ones from dry leaves and
eat them raw, but there is too much
city in me — or youth — to take a bite
without at least cream cheese
to smooth it.

This is my habit: to fill
my sack to bulging, take them
home to strain through
close wires, smash them
till my arms ache, till the pulp
is pure and thick.
I make pudding no one
eats but me.

This recipe I learned
as a child: go after
what falls from trees. Hold
the fragile skins like cousins.
Know them like you know
the best of who you are.
Let them swirl like leaves
let loose from branches,
like children dropped
to dark, decaying earth.

Барбара Преснел

Я собираю хурму в октябре

Их мордашки уже сморщились и
ударяясь о землю плоды лопаются и растекаются.
Я все равно их отбираю,
если у них хороший цвет и никакие
насекомые не проточили кожицу.
Стебли я бросаю на землю.

Я увидела как старые деревенские женщины
собирали мягкие плоды среди сухих листьев и
ели их тут же, но во мне слишком много
города — или молодости — чтобы откусить
не добавив по крайней мере сливочного сыра
для смягчения вкуса.

У меня такая привычка: наполнить
свой пакет, чтобы он раздулся, взять плоды
домой, чтобы отжать через
сито, разминать их
пока не заболит рука, пока кашица
не станет однородной и густой.
Я делаю пудинг, который никто
не ест кроме меня.

Этот рецепт я узнала
еще ребенком: собирая
все что падает с деревьев. Относись к ним так же нежно,
как ты делаешь это по отношению к своим родственникам.
Понимай их как ты понимаешь
самое себя.
Пусть они вместе с листьями
падают с веток,
как дети падают
на темную прелую землю.

Joseph Bathanti

Burn Season

"God talks in the trees"

— Thomas Merton.
The Sign of Jonas.

All day chainsaws
ring us and rave their litany
of cut and cut.
There can be no tomorrow.
It is five o'clock and already
the icy moon tethers above
the church of Mount Zion.
We see it from our bedroom.
Its white, spike steeple
points toward heaven.
Its clapboard walls are like snow.
much with us — a winter purgatory.
Smoke fills the house with musk.
Ants spill from the wood
at the first trickle of flame.
Beneath the buckling bark,
grubs and glowworms disintegrate.
Forget that dirt is the last refuge.
In the split pit of wood so sharp
it sparked at the maul,
I have found chain, barbed wire, a hatchet head;
even a swatch of calico.
a coffin nail and small bone.
We live in the trees, without knowing;
we live in the fire.

Джозеф Батанти

Время Огня

"Бог говорит в деревьях"

— Томас Мертон.
Знак Ионы.

Весь день бензиновые пилы
вокруг нас в исступлении своей литании
пилят и пилят —
как будто завтра может не наступить.
Сейчас пять часов и
ледяная луна уже привязала себя
к церкви Горы Сиона.
Мы видим ее из нашей спальни.
Ее белый шпиль
указывает на небеса.
Ее обшитые досками стены похожи на снег,
его много в эту зиму — зимнее чистилище.
Дым наполняет дом мускусным запахом.
Муравьи сыплются из древесины
с первым языком пламени.
Под корчащейся корой
лопаются личинки жуков-светляков и другие личинки.
Забудьте что земля — последнее пристанище.
В расщепе полена —
топор высекал искры.
Я нашел цепь, колючую проволоку, обломок топора,
даже лоскуток ситца,
гробовой гвоздь и маленькую кость.
Мы живем в деревьях, не зная этого,
мы живем в огне.

Bonnie Michael

Overwinter

The longest night is over,
but I have surrendered
to the sweet darkness of winter
and I do not welcome spring.

In the deep silence of the earth
I feel my own pulse
beating as though this
were all there was to living.

The insistent voice of rain
comes soft and gray,
a balm for wounds
I never knew I had.

Winter jasmine blooms
and pale limbs
lattice the sky.
All I want is here.

Бонни Майкл

Зима прошла

Самая долгая ночь позади,
но я покорилась
сладкой темноте зимы —
мне не нужна весна.

В глубоком молчании земли
я слышу свой собственный пульс —
бьющийся так, будто это
и есть все, что надо, чтобы жить.

Настойчивый шум дождя
доносится монотонно и спокойно.
Он — бальзам на раны,
о которых я никогда и не ведала.

Зимний жасмин цветет
И небо просвещивает сквозь
Сплетенья блеклых веток.
Все что я хочу — здесь.

Jim Clark

Staying Lost

Sometimes I walk
until I am gone from everything I know

I walk and walk
but something keeps tugging at me
some memory I think

I look back
and see I am unraveling
already an arm is gone
and half the shoulder

I walk faster and faster
thinking maybe I can make it
before I am all gone

I try to trace the web
back through its tangles
but only lose more of me
as I turn in the circles of the lost

Finally my feet vanish
and I stop
strung like a net from rock and tree

So this is how it is
to be lost everywhere
like a spool of nerves
spun through the body of the world

From a thousand trees and bushes
I feel the delicate tremor
of birds weaving their nests

Джим Кларк

Потерянный

Иногда я иду,
пока не уйду от всего, что знаю.

Я иду и иду,
но что-то терзает меня —
я думаю, какие-то воспоминания.

Я оглядываюсь назад
и вижу, как развязываются мои хитросплетения:
уже и рука исчезла,
и пол плеча.

Я иду быстрее и быстрее,
думая что я с этим справлюсь,
пока я не исчез совсем.

Я пытаюсь распутать сеть,
расплетая каждый узелок,
но только еще больше теряю себя,
когда я возвращаюсь на круги утраченного.

Наконец исчезают мои ноги
и я останавливаюсь,
натянутый как паутина, свисающая с камня и дерева.

Вот что значит
Затеряться во всем,
как бобина нервов,
из которых соткана жизнь

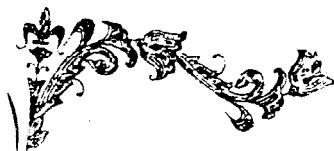
Из тысячи деревьев и кустов
до меня доносится нежный трепет
птиц, которые вьют свои гнезда.

Lou Green

Foxtail Lily

As a child I learned in the darkness, before day,
that the flowers' clusters are wild
and white. And like spires they spill the light
they possess to run through bramble, to clamber

up the blue bodies of birches, to drop
from such heights their hearts on the quivering
grass, on every dew-hooded stone
and lichen's scalloped edge turned pale.

Лу Грин

Лилия Лисий Хвостик

Еще ребенком я узнала в темноте, до наступления дня,
что скопления цветов буйные
и белые. И как язычки пламени они проливают свой свет,
бегут через ежевику, карабкаются

вверх по голубым телам берез, роняют
с высоты свои сердца на трепещущую
траву, на каждый покрытый росой камень,
на побледневшую зубчатую кромку лишайника.

Maureen Douglass Sutton

**I Don't Miss Texas
for C.J.Berkman**

I been gone about as long as I lived there. Mama's dead.
Family's fanned like spores from that Bexar County axis.
Carolina bred me a clear-headed good ole boy; him and me,
we got two gorgeous kids. We got rainbow azaleas,
waxy magnolias, dogwoods to knock your Easter socks off.
It's just that in February my heart starts searching
for bluebonnets. That blue that blasts every other blue since.
Bluebonnets stretching like a lunar landscape.
Where live oak and mesquite hunker like friendly cripples,
arthritics rising to encourage the dawn.
Okay. So maybe I miss the horizon,
which never stopped a blue norther, either, remember.
And that day one August, snaking east
from San Antonio to Houston on a highway
straight as a backbone, we stopped for gas: nothing
but caleche, scrub brush, dust, and adobe.
That dry wind fondling my brain, horn toads winking at me:
I could'a laid right down, crucified myself on the white line.

Морин Дуглас Саттон

Я не скучаю по Техасу

С. Дж. Беркману

Я уехала из Техаса почти столько лет назад, сколько я там жила. Мама умерла.
Семья развеялась как споры от стебля Округа Бексар.
Каролина вскормила для меня хорошего парня со светлой головой;
у нас двое замечательных ребятишек. У нас азалии всех цветов радуги,
восковые магнолии, кизил такой, что вы просто обомлеете.
Только разве что в феврале мое сердце начинает тосковать
по такому дикому синему лупинусу, что он затмевает любое другое синее.
Лупинус простирается как лунный пейзаж.
По дубам и кустам мескита,* похожих на сидящих дружелюбных уродцев,
поднимающих пораженные артритом ветви чтобы воодушевить рассвет.
Ну, да ладно. Может быть я скучаю по горизонту,
который никогда не останавливал пронзительный северный ветер, — помнишь?
И по тому дню в августе, когда мы тайком уехали на восток
из Сан Антонио до Хьюстона по шоссе
прямому как позвоночник, и остановились, чтобы заправиться: ничего
кроме "кибиток", "щеточек",** пыли, и глинобитных домов.
Тот сухой ветер ласкал мои думы, ящерицы подмигивали мне:
Я готова была распластаться и распять себя на той белой линии в середине дороги.

* Мескитовый куст — типичное растение для степей Техаса и юго-запада Соединенных Штатов Америки. Он может существовать без воды долгое время.

** Автор образно называет растения, которые типичны для этой местности.

Susan Alff

It is in the nature of Green

to be a run-on sentence, to
grow, ground, garland, drape, stalk, spear
spray, swag, and sprig
— even punctuated with berries,
to go on and on. Green

is the background world,
the landscape lift in layers
— ground, understory, canopy.
A jasper bird on pinnate leaves
sings Botany, Botany.

Green is Walt Whitman rooted,
parsley, pine, all plenty paired.
Each naming, organized or weed
— even the tight seed
bears currency. Green

in bog, bank, glen, down, dell
Dylan's, tumble young dumb bud and sap
on greenstick limbs.
Green is the pith,
the poem.

Сьюзан Альф

Это в природе Зелени

быть слитным предложением,
расти, не отрываться от земли, виться гирляндой,
свешиваться, распространяться, давать побеги,
ветвиться, провисать, и давать начало
— даже знаки препинания ставить ягодами,
продолжаться и продолжаться. Зелень

это фон жизни,
пластины пейзажа —
земля, подлесок, кроны деревьев.
Яшмовая пташка на перистых листьях
поет: ботаника, ботаника.

Зелень это укоренившийся Уолт Уитмен*
петрушка, сосна, и множество пар.
У всего свое название, у полезного и сорного
— даже тугое семя
дает потомство. Зелень

в трясине, на берегу реки, в долине, на безлесной
возвышенности и в лесистой лощине,
строчке из Дилана о молодой раскрывающейся почке и живительной силе
зеленых побегов.
Зелень — это сердцевина,
стихотворение.

* Уолт Уитмен — известный поэт 19 века, он первым стал писать в свободной форме (верлибр). Его главное произведение называется "Листья травы".

*Coppie Green***GRASSLANDS**

Somewhere there are grasslands running towards the mountain,
swept flaxen and golden, tasseled and slanting, long-wинновed,
feathered, passioned, and flowering. Fountain grass, meadow grass, rush
grass, and barley roll from their bolts shaking silk in long threads in the wind,
and under the grass the swells of earth breach their long backs.

Sometimes among mare's grass, blue stirs a slow flickering filament
parting the mind with its current, easing the wrist of its tempo,
teasing the hoof of a deer to lift and strike true. And the foxes to leap,
one, then another, spring and pause in the air, red plumage over the plume grass.
Until the blue deepens to shadow grass and twilight spills from its vessel
a gentian of evening. Now the grass has flowed to the foot of the mountain,
wind rolled up the grassland's aftermath, and so the waking world's.

And only the mountain is left, all that's left is the mountain, whose streams
run uphill to the cool promise of starlight, and the falcon asleep within silent wings,
and the sky clean and crystalline. But I kneel with the fox and the deer and
the field swallow's low sweeping flight close to the seedheads of tassel flowers.
Somewhere there are grasslands running towards the mountain and under the grass
the warm earth rises and falls. Headwinds strip the fireweed of its flower
and its purple secedes to white soft as cotton grass. It blows onto
the threshing horsetails bending their backs as one and drifts to ground.
When the wind parts the grass, white shadows are nesting among the quick sunlight.

Коппи Грин

СТЕПЬ

Где-то степь бежит к горам,
кольышется красками льна и золота, с султанами склоненных трав,
с перьями ковыля, буйная, и цветущая. Кипрей, луговой мятыник, тростник, ячмень
скатываются со своих рулона, покачиваясь шелком на ветру,
а под травой холмики земли проламывают их длинные спинки.

Иногда среди светлой травы, голубоватый лист вплетается мерцающей нитью,
сбивает течение мыслей, замедляет запястье,
дразнит оленя поднять копыто и ударить в точку. А лисиц — перепрыгнуть
один раз, другой, замереть над травой рыжим нарядом.
Потом синева сгущается до цвета темнейшей из трав, сумерки лют из своего сосуда
горчавку вечера. Теперь трава стеклась к подножию горы,
ветер смел остатки степного рулона.

И осталась только гора, все что осталось это гора, ее ручьи
бегут вверх к холодным обещаниям звездного света, и сокол спит под бесшумными
крыльями, и небо чистое, ясное. Но я преклоняю колени вместе с лисой, оленем и
низким стремительным полетом ласточки над султанами цветов.
Где-то степь бежит к горам и под травой
дышит теплая земля. Встречный ветер сдувает с Иван-Чая цвет,
опадает пурпур и он становится мягким как трава пушкица. Он дует на
трепещущие стебли хвоща так что они гнутся и клонятся к земле.
Когда ветер раздвигает траву, белые тени гнездятся среди быстрого солнечного света.

Maureen Douglass Sutton

How Goes Gaia?

Rand-McNally smooth? beach-ball round? Or cracked.
Wet and shifty. Ovoid. Loose. Volcanic. Does the sun hold you
peaceful in his rays like a medieval maid? Or do you hurtle,
toes vainly clutching at stones. Do oceans rest in their margarita bowls?
Or rush you like armies, pushing red dotted lines like a Hitler.
Can you sense the scallop shells cupping the high pines like breasts,
clacking their ageless siren songs? There's a hole in the ozone.
Hemorrhage? Toehold for alien gases? Those mountains under the sea:
magic crystals found in a museum shop? Or real Rockies,
where Cousteau rappels the wrong direction.
Is Atlantis pristine? Or gridded now with phone cables, junked
with Pepsi cans. Will Poseidon break surface, mangled in a plastic
tuna net? Or is the sea a bonny hag vomiting refuse back
on the Holiday Inns. When your child unearths him,
you visit the box turtle imprisoned on your porch.
For you, he clamps his lips like a postmistress.
But can your child open him up to croak
his primeval gossip: tales of that Galapagos cousin
whom they tease. For hissing at dinosaurs in her sleep.

*Морин Дуглас Саттон***Как поживаешь, Гея?***

Ренд МакНелли** ровная? Круглая как пляжный мяч? Или потрескалась?
Сырая и переменчивая? Яйцевидная? Неприкаянная? Вулканическая?
Солнце держит тебя мирно в своих лугах, как средневековая дева? Или ты мчишься,
тищетно цепляясь за камни? Покоятся ли океаны как маргарита*** в бокалах?
Или мчишься, как полчища, продвигая вперед линии точек, как Гитлер?
Чувствуешь ли ты, как створчатые раковины, словно как груди, подпирающие высокие сосны,
тараторят свои песни сирен? В озоновом слое дыра.
Кровотечение? Место проникновения инопланетных газов? Горы на дне морском:
волшебные кристаллы, найденные в музейной лавке? Или подлинные Скалистые горы****,
на которые как бы восходил Кусто*****, спускаясь по веревке.
Атлантида нетронута? Или пронизана телеграфными кабелями, захламлена
жестянками из-под пепси? Появится ли на поверхности Посейдон, запутавшийся в
пластиковой сети для ловли тунца? Или море — это ведьма, изрыгающая отбросы
обратно на Холидей Инн?***** Когда твой ребенок найдет маленькую черепашку,
ты увидишь ее в заточении на своей террасе.
Тебе кажется, что она поджимает губы, как начальница почтового отделения.
Но сможет ли твой ребенок высвободить ее из-под панциря, чтобы она прохрипела
свою извечную байку о Галапагосской кузине, которую они дразнили за то,
что она шипела как динозавр во сне.

* Гея — Греческое название земли, имя богини — Земли.

** Ренд-МакНелли — компания по производству карт.

*** Маргарита — популярный в Америке коктейль.

**** Упоминаются Скалистые горы на западе Америки.

***** Жак Кусто — известный исследователь подводного мира, который не так давно ушел из жизни.

***** Холидей Инн — сеть гостиниц в Америке.

K. Culley Holderfield

I Will Read Mountains

I will read mountains for you.
A bearded, rimed bard they are not,
but their folds impart ancient tales.
They speak of foolish young violence
nestled now into a green, sedate old age.

I will read the mountains in their time
not yours.
Their stories persist, evolve cosmic, turtle-like,
to your flash and bum, falling star of a life.

I read mountains as a blind man loving.
I follow curves, fertile and fallow for the crop of a
Thousand million years.
My entire body grips the earth.
I breathe the must of hollows and the crisp sweetness of the peak.
It is redolent of stone and decay and new life.

I will read mountains for you
until they are no more.

К. Калли Холдерфилд

Я буду читать горы

Я буду читать тебе горы.

Они не бородатый, убеленный сединой бард,
но их складки делятся древними сказаниями.
Они рассказывают о безрассудной молодой удали,
приотившейся сейчас в зеленом, степенном старчестве.

Я буду читать горы в их время,
не твое.

Их предания продолжают жить, грандиозно развертываются черепашьими
шагами в сравнении с твоим мгновением, падающей звездой жизни.

Я читаю горы как любит слепой человек.

Я прослеживаю изгибы, благодатные и возделанные под посев
Миллиардов лет.

Все мое тело крепко прижимается к земле.

Я вдыхаю затхлость впадин и бодрящую сладость вершины —
Это опьяняющий запах камня, разложения и новой жизни.

Я буду читать тебе горы
пока их не станет совсем.

GARDEN, FIELD, AND POND

”the furrows blur & blur again,
each line melting back into earth”

САД, ПОЛЕ И ПРУД

”борозды расплываются и расплываются,
каждая линия вновь сливается с землей”

Sharon A. Sharp

Abiding Appalachia

Afternoon shadows show who heeded
the mountains' nature. Light leaves
valleys first, leaves behind a dark
band as maples, oaks glow along peaks.
Twilight-shrouded wood-frame homes,
feather-boarded cabins hug hollows,
spring and summer, fall and winter,
winter, winter. When winds raged
and snows buried roads, burdened
roofs, prevented burials, those who'd
settled early sought protection below,
almost beneath ridges, where the deft
dismantling of planks, shingles, panes,
stones was slowed. Stoked the warmth
from what they'd felled, chopped, stacked,
carried, ignited. Spun cloth and tales.
Chipped ice, scooped snow to brew teas.
Little by little emptied root cellars
recently gorged. Warned children,
grandchildren, progeny unborn against
ignoring the protection of natural dens
and rooted kin. Picked out, passed along
age-old ballads steeped in mountain blues.

Шэрон А. Шарп

Житие в Аппалачах

Предзакатные тени показывают кто послушен природе гор. Свет первый покидает долины, оставляя за собой темную полосу в то время как клены, дубы блистают вдоль вершин. Деревянные дома окутаны сумерками, дощатые хижины жмутся к низинам весну и лето, осень и зиму, зиму, зиму. Когда бушевали ветры и снега погребали дороги, отягощали крыши, мешали хоронить, те кто обосновался давно искали защиту ниже, почти у подножия горных хребтов, где ветры не рвали обшивку, кровельные доски, не били оконных стекол, Поддерживали тепло тем что они свалили, нарубили, сложили, перенесли, подожгли. Ткали полотно и свивали сказки. Кололи снег чтобы готовить чай. Мало-помалу опустошали погреба, еще недавно заполненные до отказа. Наставляли детей, внуков, будущее потомство не пренебрегать естественными укрытиями и крепкой родней. Выбирали на слух, передавали по наследству вековые баллады выстоявшиеся в музыке гор.

Jeffery Beam

**LE QUATTRO STAGIONI
(The Four Seasons)**

Primavera (Spring)

Time of illusive
shadblow:
white snow when
snow supposedly has turned
its back on the world.

Yellow time:
forsythia
and daffodil
the sun's tiger-green eyes
through new sycamore leaves.

The skink:
electric fellow
listening for the goldfinch
waiting for the ant's
civilized caravans to return.

Mothers
floating
up:
scent of violets
from ruined earth.

Джеффери Бим

LE QUATTRO STAGIONI*
(Четыре Времени Года)

Primavera (Весна)

Время притворщицы
ирги**:
усыпанной снежно — белым цветом
когда снег
должен уже сходить.

Желтая пора:
форсития
и нарциссы
тигрово-зеленые глаза солнца
сквозь молодую листву платана.

Сцинк***:
электрический малый
слушает песни щегла
ждет когда вернется
цивилизованный караван муравьев.

Матери
способны взлететь
вверх:
запах фиалок
из разрытой земли.

Estate (Summer)

You would not believe it
if I told you
but I will tell you
anyway.

The light faded,
old fruit
darkened around its
edges.

Rains came pouring:
water from giants
in the sky to the giants
of the earth.

All laughing at us, at each other,
laughing so hard
their tears cleansed

the still paths
in the garden —
the more still paths
in the soul.

Autumno (Fall)

In dry grasses —
crickets —
brothers to Orpheus.

Geese in pairs.
Their cowed heads
contented, wine-colored.

Estate (Лето)

Вы бы не поверили
если бы я рассказал
но я все равно
расскажу вам.

Свет потускнел,
старые плоды
потемнели по
краям.

Начались проливные дожди:
вода из гигантов
небесных на гигантов
земных.

Все смеются над нами, друг над другом,
хочут так сильно что
их слезы очистили

тихие дорожки
в саду —
еще более спокойные тропинки
в душе.

Autumno (Осень)

В сухой траве —
сверчки —
братья Орфея.

Гуси парами.
Их пугливые головы
спокойны, приняли бордовый окрас.

Late daisies —
fiddle music —
the goldenrod's torches.

A jig for love —
Love me —
Love me not —

Love me.

Inverno (Winter)

The ice forms before we can name it,
although its name is as old as the world.
In the night white fires smolder,
our bodies heating the corners of the cold.

Morning light:
squirrels waking to dig
snow.
Chickadees' slow

hammering.
Cardinals' sly crack
opening the chill.
Between snowflakes

the butterfly's heart.
Between snowflakes:
Silence. The night sky.
A human voice remembering.

Поздние ромашки —
музыка скрипок —
фонарики золотарника.

Танец на любовь —
Полюби —
Не люби —

Полюби.

Inverno (Зима)

Лед образуется раньше чем мы назовем его имя,
хотя его имя старо как мир.
Ночью белые огни тлеют,
наши тела согревают углы холода.

Утренний свет:
просыпаются белки и копают
снег.
Синички медленно

долбят клювами.
Озорной треск птицы-кардинала
предвещает холодную погоду.
В снежных хлопьях

сердце бабочки.
В снежных хлопьях:
Тишина. Ночное небо.
Голос человека вспоминает.

* Итальянские названия частей стихотворения и всего произведения вторят знаменитой серии скрипичных концертов Вивальди "Времена года".

** Канадская ирга (*shadbush*, *shadblow*) или, дословно, "дерево алозы" (алоза — *shad* — рыба из семейства сельдей) зацветает ранней весной маленькими белыми цветами в то же время, когда алоза мечет икры.

И то, и другое ассоциируется с весной.

*** сцинк — маленькая ящерица.

Charles Blackburn, Jr.

Winter Gothic

The house is long gone,
But the cathedral of oaks
That shelters the drive
Ennobles the whole
Grand sweep of the sky.

While courting solitude
On afternoon walks, I've
Fallen for winter's tracery:
The yearning undefined
Laid bare along the bough.

We're down to basics now,
Charcoal on white paper,
A few deft strokes
That sum it up.
The oaks are bereft.

Darkness comes early.
But the forecast calls
For freezing rain,
And the sun will strike
Those crystal spires.

Чарльз Блэкберн, младший

Зимняя Готика

Дома давно уже нет,
Но собор из дубов
Укрывает подъездную дорогу и
Возвеличивает весь
Необъятный простор неба.

Я искал уединения
Прогуливаясь днем, и
Влюбился в узоры зимы:
Неясная тоска
Обнаженная лежала на суху.

Мы сейчас у основ,
Рисунок углем на белой бумаге,
Несколько искусственных штрихов
Которые завершают картину.
Дубы горюют.

Темнеет рано.
Но прогноз предвещает
Леденящий дождь,
И солнце будет биться
В этих хрустальных шпилях.

Hope Schene

WINTER FLAME

**"...the souls of those whom we have lost
are held captive ...until we recognize their voice..."**
Marcel Proust

A quiet absence.
An island of wearied light
scant on the wall.

The hibiscus opens, seven inches across,
rays its orange applause on branches
bare before, now sprigged new green.

I kneel and bend to the petal edges,
let the kindled loving roam my face
like the silken pass of my mother's hands.

Хоп Шин

ПЛАМЯ ЗИМЫ

"...души тех, кого мы потеряли,
содержатся в плену ...пока мы не распознаем их голос..."
Марсель Пруст

Спокойное отсутствие.
Островок померкнувшего света
едва заметен на ограде.

Роза гибискус распускается, семь дюймов величиной,
излучает свое оранжевое признание на ветки
до этого голые, сейчас с побегами новой зелени.

Я встаю на колени и склоняюсь к краешкам лепестков,
позволяя возгоревшейся любви побродить по моему лицу —
это как шелковистое прикосновение рук моей матери.

G.C. Waldrep

Weather Report: 7 February

The machine again. Outside
rain courses & pummels & tries
to coerce our sympathy
for the natural world, the
too-early blooms trembling
bravely & uselessly
in the February wind, the spring
peepers released much too early
from their dark dreams.
Something in a man's heart
doesn't want to take this
lying down, the frost,
the sleet, whatever reminds us
of our own cold end.

If we acknowledge that faith
is, at best, a perceptual
choice, we make horticulture
more attractive. Outside,
my neighbor bends low
to pick up a rock, flings it
toward the road, straightens
& wipes the dark smear
from the heel of his left hand.
Behind him the furrows blur
& blur again, each line
melting back into earth.

Дж. К. Уолдреп

Прогноз погоды: 7 февраля

Снова трактор. На улице
дождь льет, барабанит и пытается
добиться нашей симпатии
к миру природы, эти
слишком ранние цветы дрожат
храбро и бесполезно
на февральском ветру, весенние
древесные лягушки поспешили освободиться
от своих ночных снов.
Сердце человека
не хочет воспринимать это
безропотное подчинение, мороз,
мокрый снег — все, что напоминает нам
о нашей собственной холодной кончине.

Если мы признаем, что вера — это,
в лучшем случае, наш личный
выбор, тогда садоводство будет
более привлекательным. На улице
мой сосед низко наклоняется
чтобы поднять камень, отбрасывает его
на дорогу, выпрямляется
и вытирает грязное пятно
тыльной стороной левой руки.
За его спиной борозды расплываются
и расплываются, каждая линия
вновь сливается с землей.

David E. Poston

MARTHA'S GARDEN

The chameleons have left the morning wall,
and the ugly brown toad cools in his niche
beneath the battered faucet. The birds flit and dart,
calling each other names frightful and sweet
across the lawn as the highway whines and sings.

Kneeling on warm earth to break
the tender clods apart and pull the stubborn weeds
is my blessing. The nutgrass squeaks
against my fingers, the greedy crabgrass laces tautly
and will not yield until I taste warm salt
and push aside these gray wisps to wipe my eyes
with the back of a black-fingered hand.
Rising to stretch my bones, I turn my face
into that breeze full of leafpromises. Oh,

tall sons, plump daughters, grandchildren all,
ripen under the spring moon, pry open
the cool morning ground, sing to me
in the shade of the afternoon.

I will kneel to listen.

Давид И. Постон

САД МАРТЫ

Хамелеоны покинули утреннюю ограду,
и безобразная жаба прохлаждается в своей нише
под сломанным водопроводным краном. Птицы порхают с места на место,
обзываая друг друга именами пугающими и ласковыми,
над газоном а шоссе повизгивает и подпеваёт.

Стоять на коленях на теплой земле разбивать
рыхлые комья и вытаскивать упрямые сорняки
мое блаженство. Осот скрипит
не поддаваясь моим пальцам, жадная ползучая трава опутала прочно
и не уступит пока я не испробую соленого пота,
смахивая в сторону эти седые пряди и вытирая глаза
тыльной стороной моей ладони с черными пальцами.
Поднимаясь чтобы размять свои косточки, я подставляю лицо
легкому ветерку наполненному обещаниями листвы. О,

высокорослые сыновья, дочки-пышки, внуки все,
пусть зреют под весенней луной, пробиваются сквозь
прохладную утреннюю землю, поют мне
в тени дня.

Я встану на колени и буду слушать.

Janice Moore Fuller

Through a Falcarragh Cottage Window

1

If I dip my foxglove
finger into the lavender
of heather,
I will know color.

2

See how
the carnation's
deep pink
arranges itself
before the lichen.
See how it asks
to come inside.

3

The hedge row snatches
the drop of fuchsia,
tucks it into its pocket.

4

The blunt edge of blue
will sharpen itself
and spade away
the clouds.

5

Such clutter of leaves,
the hydrangea sweeping
from purple.
If only I could
straighten them,
show the bloom
to its best advantage.

Джэнис Мур Фулпер

Из окна домика в Фалкарра

1

Если я приложу свой палец
из наперстянки к лаванде
вереска,
я познаю что такое цвет.

2

Посмотри как
ярко-розовый цвет
гвоздики
устроился
на фоне лишайника.
Посмотри как он приглашает
войти.

3

Полоса живой изгороди выхватывает
вкрапление фуксии,
засовывает ее себе в карман.

4

Тупая кромка голубого
заострится
и разроет
облака.

5

Такое засилье листьев,
в гортензии столько оттенков
пурпурा.
Если бы я могла
привести их в порядок,
показать цвет
во всей его красе.

6

Just before dark
three hollyhock stalks,
no more than
nine violet blooms.
The window waits.

7

Place the nasturtium there.
Open its arms before
the hooded yew.

8

This glass, this
distance, this
clouding over,
this hazing
of the thistle.

9

I will move through
the fennel's
curly leaves.
They will teach me
how to bow.

6

Незадолго до темноты,
три стебелька алтея,
не более
девяти сиреневых цветов.
Окно ждет.

7

Посади здесь настурцию.
пусть она откроет свои объятия
тисовому дереву спрятанному под капюшон.

8

Это стекло, это
расстояние, эти
облака,
этот чертополох
в дымке.

9

Я проберусь сквозь
кудрявые листья
фенхеля.
Они научат меня
как делать поклон.

Stephen Knauth

Blue Angel

Though it may not protect me
the Blue Angel Hosta does
instruct me. It says rise

up from the ground but
not too fast. Sway when
the wind whispers *sway*.

Give to the leaf what you
give to the bloom. Stay put.
Remember, the Blue Angel reminds me,

your beauty is made of rainwater and dirt.

Стивен Наут

Голубой Ангел *

Хотя он может и не защитить меня,
Голубой Ангел Хоста действительно
наставляет меня. Он говорит: поднимайся

из земли, но
не слишком быстро. Качайся, когда
ветер шепчет качайся

Давай листьям то, что ты
отдаешь цветам. Оставайся там, где ты есть.
Помни, подсказывает мне Голубой Ангел,

твоя красота сотворена из воды и земли.

* Голубой Ангел Хоста — очень красивое растение из рода луковичных с большими листьями, выходящими из земли. Широко распространено в США.

Karoline Nelson

Fertile Ground

Sunset lantana,
bright coral penta,
discounted, greying verbena.

Three new plants invite her
to sink their roots in rich soil,
made richer with peat moss
and Black Cow added.

She wants to run home,
to grab her shovel and
put these under the soil, give them
a home in the dark earth.

Make some beauty to cover
the shame she tries to uncover
with a weekly visit to a therapist,
the first to listen to all
of her troubles, to see past
her self-deprecating laughter,
to find her, beneath the her
she had created, the her
that worked, the her
that needed nothing.

Each week she buys new flowers,
filling her yard with color
to cheer her, to nurture a self
that others had neglected.

Каролин Нельсон

Плодородная Почва

Краснеющий куст лантаны,*
ярко коралловые цветы пенты,*
удешевленная сероватая вербена*.

Три новых растения ждут, чтобы она
опустила их корни в жирную почву,
удобренную торфом
с добавлением навоза.

Она хочет побежать в дом,
схватить лопату
и посадить их, дать им
пристанище в темной земле.

Создать что-то красивое, чтобы прикрыть
стыд, который ей приходится обнажать
каждую неделю на приеме у психиатра,
который первым выслушивает все
ее проблемы, не обращает внимание на то,
что она смеется над собой, унижая достоинство,
отыскивает ее, под тем образом себя,
который она создала, под образом той,
которая работала, под образом той,
которая ни в чем не нуждалась.

Каждую неделю она покупает новые цветы,
наполняя свой двор красками,
чтобы подбодрить себя, взрастить тот образ "я",
которым другие пренебрегли.

* Лантана, пента, вербена — названия садовых цветов.

Mary Alice Countess

DROUGHT-BREAKER

Each night we stretch our heat-weary bodies out
On sheets like the Sahara,
Trying to fall asleep in rooms
That have no coolness left.
Outside the baked dark is as close as the house-air.
We fall at last into a comfortless doze.
Thunder sounds on the edge of our sleep,
But our tired minds
Reject the promise of rain.
Taunted this way all summer,
We have given up hope.
Much later thunder cracks us awake.
The curtains stir, rounding up dead air.
We sense moisture somewhere,
But, unable to hold our eyes open,
Plunge back into sleep
Like rocks dropped into a well.
The full storm comes soon,
But we sleep on,
Rousing only when lightning-flashes penetrate
Our closed eyelids, too exhausted for fear.
Later, waking at intervals,
We hear the downpour strengthen,
No ruse this time,
But real rain
Roaring in the house gutters
And playing its many notes
On the green keys of the leaves.
We relax into comfort almost forgotten
And pull the sheet up
As the rain goes on
And on,
Bearing us along toward a fresh morning.

Мэри Элис Каунтесс

ПОКОРИТЕЛЬ ЗАСУХИ

Каждую ночь изморенные от жары мы растягиваемся
На простынях похожих на Сахару,
И пытаемся заснуть в комнатах
Где совсем не осталось прохлады.
На улице печеная темнота удущлива как воздух в доме.
Без всякого утешения мы наконец впадаем в дремоту.
Звуки грома сквозь сон,
Но наш уставший разум
Не воспринимает предвестие дождя.
Нас все лето так дразнили,
И мы потеряли надежду.
Спустя много времени раскаты грома будят нас.
Кольышутся шторы, разгоняя спретый воздух.
Мы где-то ощущаем влагу,
Но, не в состоянии открыть глаза,
И снова погружаемся в сон
Как камни брошенные в колодец.
Скоро начинается настоящая гроза,
Но мы продолжаем спать,
И просыпаемся только когда вспышки молнии пронизывают
Наши сомкнутые веки, слишком измощденные, чтобы пугаться.
Позднее, просыпаясь время от времени,
Мы слышим как усиливается ливень,
На сей раз без обмана,
Настоящий дождь
Бушует по водосточным желобам
И играет свою долгую музыку
На зеленых клавишиах листвы.
Мы погружаемся в почти забытый отдых
И натягиваем простыни...
А дождь все льет
И льет,
Унося нас навстречу свежему утру.

Mary Alice Countess

ADVICE FOR THE POET

Be a still pond,
Reflecting silent things that pass,
Such as clouds and high hawks.
Be a still pond,
Buoying up dry leaves
That touch down lightly
And drift the surface at your will;
A still pond
Where a few bright leaves settle
Bottomward
To hang there
Suspended in amber liquid
Like set gems;
A still pond
The breeze ruffles
All the way across
To sanctuary in brown reeds, green fronds.
Accept the dimpling rain,
And be a still pond
That sometimes holds the lightning's fire;
A pond where a received pebble
Marks its place with a circle moving outward —
But, first, be a still pond.

Мэри Элис Каунтесс

СОВЕТ ПОЭТУ

Будь тихим прудом,
Отражающим то безмолвное что проходит мимо,
Как облака или парящие ястребы.
Будь тихим прудом,
Удерживающим на плаву сухие листья,
Которые едва касаются поверхности
И плывут по твоей воле;
Тихим прудом,
В котором несколько ярких листьев опускаются
Ближе ко дну,
Чтобы остановиться там,
Повиснув в янтарной воде,
Как набор самоцветов;
Тихим прудом,
Где ветерок рябит воду
На всем пути
До приюта в камышах, зеленых ветках.
Принимай рябь дождя,
И будь тихим прудом,
Который иногда вмещает огонь молнии,
Прудом, в котором брошенный камешек
Оставляет расходящиеся круги,
Но сначала — будь тихим прудом.

Charles Edward Eaton

THE NAKED TRUTH

In the twilight filled with late, late roses,
Camellias, susanquas, not yet taken by the frost,
I wonder what the order and disorder of the coming night
imposes.

All afternoon I sat naked in the sun
Thinking of things composed, imposed, myself a kind of flower,
Late, late, but not yet overblown, irremediably done.

The night, of course, will have a place for me:
Order, disorder — the huge, hybrid, cosmic plan —
I remember the shining youth standing by a brilliant sea,

Also naked, feeling like some growth, some product
of the water —
Ahl, that blue, blue garden of long ago,
Promising to be fertile for all my dreams no matter,

No matter what. Now this floral matrix and the mellow tan:
I could drown heavily if I want to in accumulated dreams
Without much more accomplished, perhaps, than that a boy
became a man.

The night so full. So fulsome? — how should I behave? —
I sit among flowers, naked, summon the early glamorous sea,
And lift one gilded arm above that blue, that dark, oncoming wave.

Чарльз Эдвард Итон

ГОЛАЯ ПРАВДА

В сумерки, наполненные поздними, поздними розами,
Камелиями, сусанками*, еще не тронутыми морозом,
Я думаю о том, что порядок и беспорядок грядущей ночи
навевает.

Весь день я сидел голый на солнце
И думал о чем-то спокойном, навеянном, будто я сам вроде цветка,
Позднего, позднего, но еще не отцветшего, безнадежно завялшего.

В ночи, конечно, найдется место для меня:
Порядок, беспорядок — огромный, гибридный космический замысел —
Я вспоминаю жизнерадостного юношу, стоящего у сияющего моря,

Также голого, с ощущением что он вырос, возник
из этой воды —
О, тот синий, синий сад минувших дней,
Обещавший быть плодородным для всех моих мечтаний,

не важно каких. А теперь эта цветочная матрица, мягкий загар:
Я мог бы утонуть, если бы захотел, в накопившихся мечтах
Достигнув, пожалуй, немного большего, чем то, что мальчик
стал мужчиной.

Вечер такой полный. Такой переполняющий? — как мне себя вести? —
Я сижу среди цветов, голый, зову по-прежнему чарующее море,
И поднимаю позолоченную руку над той синей, той темной, набегающей волной.

* Камелии, сусанки — цветы. Розы в Северной Каролине могут цвести до самой поздней осени, даже до декабря. Стихотворение написано осенью.

Ione S. O'Hara

Three Friends of Winter

sho chiku bai

Tell me, pine, bamboo, and plum,
what follows autumn.

I want to know what waits
for me when leaves fall,
clouds bank snow
and I stand on the bridge
looking down into waters
colder, clearer than silence
that could last all winter
without the promise
of green scent of pine,
whistling song of bamboo,
sweetness of plum.

Ион С. О'Хара

Три друга зимы

ио, чику, бай

Скажите мне, сосна, бамбук и слива,
что следует за осенью.

Я хочу знать, что ждет
меня, когда падают листья,
облака накапливают снег
и я стою на мосту
глядя вниз на воды, они
холоднее, прозрачнее, чем безмолвие,
которое может длиться всю зиму,
не обещая
зеленого запаха сосны,
свистящей песни бамбука,
сладости сливы.

Part II: SOUL

GRIEF AND DEATH

”a bird is loose in the sanctuary”

Часть II. ДУША

ГОРЕ И СМЕРТЬ

”птица бьется на алтаре”

Susan Broili

Between the Lines

To Anna Akhmatova

Akhmatova,
Your sad songs enter
the heart like a blast
of air, from a window
flung open in winter.

Sudden pain dulls to ache,
then deadens like ice
on a deep cut, all feeling
gone, yet the wound remains

You gave your heart so
easily: a gift crumpled
like an unread love letter,
tossed into the gutter,
and washed blank
by freezing rain.

Yet you must have known
some tenderness exchanged.
For without joy,
there is no sadness.
Without peace, no unrest.
Without love, no loneliness,
loss or grief.

Without pain, no need
to dive beneath the ice,
catch the iridescent fish
and cast it out for all to see,
alive and complete,
gasping for breath,
in a cold, bright patch of sun.

Сьюзан Бройли

Между строк
Анне Ахматовой

Ахматова,
твои грустные мотивы входят
в сердце как порыв
воздуха из окна,
настежь распахнутого зимой.

Внезапная острая боль постепенно притупляется,
а потом ты уже не чувствуешь ее —
это как лед на глубоком порезе —
ничего не чувствуешь,
но рана остается.

Ты отдавала свое сердце так
легко: дар, скомканный
как непрочитанное любовное письмо,
выброшенное в канаву,
и размытое добела
леденящим дождем.

Но ты должно быть познала
взаимную нежность.
Потому что без радости,
не бывает грусти.
Без покоя, нет тревожности.
Без любви, нет одиночества,
потери или горя.

Без боли, нет потребности
нырнуть под лед,
поймать переливающуюся рыбку —
и выбросить, чтобы все увидели ее,
живую и невредимую,
как она ловит глоток воздуха, —
в холодном ярком солнечном зайчике.

Carrie Gerstmann

**TO FORGOTTEN CHILDREN
(OF HEART AND MIND)**

I GIVE YOU TO MEMORY.
I HONOR YOU. MUMMIFIED,
WRAPPED IN BARELY-TOUCHING GAUZES

I GIVE YOU TO VETIVER UNCTIONS
TO ROSEWOOD BALMS AND LINIMENTS

I DOUSE YOU WITH POWDERED GREEN MALACHITE
LACED WITH GROUND LAVENDER

I WRAP YOUR FEET IN ROSE WATER-BATHED SILK

1 SPIRAL FINGERS
WITH STRIPS OF RED FENNEL LEAF.

I COVER YOU WITH FRESH GARDENIAS
WHITE LILIES, GREENGOLD STRANDS OF NEWEST VINE

I SHROUD YOU WITH LIQUID
INDIGO VELVET

I LIGHT YOUR PYRE
WITH CYPRESS
APPLE WOOD
MESQUITE

I INHALE YOUR INCENSE SMOKE
SOAK YOU IN THROUGH MY HAIR'S ROOTS

I DRAW YOU THROUGH MY FINGER PADS
I SPREAD YOUR ASHES INTO A GLOBE-SHAPED SMOKE SHELL

AROUND THE EARTH.

THAT ALL MAY BREATHE YOU
ALL MAY DREAM YOU
ALL MAY KNOW YOU

Кэрри Герстман

**ЗАБЫТЫМ ДЕТЯМ
(СЕРДЦА И РАЗУМА)**

Я ПРЕДАЮ ВАС ПАМЯТИ.
Я ПОЧИТАЮ ВАС, ПРЕВРАТИВШИХСЯ В МУМИИ,
ЗАВЕРНУТЫХ В ЕДВА КАСАЮЩИЕСЯ МАРЛЕВЫЕ ОДЕЖДЫ

Я ОТДАЮ ВАС ВИТИЕРИЕВЫМ ПОМАЗАНИЯМ
БАЛЬЗАМАМ РОЗОВОГО ДЕРЕВА И РАСТИРАНИЯМ

Я ПОСЫПАЮ ВАС ПУДРОЙ ЗЕЛЕНОГО МАЛАХИТА
С ДОБАВЛЕНИЕМ ТОЛЧЕНОЙ ЛАВАНДЫ

Я ОБВИВАЮ ВАШИ НОГИ ШЕЛКОМ, ПРОПИТАННЫМ РОЗОВОЙ ВОДОЙ.

Я НАКРУЧИВАЮ ПОЛОСКИ
КРАСНОГО ФЕНХЕЛЯ ВАМ НА ПАЛЬЦЫ

Я ПОКРЫВАЮ ВАС СВЕЖИМИ ЦВЕТАМИ ГАРДЕНИИ,
БЕЛЫМИ ЛИЛИЯМИ, ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТЫМИ СТЕБЛЯМИ МОЛОДОГО ВИНОГРАДА

Я ЗАВЕРТЫВАЮ ВАС В СТРУЯЩИЙСЯ
БАРХАТ ЦВЕТА ИНДИГО

Я РАЗЖИГАЮ ВАШ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР
КИПАРИСОМ
ЯБЛОНЕЙ
МЕСКИТОМ

Я ВДЫХАЮ ВАШ ЛАДАН
ВПИТЫВАЮ ВАС КОРНЯМИ МОИХ ВОЛОС

Я ВТЯГИВАЮ ВАС КОНЧИКАМИ ПАЛЬЦЕВ
Я РАССТИЛАЮ ВАШ ПРАХ ДЫМЧАТОЙ ШАРООБРАЗНОЙ ОБОЛОЧКОЙ
ПО ВСЕМУ СВЕТУ.

ЧТОБЫ ВСЕ МОГЛИ ДЫШАТЬ ВАМИ
ВСЕ МОГЛИ ВИДЕТЬ ВАС ВО СНЕ
ВСЕ МОГЛИ ВАС ЗНАТЬ.

Becky Gould Gibson

Banking Sweet Potatoes

She's been at it all day, her and
her boys, unloading the wagon, stacking
the sun-red roots, spreading
pinestraw between the layers
to keep the potatoes cool, dry,
so they don't sprout, shovelling
a ditch at the base. In December,
they'll dig out yams firm as her arm,
roast them in the woodstove,
the skins turning crisp black.
Taller than a man, the potato
hill's a huge lying-in belly.
Each time a child leaves or dies,
some of her is buried here.

The year he lay in bed with an abscess,
there was nothing to be done but
drain the pus, feed him grape juice.
Now she sleeps by herself, gets up
in gray light, shivers into a housedress,
man's overcoat, boots, goes out
to the field. When she loses
the last joint of an index finger,
her skin grows back in layers.
He left with a full head of hair,
left her with all this.
She does everything but plow —
hoes cotton, corn, cuts cane
for the molasses mill, sets out
potato slips till her back breaks.

Бэки Гоулд Гибсон

Складывая сладкий картофель на хранение

Она занималась этим весь день, они
с сыновьями разгружали тележку, складывали в кучу
солнечно-красные клубни, подкладывали
длинные сосновые иголки между слоями,
чтобы картофелины хранились в прохладе, сухости,
не давали ростков, выкапывали канавку для стока воды. В декабре,
они выкопают бататы твердые как ее рука,
поджарят их в печке отапливаемой дровами,
кожура станет хрустящей и черной.
С человеческий рост, картофельная
гора похожа на огромное чрево на сносях.
Каждый раз, когда дитя уходит или умирает,
частицу себя она хоронит здесь...

В тот год, когда он лежал в постели с абсцессом,
ничего не оставалось делать как
откачивать гной, поить его виноградным соком.
Сейчас она спит сама по себе, встает
чуть забрезжит рассвет, юркнет в домашнее платье,
наденет мужское пальто, ботинки, и идет
в поле. Когда она потеряла
верхнюю фалангу указательного пальца,
кожа слоями затянулась...
Он ушел с пышной шевелюрой,
оставив ей все это.
Она делает все, только не пашет —
обрабатывает хлопчатник, кукурузу, нарезает сахарный тростник
для пресса, окучивает
картошку пока не разломится спина.

Not even her girls know how she suffered
the year waiting, the years after.
Bed taken by his illness had held
their loving, raw sweet fire.
She wakes in the dark, puts out a hand
to find him there. She tries to ignore
her groin's ache, banks unsaid fire,
buries everything she ever felt,
keeps it tamped, teaching her daughters
to bury the hurt, layer by layer,
keep it dark, their daughters,
their daughters after that; never
dreaming it'd one day take root,
words shoot through Piedmont clay,
singing green.

Elisabeth Stagg

The Body Remembers

I never saw my father cry, though I
saw drops forming at the inner corners
of his eyes and rolling down both his cheeks.
"Damn it," he'd say, swiping at his wet face
with a sodden tissue. "I'm not crying.
It's this medicine." At last the bogus
tears stopped, but soon his heart began to fail:
fluid gathered under flesh, swamping groin,
elbows, ankles, knees. The skin, stretched beyond
endurance, broke, marking the new white-cased
pillows I'd placed under each arm, each leg,
with stains clear and wet, as if remembering
every grief he'd dammed, his body wept.

Даже ее девочки не знают как она страдала
в год когда ждала, годы спустя.
Постель тронутая его болезнью когда-то хранила
сладкую истому их любовного огня.
Она просыпается ночью, протягивает руку
чтобы найти его. Она старается не замечать
боль в паху, сгребает в кучу невысказанный пыл,
хоронит все что когда-то чувствовала,
утрамбовывает, обучая своих дочерей
хоронить боль, слой за слоем,
хранить ее глубоко, и их дочерей,
и их дочерей и так далее; никогда
не мечтая что однажды эта боль укоренится,
слова прорастут в глине Пидмонтса,
запоют зеленою порослью.

Элизабет Стаг

Тело помнит

Я никогда не видела чтобы мой отец плакал, хотя я
видела как слезы наворачивались в уголках
его глаз и катились по щекам.

”Черт побери”, говорил он обычно, вытирая лицо
размокшим бумажным платком. ”Я не плачу.
Это все из-за лекарства”. Наконец мнимые
слезы прекратились, но начало пошаливать сердце:
жидкость скапливалась в теле, распухали
локти, лодыжки, колени. Кожа, растянутая до
крайности, лопалась, — на новых белых подушках,
которые я подкладывала под руки и ноги,
оставались пятна. Будто вспоминая
всю печаль, которую он сдерживал, его тело плакало.

Elisabeth Stagg

Harvest

for my father

After they've taken your body,
I open the darkened windows
and am startled by a riot of bees
buzzing drunk on wildflowers
waist high down the hillside.

Who invited these mourners?
Who planted this gaudy garden
in the rock-ragged soil?
Tethered to your oxygen,
you must have opened the window
and tossed out the seeds —
determined to sow something
one time more —
if only for these fat bees.

Элизабет Стаг

Страда*

моему отцу

После того, как твое тело забрали,
Я открываю затемненные окна
И поражаюсь при виде буйства пчел
пьяно жужжащих над полевыми цветами,
растущими на склоне холма.

Кто пригласил этих плакальщиков?
Кто разбил этот цветистый сад
на каменистой почве?
Привязанный к своему кислороду,
ты должно быть открыл окно
и разбросал семена —
полный решимости посеять что-нибудь
еще раз —
пусть даже для пчелиного роя.

* В этом стихотворении автор рассказывает о своих чувствах, которые она испытала сразу же после смерти своего отца. Существует поверье, что, если пчелам не рассказать о том, что кто-то умер, они будут роиться. В то время, когда Элизабет Стаг писала это стихотворение, она не знала об этом поверье.

Lou Green

Homily

End of winter and it appears
a bird is loose
in the sanctuary, from the stained-glass
a wing of light
a Prussian's bluest blue to land again
and again on my dress
at the knee so that I don't kneel
when the Office of the Burial
of the Dead begins. A woman late
for the service touches my shoulder and lifts
her eyebrows as if in surprise. Sliding over
I make room, let her in. Remember The Sanctus,
The Agnus Dei and sing. The obtuse light
of candles to warm the crucifix
while the Celebrant speaks of my friend's last night
here on earth, of the solace that again came
from a childhood prayer, of hospice
and the keeping room in his house
where his wife sat by him at the window
and together they looked out
through the woods into evening
as it began to snow
and comforted he lay down.

Лу Грин

Проповедь

Конец зимы и будто
птица бьется
на алтаре, из витражного стекла
крыло света
синее чем берлинская лазурь садится снова
и снова на мое платье
у колена так что мне не встать на колени
когда начинается церковная
служба за упокой. Женщина опоздавшая
на богослужение трогает меня за плечо и от
удивления поднимает брови. Не отвлекаясь
я сторонюсь и позволяю ей пройти. Вспоминаю "Санктус",
"Агнец Божий"** и пою. Померкнувший свет
от свеч согревает распятие
пока священник говорит о последней ночи моего друга
здесь на земле, об утешении которое пришло как
молитва из детства, о приюте**
и пристанище в его доме
где его жена сидела рядом с ним у окна
и они вместе смотрели
через толщи лесов на вечер
когда начал падать снег
и успокоенный он отошел в мир иной.

* "Санктус" и "Агнец Божий" — части католической мессы.

** Речь идет об организации (hospice), которая посыпает своих людей для оказания помощи тем, кто умирает, чтобы их смерть была гуманной, чтобы облегчить боль и утешить родственников.

Valerie MacEwan

Bessie Paradise

Bessie Paradise used to have four angels,
but she gave one to Caroline when Grandpa died.
Bessie got along just fine with three angels.
She didn't feel a need for more.

Sometimes all three followed her out into the yard,
Or back, behind the well house near the garden.
Other times, they rested, knowing where she was and waiting
until she felt a need.

Bessie Paradise used to have three angels,
but she gave one to Jane when the family moved North,
Bessie got along just fine with two angels.
She didn't feel a need for more.

Sometimes they'd sit with her, late night on the porch,
hummingbirds of light putting memories in the air,
causing her to tilt her head to listen,
as they made smiles out of the darkness.

Bessie Paradise used to have two angels
But she gave one to Ruth because no one should live alone.
Bessie got along just fine with her one angel.
She didn't feel a need for more.

Sometimes they'd walk together through the garden.
Holding air hands as they quietly strolled,
a one-voiced conversation carried by the wind
to the three patient angels waiting.

Bessie Paradise met with the other angels,
and since becoming one, she follows
in the soft air behind me through the night sky
I walk with her hand on my arm.

Валери МакЮан

Бесси Рай

У Бесси Рай было четыре ангела,
но одного она отдала Каролине когда умер дедушка.
Бесси прекрасно жилось и с тремя ангелами.
Ей не было нужды иметь больше.

Иногда все трое шли вместе с ней во двор,
потом обратно, за колодец возле сада.
В другое время, они отдыхали, зная где она была и ждали,
пока она не почувствует нужды в них.

У Бесси Рай было три ангела,
но она отдала одного Джейн когда семья переехала на Север,
Бесси прекрасно жилось и с двумя ангелами.
Ей не было нужды иметь больше.

Иногда, они сидели с ней, поздним вечером на террасе,
колибри света навевали воспоминания,
отчего она поворачивала голову и слушала,
когда они создавали из темноты улыбку.

У Бесси Рай было два ангела,
но она отдала одного Рут — никто не должен жить в одиночестве.
Бесси прекрасно жилось и с одним ангелом.
Ей не было нужды иметь больше.

Иногда, они вместе бродили по саду.
Они неторопливо прогуливались невидимо держась за руки,
ветер уносил одноголосый разговор
трем терпеливым ангелам, которые ждали.

Бесси Рай встретилась с другими ангелами,
и с тех пор как сама стала ангелом, она следует
за мной легким облачком по ночному небу.
Я иду, и на моей руке лежит ее рука.

Barbara Presnell

In the Kitchen We String Beans

They mound like a grave on today's front page,
covering the news that a soldier was hung,
strung up like a ham, in some faraway country.
My mother, my grandmother, my aunt, me.
We snip heads from beans,
unthread their sides then snap the green flesh
into finger joints we'll cook for supper.

I listen as they talk of cancer,
how suddenly it comes, how quickly it works,
how Herbert Combs planted his corn
on the slant of his hill two weeks
before he died, how old Ethel,
thin as a vine this Sunday at church,
won't last long.

The soldier's smiling face peeks at me
through beans in my pile. His newsprint eyes
dampen with dew that came in from the garden.
His skin softens. He is a boy,
my son's age, arms and legs
like tender pods — plucking beans
from stems before the season
takes them to seed.

We are a family of women
who grow older than oaks.
Every summer, we string beans,
slicing out the imperfections
with a blade. Grandmother strings
slowest of us all for beans slip
between her thick fingers too often
for speed.

I am waiting to die, she told me
two nights ago. Now she says
how good these beans will taste
with a spoonful of grease and a
bite of cornbread.

Барбара Преснел

На кухне мы чистим стручки фасоли

Они насыпаются могильным холмиком на первую страницу
свежей газеты,
закрывая известие, что повесили солдата,
подвязав его как окорок, в какой-то далекой стране.
Моя мать, бабушка, тетя и я.
Мы срезаем со стручков головки,
Очищаем створки и режем их зеленую плоть на части —
как фаланги пальцев, чтобы приготовить ужин.

Я слушаю, пока они говорят про рак,
как внезапно им заболевают, как он быстро развивается,
как Герберт Коумз посадил кукурузу
на склоне своего холма за две недели
до своей смерти, как старый Этель,
худ как плеть в это воскресенье в церкви,
не протянет долго.

Улыбчивое лицо солдата смотрит на меня
сквозь стручки в моей куче. Оттиски его глаз
становятся влажными от огородной росы на стручках.
Его кожа смягчается. Он юноша,
в возрасте моего сына, руки и ноги
как нежные стручки, обрывающий фасоль
со стеблей, прежде чем придет
пора появиться семени.

Мы семья женщин,
ставших старше, чем дубы.
Каждое лето мы чистим стручки фасоли
срезая плохие места
острым ножом. Бабушка делает это
медленнее нас — стручки часто проскальзывают
между ее толстыми пальцами слишком часто

Я жду смерти, — говорила она мне
два дня назад вечером. Теперь она говорит,
какой вкусной будет эта фасоль
с ложкой топленого сала и куском
хлеба из кукурузной муки.

Katherine Russell Barnes

THEY FLEW

The young starlings flew
today, one by one
from the nest above the porch pillar
where a board hangs loose.

Every year for a decade
birds have nested there
as every decade Mother has leaned
farther into one hundred.

These last weeks, the mother bird
has darted faithfully from nest to yard,
returned with food dangling
from her beak
for fledglings' squalling yellow mouths.

In these weeks Mother's mind
has flitted to times too long ago
to verify.

And names tripping from her lips
find no lodging on this earth.

"Mama, Papa, John" — long gone.

She reaches for reality
"What is it? Who is it, please?"
her words come from far away.
They narrow to "Who?" — an owl.
Then "Coo" — a dove.

Катрин Рассел Барнс

ОНИ УЛЕТЕЛИ

Молодые скворцы улетели
сегодня один за другим
из гнезда между
стойкой и карнизом террасы.
Каждый год в течение десяти лет
там гнездились птицы,
и с каждым десятилетием моя мать
приближалась к своему столетию.

В эти оставшиеся недели птица-мать
заботливо металась из гнезда во двор,
возвращалась с едой свисающей
из клюва —
для пронзительно пищащих желторотых оперившихся скворчат.

В те недели мысли матери
уносились в давно прошедшие,
забытые всеми времена.
Имена слетали с ее уст и
не находили приюта на этой земле.

”Мама, папа, Джон” — их давно уже нет.

Она возвращается в реальность
”Что это? Скажите, кто это?”
ее слова доносятся издалека.
Теперь это только ”Ух” — как у совы.
И ”Куу” — как у голубки.

Paula Blackwell

STARCHED ANGEL

She called her daughter's name.
The old black woman,
Her dark skin,
Hands like leather.
The young black lady
In the starched white uniform
Held her hand, gently stroking
The leather hands,
She has called her
By her daughter's name many times
Since she was admitted
Six months ago.
But today
As the heart monitor beats
Ever so slowly
She sat there and answered.
Are we gonna shop today, Amy?
Yes, Mother, we'll shop.
She had called for Amy many times.
Amy rarely came to see her.
Never had much time.
Gonna be pretty today, Amy.
The heart monitor
Slowly beats.
She squeezes the young hand tighter.
Maybe we go to the fabric shop, Amy.
Make a new dress.
Beat Slowly Beat
I want you to look good at the dance.
 Beat
Yes, Mother. Thank you,
The beat stops.

Паула Блэквелл

НАКРАХМАЛЕННЫЙ АНГЕЛ

Rebecca J.Finch

A DAY IN THE LIFE

Earl lies flat on his back,
his skin cool as the autumn earth,
blue as the October sky he eyes
but cannot see.

Not yet sixty,
he's known for pigs
slow roasted to perfection,
for collards grown the size of washpots.

He was spending Saturday
with his four-year-old grandson.
Puttering, patching the floor in the shed
where the old tractor was sheltered.
Cement was shoveled in, left to set,
unleveled.

Alone,
the child locks himself in the house
and waits.
Four hours, five hours.

Setting sun casts rays on the face,
purples the blue.
The gnarled tree bears
a burden of fruit.
Now and then, one pear drops,
disturbing only
wasps at work
above the mellow ground.

Ребекка Дж. Финч

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ

Эрл лежит плашмя на спине,
его кожа холодна как осенняя земля,
посинела как октябрьское небо, на которое он смотрит,
но не видит.

Ему еще нет и шестидесяти,
он бывало жарил
поросят на огне медленно до полной готовности,
выращивал листовую капусту величиной с котел.

Он проводил субботу
со своим четырехлетним внуком.
Едва двигаясь, латал пол в сарае,
где стоял старенький трактор.
Набросал лопатой цемент, да так и оставил его,
не выровняв.

Один,
ребенок запирается в доме
и ждет.
Четыре часа, пять часов.

Закатное солнце освещает лицо,
румянит синеву.
Сучковатое дерево несет
бремя плодов.
Время от времени одна груша падает,
тревожа лишь
ос за работой
над рыхлой землей.

Ellie Depew

THE ICE FISHERMAN

Many times she had watched him go.

With his poles

And baits,

With his spud

And auger,

Dressed in layers,

Carrying his lunch

In his pockets,

Walking,

A solitary figure on the ice.

Many times she had watched him return.

When he left today,

She had kissed him,

As she had many times before.

She had kissed him today

With a sadness,

Unable to embrace him,

For she knew he would not return.

He took no lunch.

Элли Делью

ЗИМНИЙ РЫБОЛОВ

Много раз она смотрела как он уходил.
Со своими удочками
И наживками,
Со своей киркой
И буравом,
В слоях одежды,
Унося завтрак
в карманах,
Шел,
Одинокая фигура на льду.
Много раз она смотрела как он возвращался.
Когда он уходил сегодня,
Она поцеловала его,
Как она это делала много раз прежде.
Она поцеловала его сегодня
С какой-то грустью,
Не в силах его обнять,
Потому что она знала, что он не вернется.
Он не взял завтрак.

Bonnie Michael

Grandma's House

Her spirit is ploughed under
with the ashes of her home;
their energies are joined again.

She never knew the house was gone,
kept it inviolate in her mind,
did not see the consuming fire.

But the order was wrong; the house
should have died after she did,
not with her thoughts still in it.

The new grass is too green,
its lush growth the only sign
that anything else ever lived here.

I want to mark this passage for her
with Gabriel's trumpet, but maybe
the wind in the grass is enough.

Бонни Майл

Бабушкин дом

Ее душа погребена внизу
вместе с пеплом ее дома;
их энергии снова соединились.

Она так никогда и не узнала, что дома не стало,
сохранила его нетронутым в своей памяти,
не видела всепоглощающего пожара.

Только случилось все не в том порядке, как должно быть; дом
должен был умереть после ее смерти,
а не тогда, когда в нем еще были живы ее думы.

Молодая трава слишком зелена,
ее буйная поросль единственный знак
что здесь когда-либо жило что-то еще.

Я хочу отметить этот путь для нее
звуками трубы Архангела Гавриила, но может быть
ветра в траве — достаточно.

Kevin McGowin

Geriatrics

Once you're old,
And I mean *old*,
And those cocktails begin
To wreak havoc on your system,

And you've got nobody,
You find a complaint
And take it as far as it'll go.
Then, when you're a little older,

And you find the blessing hidden within it,
You start to sing. You do this
All the way into the grave.
And when you sing, down there,

You've got nothing but that blessing,
And the way it echoes through your thinning body:
So that at last, when you're nothing but dust,
That blessing stays put, and sings for itself.

A Burial

But winters were warm: it was easy
To dig down six feet in December
Unless the spade hit wood
Through the sunken earth —

Then we'd move over three feet and dig
Down again,
As if looking for treasure or oil
That we never had the strength to reach,

Through the subsoil, through the south,
Through the dermis of our mother's dying skin.

Кевин МакГовин

Гериатрия

Когда вы становитесь старым,
Именно *старым*,
И те коктейли начинают
Разрушать ваш организм,

И у вас никого нет,
Вы обнаруживаете болезнь
И воспринимаете ее как неизбежность.
Затем, когда вы стареете еще чуть-чуть,

Вы находите в ней скрытое благословение,
Вы начинаете петь. И вы это делаете
До самой могилы.
И когда вы поете, там внизу,

У вас нет ничего, кроме того благословения,
И того как оно отражается во всем вашем усыхающем теле.
Так что когда вы превращаетесь в прах,
То благословение остается навечно, и поет само по себе.

Похороны

Но зимы были теплые: было легко
Копать вглубь на шесть футов в декабре
Пока лопата не натыкалась на остатки старого гроба
В осевшей земле —

Тогда мы отодвинулись на три фута и копали
Снова,
Словно искали сокровище или нефть
Добыть которые у нас никогда не было сил,

Копали в недрах земли, в южную сторону,
В то, что осталось от умирающей кожи нашей мамы.

And maybe it *is* pretentious,
All this hoopla over a corpse,
Or maybe just our wounded vanity
Reflected to us in a mirror shot through with cracks

That urges us to pray *Lord*,
How many times will we yet be forgiven?
Seven times? Or seventy times seven? Or seven years' bad luck,
Seven years for a body to reduce itself to bone.

And yet we get up early,
Lay our loved ones on the horizontal door
And close their apertures with cotton,
Build the coffin together like we were
Raising a house. By afternoon

We're all drunk and the preacher, too,
And Mississippi just gets hotter
As the day spirals along.

Like a gentleman,
Death is cordial,
Having already claimed its timeworn bounty.

Susan Snowden

Grave Decision

That's not Mama
or Papa down there.
This cold stone says
so, but I know it's
just bones in boxes.

Don't lock me in
dirt. Burn me so
I can rise and sail
on currents of wind.

И может быть *все это* показное,
Вся эта шумиха над трупом,
Или может быть просто наше раненое самолюбие
Отраженное в потрескавшемся зеркале

Вынуждает нас молиться: Господи,
Сколько же еще раз да простится нам?
Семь раз? Или семьдесят раз по семь? Или семь лет страданий?
Семь лет — чтобы тело превратилось в прах.

И все-таки мы встаем рано,
Кладем наших любимых на гробовую доску — старую дверь
И покрываем все ватой,
Сооружаем гроб, как будто
Воздвигаем дом. К полудню

Мы все пьяны, и священник тоже,
А Миссисипи становится горячее
Когда разгорается день.

Подобно джентльмену,
Смерть холодно-вежлива,
Уже добившись этого долгожданного дара.

Сьюзан Сноден

Похоронное решение

Это не Мама
и не Папа там внизу.
Этот надгробный камень говорит
так, но я знаю, что это
просто кости в гробах.

Не замыкайте меня в
земле. Сожгите меня, чтобы
я могла подняться и парить
на волнах ветра.

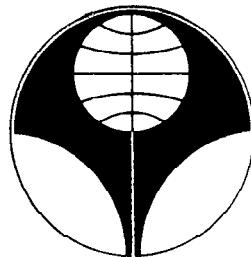

TRANSIENCE

”what all the crumbling monuments say”

БРЕННОСТЬ

”что говорят все ветшающие памятники”

Charles Blackburn, Jr.

The Chimneys

Rounding a curve,
headlights catch them,
mouths agape, in a grove of oaks,
grieving for the house
they've lost.

At the far end of
a field
they stand apart,
cold altars of a dead
belief.

The cracked obelisks of this
mist-haunted land
make eerie timepieces
amid flowering
tobacco, russet soybeans,
spring wheat.

Walking an old road through
the woods,
you come upon them in
a clearing and
hear their hollow moaning in
the wind.

They say what all crumbling
monuments
say: You cannot build a house,
write a poem, live or love
enough.

In the end they're home for birds,
something muscadine
and kudzu,
wild rose and honeysuckle
cling to.

*Чарльз Блэкберн, младший***Трубы**

На повороте,
 фары высвечивают их,
словно раскрытые рты, в дубовой роще,
 они горюют о доме
 который они потеряли.

В дальнем конце
 поля
они стоят обособленно,
холодные алтари умершей
веры.

Треснувшие обелиски этой
земли где поселилась мгла
похожи на жуткие хронометры
среди цветущего
табака, желтовато-коричневой сои,
яровой пшеницы.

Идя старой дорогой через
лес,
ты случайно наталкиваешься на них на
поляне и
слышишь их глухие стоны на
ветру.

Они говорят то, что говорят все
ветшающие
памятники: Невозможно построить дом,
написать стихотворение, жить или любить
вдоволь.

В конце концов они становятся приютом для птиц,
опорой, за которую цепляются
мускатный виноград,
кудзу*

дикая роза и жимолость.

* Кудзу — вьющееся растение, импортированное из Китая около 50 лет тому назад для насаждений вдоль автомагистралей. Оно выбилось из-под контроля, очень сильно разрослось, даже загубило деревья. Оно стало вредителем. Иногда такие трубы сплошь увиты этим растением, и их можно не увидеть совсем.

gerry dawson

after bones

Dogs after bones.

Sun begins its arc.
The moon's trapped in a tree
with the call of a bird
I heard last night
and still cannot
identify.

Heavy clothes,
the cars' engines drone,
exhaust like breath,
dew-drenched grass & steel.
The conversation exhumed
rises in silence,
damp earth clinging.
The storm of experience,
fluid and churning,
is all that thwarts
the grave.

Dogs after bones,
the sun, the moon
hung in a tree
& the call of a bird
all night I heard
and could not imagine
its plummage.

джерри досон

за костями

Собаки за костями.

Солнце начинает свою дугу.
Луна поймалась в ловушку дерева,
и снова я слышу крик птицы,
который я слышал прошлой ночью
и все еще не могу
определить.

Тяжелые одежды,
гудят двигатели машин,
выхлоп как дыхание,
покрытая росой трава и сталь.
Разговор выкопанный из земли
оживает из молчания,
в комьях сырой земли.
Штурм прожитого,
изменчивый, несущийся по кругу,
это все что отдаляет
могилу.

Собаки за костями,
солнце, луна
зависшая в дереве
и зов птицы, который
я слушал всю ночь
и не мог представить
ее оперение.

Elizabeth C. Burgess

LAVENDER
FOR
THE LITTLE EMPEROR

I sit now
in this crude tub
of slightly heated water
listening to the relentless
winds howl.
Rain peppers down
trickling through the leaking
tile roof
into my private hell.
St. Helena, this desolate
nightmare, rat—infested dot
in the middle of the south
Atlantic, this good-for-growing—
nothing piece of purgatory
wears me like a tight
leather glove,
suffocates all but the memories.
Of all the things I miss:
my witty friends, fair ladies,
elegant banquets, my tailor,
battle, victories,
it is quizzical!
I miss most the lavender!
Sixty bottles of lavender water
a month, poured over my head
and shoulders in the bath!
What luxury!

I thought the fragrant
spiked, swaying lavender
fields of France
would last forever.

Элизабет К. Бургесс

ЛАВАНДА
ДЛЯ
МАЛЕНЬКОГО ИМПЕРАТОРА

Я сижу сейчас
в этой неприспособленной кадушке
слегка подогретой воды
и слушаю безжалостные
звывания ветра.
Дождь барабанит
и тонкой струйкой течет сквозь прохудившуюся
черепичную крышу
в мой собственный ад.
Св. Елена, этот необитаемый
кошмар, осажденная крысами точка
в центре южной части
Атлантики, эта совершенно
бесплодная часть чистилища,
носит меня, как облегающая
кожаная перчатка,
подавляет все, кроме воспоминаний.
Из всего, чего мне не хватает, —
моих остроумных друзей, прекрасных дам,
элегантных банкетов, моего портного,
битв, побед, —
подумать только! —
Больше всего мне не хватает лаванды!
Шестьдесят флаконов лавандовой воды
в месяц, вылитой мне на голову
и плечи в ванной!
Какая роскошь!

Я думал, что благоухающие
колосовидные соцветия, колеблющиеся под ветром
поля Франции
будут длиться бесконечно.

Dawn Evans Radford

On Watching My Japanese Students Leave

It is a dangerous time
when a child in Borneo
first touches the ground,
so its mother clucks and calms its soul
before it can fly from her baby's
mouth into the earth.

Our souls escape in sleep
and cannot be recaptured except in scattered
grain and mother soul clucking, luring them home.
A bird-soul on the wing
knows its rice.

I did not scatter rice
and cluck my nestlings souls
when they first lit on Southern soil.
I taught them magnolia blossoms
and pressing four-leaf clovers,
how to pen a proper thank-you note,

and now their Nisan mothers call their souls
back west so far that East begins.
They've scattered their own grain.
My nestlings are flying west,
stripping my nest of down,
tearing feathers from my breast,
leaving me with a handful
of paper cranes.

Дон Эванс Радфорд

Наблюдая как мои японские студенты уезжают

Когда ребенок в Борнео
впервые касается земли,
это опасное время,
поэтому его мать клохчет и успокаивает его душу
прежде чем она сможет слететь с уст
ее ребенка в землю.

Наши души улетают во сне
и их невозможно вернуть иначе, как
разбросав зерна под квохтанье материнской души, зовущей их домой.
Птица-душа в полете
знает свой рис.

Я не разбрасывала рис
и не звала души своих птенцов,
когда они впервые ступили на землю Юга.
Я показывала им, как цветет магнолия
и как засушить клевер с четырьмя листочками,*
как правильно написать благодарственное письмо,

а теперь их японские матери зовут их души
обратно на запад туда, где начинается Восток.
Они разбросали свое зерно.
Мои птенцы улетают на запад,
выдирают пух из моего гнезда,
вырывают перья из моей груди,
оставляют меня с горсткой
бумажных журавликов.

* Существует поверье, что клевер с четырьмя листочками — их обычно три — приносит счастье. Американские ребятишки охотно ищут его.

Stephen Knauth

My Little Town

Thoughts of you strafe my mind tonight,
materializing out of nowhere, fast and low,
taking out the white steeples and rose arbors
of the little town I built — lovingly, by hand —
to pretend that it's all okay. No matter where I hide
you seem to find me, and maybe I want that, maybe
after making sure everything is calm and well-kept,
I want to be driven screaming through the rustic square,
chess tables and potted chrysanthemums crashing,
dogs yelping, jerking their napping owners from their chairs.
Called by the merry executioner forward into the past —
Ah, now your heart must die so that cherry petals may begin to fall.

Стивен Наум

Мой Маленький Город

Мысли о тебе рвутся в моей душе, как бомбы налета,
материализуясь из ниоткуда, внезапно и тихо,
стирая с лица земли белые шпили и сады роз
маленького городка, который я построил — с любовью,
своими руками —
я притворяюсь, что все хорошо. Где бы я ни прятался,
кажется ты везде отыщешь меня, и может быть я этого
хочу, может быть
убедившись, что все хорошо и в порядке,
я хочу с криками промчаться по деревенской площади,
опрокидывая шахматные столы, горшки с хризантемами,
под визг собак, дергающих своих дремлющих хозяев
со стульев.
Веселый палач позвал меня вперед в прошлое —
Увы, твое сердце должно умереть, чтобы с вишни
опали лепестки.

Barbara J. Mayer

FLYING OVER ILLINOIS

City kids hemmed in
by cyclone fences,
neighbors' watchful eyes,

we fled to vacant lots
we labelled *prairies*,
unkempt patches weed-choked,

dotted with rusty cans,
old tires, others' castoffs —
even a set of chalk-white teeth

I used to imagine clacking
as they wandered the earth
in search of a gaping mouth.

In our prairies
we did forbidden things:
burying borrowed toys,

becoming Indians
who war-danced around
a raging fire started

with stolen matches.
Or we killed time batting
balls, flying kites,

finding snakes to frighten
squeamish mothers
at suppertime.

Today I gaze down at what
was once the Prairie State —
now carved and tamed —

imagine Indians racing paints,
a brown sea of buffaloes
swelling, subsiding.

Барбара Дж. Мэйер

ПРОЛЕТАЯ НАД ИЛЛИНОЙСОМ

Городская детвора в окружении
надежных заборов,
под присмотром соседей,

мы мчались на пустыри,
которые мы называли *прериами*,
запущенные участки земли с сорняками,

усеянные заржавевшими консервными банками,
старыми шинами, чьим-то мусором —
там был даже протез белых как мел зубов...

Я обычно представляла себе как они лязгают
когда бродят по земле
в поисках широко разинутого рта.

В наших прериях
мы творили то, что запрещалось:
закапывали в землю чужие игрушки,

превращались в индейцев,
которые воинственно отплясывали вокруг
бушующего костра, разожженного

украденными спичками.
Или мы убивали время игрой
в мяч, запускали бумажных змеев,

находили змей и пугали
боязливых мамаш
во время ужина.

Сегодня я созерцаю с высоты то,
что когда-то было Штатом Прерий* —
сейчас все в постройках и обжитое —

представляю индейцев, мчащихся на своих лошадках,
коричневое море буйволов
вздымающееся, оседающее.

* Иллинойс по-прежнему называют Штатом Прерий, хотя в нем осталось очень немного открытых пространств.

Barbara Sanders

The Bell Bird

A tiny bell bird too small and wary to see
has found its way into the house. There's a
high shrill cry and wings batting against the
window, but, when I turn to look, a briefcase
is flopping open and shut in the basement. I go

down the steps to check the laundry, and it
snaps at my ankles. I plan to clean out the
garage before winter, but every time I
step inside a mammoth Rolodex file rolls out
of the door and down the street, flapping

index cards and frightening the children. It's
early fall, and the spiders are building webs
in every corner, I wrap a towel around the
broom to dust the ceiling, but when I touch
the plaster it shatters into a zillion deadly

sharp and shiny spears. I'm preparing the
yard for winter, but every time I cut a branch
from the rose bush there's a beep and a
blinking light that tells me I have a new voice
mail message. And, when I dig a hole and pick

up a daffodil bulb to drop inside, I find myself
holding a roll of hundred dollar bills rotting and
flaking in my hand. When I step inside, the
paper bag where I left my soul is standing wide
open and empty on the kitchen counter; and

the bell bird has flown the coop.

Барбара Сандерс

Птичка-Колоколец*

Крохотная пташка-колоколец очень мала и пуглива — не увидеть —
залетела в дом. Раздается
высокий пронзительный крик и крылья бьются
по стеклу, но, когда я оборачиваюсь и смотрю, чемодан
начинает открываться и закрываться. Я спускаюсь

по ступенькам чтобы проверить белье в машине, и она
норовит клюнуть мою ногу. Я собираюсь сделать уборку в
гараже до прихода зимы, но каждый раз когда я
туда захожу, огромный крутящийся файл** катится из
двери потом вниз по улице, хлопая

карточками и пугая детей. Уже
начало осени, и пауки плетут паутины
в каждом углу. Я накручиваю полотенце на
щетку и вытираю пыль с потолка, но когда я касаюсь
штукатурки она раскалывается на зилион*** смертельно

острых и блестящих осколков. Я подготавливаю
двор к зиме, но каждый раз когда я срезаю ветку
с куста розы, появляется звук и мигающий
световой сигнал — для меня есть
сообщение****. Потом, когда я выкапываю ямку и беру

луковицу нарцисса чтобы посадить в землю, оказывается что я
держу пачку стодолларовых купюр и они портятся и
рассыпаются у меня в руке. Когда я захожу в дом, то
бумажный пакет, в котором я оставила свою душу, лежит широко
раскрытый и пустой на кухонном столе, а

птичка-колоколец упорхнула навсегда.

* Это воображаемая птица. Такие птицы действительно обитают в Южной Америке, но, скорее всего, не делают того, о чем пишет поэтесса. Это стихотворение написано в стиле фантастического реализма, поэтому в нем описываются необычные процессы.

** Речь идет о крутящемся файле, который позволяет легко найти нужную карточку.
Обычно 6-8 дюймов в диаметре. Очень распространен в офисах.

*** (Ирон.) больше, чем миллиард.

**** Речь идет об устройстве в телефонном аппарате типа автоответчика, только сложнее. Мигающий световой сигнал, сопровождаемый звуком, означает, что есть звуковое сообщение.

THE SACRED IN THE ORDINARY

”dreams are spit and fiber spun and thrown”

СВЯТОЕ В ОБЫДЕННОМ

”сны это слюна и нить скрученная и накинутая”

Joanna J. McKethan

Of a Substance Strong Enough

Dreams are great, you say,
for nighttime — like wispy clouds
that disappear at noon.
But I say dreams
are spit and fiber
spun and thrown
like spiderwebs — filmy filament
which sticks mid-air
catches and holds tight enough
for you to climb, run, live
(nest your babies on)
and yet,
still make it there.

Джоанна Дж. МакКетан

Из субстанции достаточно прочной

Сны имеют силу, говоришь ты,
только ночью — они похожи на легкие облачка,
которые исчезают в полдень.

Rebecca J. Finch

ENTITLEMENT

I see her in the yard as I pass
on my way to town,
her house white plank with
new shingles and a remodeled porch.

One day last fall black and white cars
lined the road.

A K-9 squad tugged at short leashes.
The newspaper account read: "Elderly woman
attacked by unknown assailant."
I don't know her name.

I do know she sat in her body-sculpted chair
watching the soaps and cracking
pecans from her own tall trees.
Pecans for Thanksgiving pies.

A stranger, just muscle and bone, ripped
his way through the door.

Nutshells littered the floor.

I don't know if they caught him.

I don't even know her name.
But today she's in the yard again,
her gray head tied in a red kerchief
against wind cold for May.
She bends beside the dry birdbath
watering her marigolds.

Ребекка Дж. Финч

ПРАВО НА ПОМОЩЬ

Я вижу ее во дворе когда проезжаю
по пути в город,
ее дом обшит белыми досками
крыша перекрыта и терраса переделана.
Однажды прошлой осенью черно-белые машины*
выстроились в ряд на дороге.

Бригада К-9** с собаками на коротких поводках.
В газетной сводке сообщалось: "Неизвестный преступник
напал на пожилую женщину".
Мне не знакомо ее имя.

Но я точно знаю что она сидела на своем удобном стуле
смотрела сериалы и колола
орехи со своих собственных высоких деревьев.
Орехи для пирогов к Дню Благодарения.
Незнакомец, просто мышцы и кости, проник
через дверь.
Ореховые скорлупки разбросаны по полу.
Не знаю, пойман ли преступник.

Я даже имени ее не знаю.
Но сегодня она снова во дворе,
ее седая голова повязана красным шарфом
от ветра — холодного для мая.
Она склонилась рядом с сухой ванночкой для птиц
и поливает свои бархатцы.

* Большинство полицейских машин окрашены в черно-белые цвета.

** K-9 (англ. canine) — специальная бригада в полицейском управлении по розыску с применением служебных собак.

Sally Buckner

HOW THEY SURVIVED

After the long Soviet winter,
as peoples reveling in the springtime morning
told their midnight tales,
we wondered
at their capacity to survive.

A reporter returned from those nations
which were reclaiming their names, their lives.
Everyone in Ukraine, he said,
writes poetry.

When there was nothing
but beets and cabbages in the store,
from a beet
the Ukrainian clerk
carved a rose.

Салли Бакнер

КАК ОНИ ВЫЖИЛИ

После долгой Советской зимы,
когда народы наслаждались весенним утром
и рассказывали свои полуночные истории,
мы удивлялись их способности выживать.

Репортер возвратился от тех наций,
которые требовали вернуть им названия, образы жизней.
Каждый на Украине, сказал он,
пишет стихи.

Когда в магазине ничего
кроме свеклы и капусты не было,
украинская продавщица из свеклы
вырезала розу.

Diana Pinckney

WOMAN IN A REFUGEE CAMP

She hangs her laundry
on concertina wire,
loops of barbs hooked
through each piece.

Runaway from one island,
she waits behind the biting
fences of another.

Not allowed to rise
with the breeze,
the pinks, oranges and reds
of her Haitian shawl and skirt
caught cleanly by twisted cable,
stretch taut in the noonday sun,
a butterfly pinned.

Tony Reevy

In the Sun After a Noon Rain, Woodrow Street

The gutter makes a strange beauty.
Rough granite, concrete,
oil-ribboned water
gurgling under the arch
of a bulged willow-oak root.

Диана Пинкни

ЖЕНЩИНА В ЛАГЕРЕ БЕЖЕНЦЕВ

Она вешает постиранное белье
на проволочную спираль,
к зубцам цепляя петельками
каждую вещь.

Беженка с одного острова,
она пережидает за колючими
заборами другого островка.

Не имея возможности подняться
при дуновении легкого ветерка,
розовые, оранжевые и красные цвета
ее гаитянской шали и юбки,
пойманные цепко скрученной проволокой,
туго натягиваются под полуденным солнцем,
как бабочка, приколотая булавкой.

Тони Риви

На солнце после полуденного дождя, улица Вудро

У сточной канавы странная красота.
Шершавый гранит, бетон,
масляно-полосатая вода
 журчит под аркой
 выплятившегося дубового корня.

Joanna C. Scott

THIS HAPPENED IN THE 7-11 PARKING LOT

by the dry cleaners and the Chinese carry out.

On one side were people carrying shirts and business dresses
on wire hangers,

and there were men in steel-toed boots and baseball caps
bringing out cokes and donuts in slick squares of paper.

On the other side was a tree,

an ordinary, parking-lot tree,
planted, no doubt, by a developer
who bought it job-lot at a good price,

just a tree, sticking up
stiff and awkward as the gas pumps
in the Shell self-serve behind the wire fence.

But today
in the parking lot
with the *City Paper* and a jug of milk beside me on the seat
I opened my window because it was hot

and the tree was full of voices.

And I got out of my car
and went to stand under the tree
looking up

and all these rows of tiny pointed faces
looked back down at me
and then

I backed away
and the tree rose up
and burst into a thousand wings.

Джоанна К. Скотт

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НА ПАРКОВКЕ "С 7 ДО 11"*

рядом с химчисткой и Китайским рестораном с едой на вынос.

С одной стороны люди несли рубашки и деловые костюмы на проволочных плечиках,

а мужчины, в ботинках со стальными носами и бейсболках, выносили кока-колу и пончики в бумажных пакетах.

С другой стороны росло дерево,

обыкновенное дерево, как на всех автостоянках,
посаженное, без сомнения, застройщиком**

который купил его в магазине оптом по сходной цене,

просто дерево, оно торчало вверх

негнущееся и неуклюжее как бензиновые насосы
на бензозаправке фирмы Шелл за проволочным ограждением.

Но сегодня

на автостоянке

с Городской Газетой и бутылкой молока рядом со мной на сиденье
я открыла окно потому что было жарко

и дерево было переполнено голосами.

Я вышла из машины

пошла и встала под дерево
взглянула вверх

а оттуда ряды крошечных остроносых лиц

посмотрели вниз на меня,
а потом

я отошла назад,

а дерево поднялось
и разлетелось на тысячу крыльев.

* Тип небольшой торговой лавки, который открыт с 7 утра до 11 вечера, где можно купить бензин, а также молоко, напитки, бутерброды и т.д., не заходя в большие магазины, что удобно покупателям.

** Застройщик (англ. developer) — человек, который покупает землю, строит на ней жилые дома или учреждения и затем выгодно продает их.

Becky Gould Gibson

Putting Up Damson Preserves

You were right. I've never seen
such fruit, knobs the size of a man's thumb
clustered blue on every branch.

That old scrawny-necked tree shawled
in lichen lace I thought dead
you brought back, spread manure under
every spring till you died. Each year
it yields a few more pints. Your daughters
are grown, your sons have taken your place.

That's Marie at the sink seeding plums,
splitting each one along the crease.

You watched me watching the fruit,
taking it down to its sweetness.

You liked to lick foam from the spoon,
recalling the color of the dance dress
I wore in those cleaned out rooms.

But I'm not the girl you knew, nor
the woman either, here in the kitchen
with you gone off like steam.

Where your hands went I'm still smooth.
When you first came to me in the dark
I was scared, then you brought me close,
I thought I would fall, but where
you took me I could not fall enough —
split, unseeded, beyond blue to purple,
black, back to white, fruit to flower,
bee, beginning of the world.

Now I keep summer in jars, shelved
for pale winter tongues.
Sometimes I take one down, taste
the blue sweet all over again.

Бэки Гоулд Гибсон

Заготовки сливового варенья

Ты был прав. Я еще никогда не видела
такого урожая, выпуклости размером с мужской палец
голубыми гроздьями на каждой ветке.
То старое дерево с суховатым стволом в кисее
лишайника, которое я считала мертвым,
ты оживил, подкладывая под него навоз
каждую весну пока ты не умер. Каждый год
пол-литровых банок получалось больше. Твои дочери
подросли, твои сыновья пошли по твоим стопам.

Это Мари у раковины вынимает косточки из слив,
выдавливая каждую через продольный срез.

Ты наблюдал как я присматривала за вареньем,
чтобы оно уварилось до густоты.

Ты любил слизывать пенку с ложки,
воскрешая в памяти цвет того танцевального платья,
которое было на мне в тех опустевших комнатах.
Но я не та девушка, которую ты знал и
не женщина, здесь в кухне,
после того, как ты испарился.

Где твои руки прикасались, там все еще гладко.
Когда ты в первый раз пришел ко мне ночью,
я боялась, тогда ты прижал меня к себе,
я думала что упаду, но там, куда
ты увел меня, падение было усладой —
щель, освободившееся семя, глубже синевы, до пурпурата,
черного, от черного к белому, от плода к цветку,
пчела, начало жизни.

Теперь я храню лето в банках на полках
для бледных зимних языков.

Иногда я достаю одну, и сполна
вкусываю голубую сладость вновь.

Kathy Cantley Ackerman

Ritual

Zada Bell is canning again
grocery bills run high
because she does not know the word:
obsolescence —
cannot get her mind around the cost
hot house tomatoes,
continuous city blueberries.

Her air-conditioned kitchen
fogs in succulent ancient steam
well into night
as if grapes still know their season

as if someone still prefers the
wax crusted masons
graying on the shelf.

She knows only her part
in the cycle of morning to meals
to morning
fear of having neither
growing younger in her age,
tasting
early berry
mountain sunrise
supple skin of younger hands
a harvest in their reach.

Кэти Кэнтли Аккерман

Ритуал

Зада Бэлл снова консервирует —
продукты дорожают —
потому что ей незнакомо слово:
устаревший метод —
никак не может привыкнуть к ценам
на тепличные помидоры,
чернику в городе круглый год.

Ее кухня с кондиционером
по старинке окутана густым паром
до поздней ночи
будто виноград все еще сезонный фрукт,

будто кто-то все еще предпочитает
консервы из запечатанных воском банок,
сереющих на полке.

Она знает лишь свою роль
в круговороте утро — еда
снова утро,
страх что не будет ни того, ни другого,
память уносит ее в былое,
когда она пробует
раннеспелую ягоду —
восход солнца в горах,
мягкая кожа молодых рук.
и изобилие ягод вокруг.

C. Pleasants York

CHOPSTIX AND RICE REASONS

grains of rice
in frying pan
bubble and brown
in liquid butter
variegated colors
of ochre, amber,
almond, ivory
absorb moisture
and blossom
succulent and savory
like thoughts in summer twilight

К. Плезантс Йорк

ПАЛОЧКИ И РИСОВЫЙ РЕЗОН

зернышки риса
в сковороде
кипят и поддумяниваются
в жидком масле
разные цвета
охры, янтаря,
миндаля, слоновой кости
впитывают влагу
и расцветают
сочные и пряные,
как мысли в летние сумерки.

Gail J. Peck

HOW CONSIDERATE OF PEARS

to live expectant, waiting
in my house for ripeness
next to the knife and plate.
All year I have eaten them
trying to recall the hills
of Tuscany — the Italian waiter
I named Mr. Magoo
who seemed to move blindly
with his platter held high
until they were there before me:
pears, sliced and sprinkled
with pine nuts, pecorino cheese
and balsamic. I had never
had them that way.
I walked the streets
of Siena pear-full,
pear-happy. Holding a pear
in my hand, I can feel it tapering
to stem, to branch, and the orchard
where men and women
stand on ladders
suspended between sky and earth.

Гейл Дж. Пек

ГРУШИ ТАК ВНИМАТЕЛЬНЫ

что живут в предвкушении, и ждут
когда созреют рядом с ножом и тарелкой
в моем доме.

Весь год я ела их
и старалась вспомнить холмы
Тосканы — итальянского официанта
я называла его г-н Магу
который, казалось, шел вслепую
с высоко поднятым подносом
пока они не оказывались передо мной:
груши, порезанные тонкими ломтиками и сверху
кедровые орешки, сыр пекорино
и бальзам. Раньше мне никогда не
доводилось пробовать такое блюдо.
Я прогуливалась по улицам
Сиены наевшись груш,
с ощущением полного счастья. Когда я держжу
в руке грушу, я чувствую как она сужается
по направлению к стеблю, к ветке, и саду,
где мужчины и женщины
стоят на лестницах
между небом и землей.

Annette Allen

November Light: France

In this country that does not
celebrate Thanksgiving, it is
Thanksgiving morning
when the sun's flaming fingers
bless leafless, tapered trees
and sienna tiled roofs.

Here early light haloes the hair
of cathedral travelers like us,
caught in transition between
illuminations. In another
November, Monet remembered
the shadow of war with flowers

gathered with such light.
This same brightening
landscape struck Pissarro,
his brush blurring the edges,
stroking the bushes to fire.
Everywhere today,

over market stalls of lettuce
and fruit, pungent cheeses,
and bristling roosters in cages,
gold and orange spill, more
miraculous than sanctified wine.

This is the cup; this, the blood.

Аннет Аллен

Свет ноября: Франция

В этой стране где не
празднуют День Благодарения, сейчас
утро Благодарения
пламенные солнечные пальцы
благословляют голые островерхие деревья
и красновато-коричневые черепичные крыши.

Здесь ранний свет озаряет нимбом головы
тех, кто как и мы осматривает собор за собором,
поймав нас на перепутье между
озарениями. Как-то тоже в
ноябре, Монэ вспомнил
тень войны цветами

собранными из такого света.
Такой же рассветный
пейзаж потряс Писсарро,
и кисть его смягчила очертанья,
кусты мазками разжигая в пламя.
Повсюду сегодня,

над рыночными прилавками с салатом
и фруктами, пикантным сыром,
и задиристыми петухами в клетках,
разлит золотой и оранжевый свет, более
чудотворный, чем освященное вино.

Вот чаша; а это — кровь.

Sally Buckner

KNOWLEDGE

He knew wood,
Great-great-grandfather Jeremiah Stack
knew wood
the way a pianist knows sharps and flats,
allegro, pianissimo, vivace,
approach and release of melodic phrase.

No,
he knew wood
the way a chef knows roux and sauce,
curry, ginger, rosemary, sage,
the play of flame on wok, the grace of stir;

No, he, Great-great-grandfather Jeremiah Stack,
knew wood
the way an architect knows space,
angles, curves, enclosures,
the thrust of line into waiting air;

No, he knew
wood
the way the gardener knows weather,
soil, nutrient, and moisture,
split of seed, arousal of blossom.

No, Great-great-grandfather
Jeremiah Stack
knew wood,

Салли Бакнер

ЗНАНИЕ

Он знал древесину,
Пра-пра-дедушка Иеремия Стэк
знал древесину,
как пианист знает черные клавиши,
аллегро, пианиссимо, виваче,
трактовку и исполнение мелодической фразы.

Нет,
он знал древесину
как шеф-повар знает, как обжарить муку и сделать соус,
карри, имбирь, розмарин, шалфей,
игру пламени на котелке, изящество помешивания;

Нет, он, Пра-пра-дедушка Иеремия Стэк,
знал древесину,
как архитектор знает пространство,
углы, изгибы, залы,
наполнение пространства продуманной линией;

Нет, он знал
древесину,
как садовник знает погоду,
почву, удобрение, и влагу,
проклонувшееся семя, стимулирование цветения.

Нет, Пра-пра-дедушка
Иеремия Стэк
знал древесину,

its grains and planes, crotch and burl,
its catch and play with light and shadow,
and, whether harvested from planted forests
or rescued from the ravage of tornados,
how, with the stroking of patient hands,
it gradually discloses burnished beauty,
whorls and curls, infinitesimal
layers of tone and color.

Yes, he knew wood,
Great-great-grandfather Jeremiah Stack,
the way a lover, enveloped in affection,
impelled by passion,
pledged to pure devotion,
knows,
knows
his beloved.

Lynn Veach Sadler

Oxymoron

Unless Chinese,
the dragon is a fearsome creature,
Satan flaming evil, castigating sin,
that Old Red Dragon loosed again.
But in Long Beach aquarium,
a left-handed child takes notes,
his knapsack left where fallen,
back arched half-way the room
as he stretches out before
the tank a-worship.

ее волокна и слои, развилики и нарости,
как она улавливает и играет со светом и тенью,
получена ли она из выращенного леса
или ее спасли от разрушительного смерча,
как от прикосновения терпеливых рук
она постепенно обнажает отшлифованную красоту,
изгибы и завитки, ничтожно малые
слои оттенка и цвета.

Да, он знал древесину,
Пра-пра-дедушка Иеремия Стэк,
Как влюбленный, охваченный чувством,
движимый страстью,
поклявшийся быть преданным,
знает,
знает
свою возлюбленную.

Линн Вич Сэдлер

Оксюморон

Если он не китайский,
то дракон — страшное существо,
Сатана, пламенеющее зло, наказывающее грехи,
 тот Старый Красный Дракон снова выпущенный на свободу.
 Но в аквариуме Лонг Бич*,
мальчик-левша делает заметки,
его рюкзак оставлен там, где упал,
он занимает ползала,
растянувшись перед
предметом обожания в резервуаре.

In the midst of a thousand
swirling dervishes,
he the one who's still,
trying to capture creature with words
and sketching pen.

The creature? *Leafy Seadragon*
most undragon-like.

Yet, there the dragon shape is,
only — small and perfect,
diaphanous, of silky lace, silk for scales,
white with delicate bronze caresses.

It floats in the water, scarcely moves,
poses for the boy-artist (perhaps for me).
Boy tongue slides over upper lip nervously.

I want to brush the hair out of his eyes
but would not break his concentration.
The other school children dart and call.
He pays no heed.

I hear him mutter, bend to take his words:
"Beautiful dragon, beautiful dragon,
beautiful dragon"

His litany continuous
beneath the high-pitched squeals
of children's bedlam.

He's there until his teacher comes,
admires his drawing, reads his words,
pulls him, resisting, on their way.

I think his "beautiful dragon" sighs
as the child waves, turns away.

I want to stop leather and pupil,
examine, with them, oxymorons:
beautiful dragon, quiet child.

He does not need my
English teacher posturing,
this fine boy,
for this fine work of nature
has taught him to swim
below names and labels,
how not to be lost on reefs,
be reef-bound.

В центре тысячи
вихрями носящихся дервишней,
он единственный кто спокоен,
и пытается поймать существо с помощью слов
и рисующей ручки.
А существо? *Лиственныи Морской Дракон*
совсем не похожий на дракона.
Но форма — дракона,
только он, маленький, и идеально красивый,
прозрачный, из шелкового кружева, в шелковой чешуе,
белой, с изысканной бронзовой нежностью.
Он плавает в воде, почти не двигается,
позириует для мальчика-художника (может быть для меня).
Мальчик нервно облизывает языком верхнюю губу.
Я хочу зачесать волосы с его глаз,
но не смею нарушить его сосредоточенность.
Другие школьники носятся и кричат.
Он не обращает никакого внимания.
Я слышу как он бормочет, наклоняюсь и слышу его слова:
"Красивый дракон, красивый дракон,
красивый дракон...."
Его литания продолжается
под пронзительный визг
детского бедлама.
Он стоит, пока не приходит его учитель, который
восхищается его рисунком, читает его слова,
тянет его, сопротивляющегося, дальше...
Мне кажется, его "красивый дракон" вздыхает,
когда ребенок машет рукой и отворачивается.
Я хочу остановить учителя и ученика,
Рассмотреть, вместе с ними, оксюмороны:
красивый дракон, спокойный ребенок.
Он не нуждается в моих
нравоучениях учителя английского
этот чудесный мальчик,
потому что это чудо природы
научило его плыть
глубже имен и ярлыков,
чтобы не налетать на рифы,
не стать пленником рифов.

* Лонг Бич — город в Северной Каролине.

Annette Allen

What Is and What Is Not

At dusk when houses forgot their doors,
and farmers went hatless, my sister pulled
me barefoot under shady oak, past
the drugstore of vanilla cokes where yellow
moons fringed the path to the bandshell.

Music opened its wings to the wind who
lifted a baton, a signal for fireflies to
flicker, the small fires kissing the grass,
lighting sharps and notes of the band's tune
straining for crescendo at evening's end.

Each blade of fire was overture to reverie,
that song of happy solitude where
what is and what is not fuse in flame,
changeable and fugitive as love would be.
But on Sunday nights at the concerts,

the tiny torches banished darkness,
like lighted candles that say you are
on holy ground, or like this memory
in its rapture, knowing fire smolders,
sometimes in ash, always in the soul.

Аннет Аллен

Что есть и чего нет

В сумерках, когда дома забывали о своих дверях*
и фермеры уходили с непокрытой головой, моя сестра тянула
меня босую под тенистый дуб, мимо
аптеки с ванильным мороженым**, где желтые
луны*** окаймляли тропинку к оркестровой раковине.

Музыка распахивала свои крылья ветру который
поднимал дирижерскую палочку, сигнал для светлячков
мерцать, маленькие огоньки целовали траву,
освещая диезы и ноты оркестровой мелодии
которая к концу вечера натягивалась в крещендо.

Каждый отблеск пламени был увертюрой к мечте,
этой песни счастливого уединения где
то что есть и чего нет сплавляются в пламени,
изменчивом и мимолетном как любовь.
Но на концертах воскресными вечерами

крошечные факелы изгоняли темноту,
как зажженные свечи, которые говорят что вы
на святой земле, или как эта память
в своем восторге, которой ведомы искрометные проблески,
иногда в пепле, всегда — в душе.

* Имеется в виду время, когда люди не запирали двери своих домов, не боялись оставить дома открытыми.

** Автор упоминает о том времени, когда продаваемые в аптеках напитки и мороженое готовились в сатураторах и разливались в стаканчики. Тон стихотворения — тоска по прошлому.

*** Имеются в виду круглые фонари, освещавшие дорожку.

MYTHS AND VARIETIES OF RELIGIOUS EXPERIENCE

"our animal selves glitter
with new-found grace"

МИФЫ И РАЗЛИЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОЗАРЕНИЯ

"наши животные сущности блестят
от новой милости"

Barbara Kidd Lawing

SCHOOL

The doors of the ship opened we stepped
out and looked around everything
was strange we knew no names
we soon learned those were trees waving
their greetings sunrays delivering blessings
but the thing called weather refused
to stay the same we nestled close
together we'd survive but the storm
became a blizzard thievery and murder
became commonplace

old-timers urged us to
let things be not worry that very little
was the way we wanted it to be remember
they said the ship will come back this planet
has always been a school for the soul.

Jeffery Beam

A STONE FALLING, A FALLING STONE

I am not afraid to fall.
Drop me from a tower and I
simply hit the earth. Hold on
to me, I am earth still.
I want to fall, it is the first
dream for me. And the earth
my drum that I play.

A stone falling, a falling stone.
Whether I burn or not —
that's beside the point.
The point, this:
when the earth
makes a stone
the sky still fathers it.
When the earth makes a stone,
it's made for falling.

I am not afraid to fall.

Барбара Кидд Лоинг

ШКОЛА

Двери корабля распахнулись/ мы
сошли с него и огляделись вокруг/ все
было странным/ названия нам были не понятны/
мы вскоре узнали что деревья качаясь
приветствовали нас/ утренняя заря посыпала благословления
но ве́щь называемая погодой отказывалась
оставаться такой же/ мы устроились близко
друг к другу/ мы бы выжили но гроза
превратилась в бурю/ воровство и убийство
стали обычным делом
 быvalые убеждали нас
оставить все как есть/ не беспокоиться что лишь немногое
получалось так как мы хотели/ помните
говорили они корабль вернется/ эта планета
всегда была школой для души.

Джеффери Бим

КАМЕНЬ ПАДАЮЩИЙ, ПАДАЮЩИЙ КАМЕНЬ

Я не боюсь упасть.
Сбросьте меня с башни и я
ударюсь о землю. Держитесь
за меня, я все еще земля.
Я хочу упасть, это моя первая
мечта. А земля
барабан, на котором я играю.

Камень падает, падающий камень.
Горю я или нет —
это не самое главное.
Суть вот в чем:
когда земля
создает камень,
небо по-отечески заботится о нем.
Когда земля создает камень,
он создан чтобы падать.

Я не боюсь упасть.

Gail J. Peck

CAN CHANGE NOTHING

(What the Italian waiter said when I
complained about the step where I fell)

Disease-resistant olive trees
still held fruit in the Tuscan sun,
the grapes already harvested along the roads
of chestnuts, umbrella pines open to all forces.
Old men and young cycled through the village
of Gaiole in Chianti where I was soothed
by church bells echoing
what I'd long ago given up.

I was in the land where the Madonna's face
was everywhere (an image
I've loved since childhood
when a friend took me to Mass,
past candles burning with prayers).
I brought back a plaque of the virgin,
vibrant with gold,
and placed it above one
where six angels play instruments
before what might be a coffin.

After my brother was born
incapable of speech,
my grandmother sent what money
she could to a healing evangelist,
then waited for a sign.
I watched her stand over the crib,
slowly saying words to make my brother smile —
her only reward, his laughter.

Гэйл Дж. Пек

ÍAËÜÇß ÍÈ×ÅÄÎ ÈÇÌÄÍÈÒÜ

(Что сказал итальянский официант, когда я
пожаловалась по поводу приступка, где я упала)

Болезнеустойчивые оливковые деревья
все еще удерживали плоды в тосканском солнце,
уже собран виноград вдоль дорог с каштанами
по обочине, зонтичными пихтами подверженными любой непогоде.
Старики и юноши проезжали на велосипедах по деревне
Гайоле в Кьянти где меня умиротворил
звук церковных колоколов, воскресив в памяти то
во что я давным-давно перестала верить.

Это было на земле где лик Мадонны
был повсюду (этот образ
я любила с детства — с тех пор как
подруга привела меня на службу
мимо свеч сгорающих от молитв).
Я вернулась с иконкой Богородицы,
украшенной золотом,
и поместила ее над другой —
где шесть ангелов играли на музыкальных инструментах
перед чем-то напоминающим гроб.

Когда родился мой брат,
лишенный способности говорить,
моя бабушка отправила все деньги,
которые она могла собрать, евангелисту-целителю*,
а потом все ждала знака.
Я смотрела как она склонялась над детской кроваткой,
медленно говорила слова, побуждая моего брата улыбнуться —
единственной ее наградой была его улыбка.

* Речь идет о проповедниках в США, которые обещают исцелить, если верующие пришлют им деньги. Они выступают по радио и на телевидении, общаются с толпами людей.

Miracles happen, people say,
and I've seen some more substantial
than Christ's face on a tortilla.
To hold onto what I love,
I'd crawl on my knees on stone,
or make my way up mountainsides,
and I might promise anything
that would take me to
a time *before*.

Annella Rockson

Flood

To swim right out your bedroom window,
leave it all behind: bills and ledgers turned
to pulp as the world we knew is washed away
and you swim straight into the blazing sun,
arm over arm over arm and legs aflutter,
your head held high, the way they teach you
in life-saving classes. The horizon line
turns peripheral as the smell of green tree
tops drowns, the murk of old things.
Far in the distance floats a tiny boat, painted blue
like the boats you knew when you were young
and a boat on a lake in the sunlight was enough.

Чудеса происходят, говорят люди,
и мне доводилось видеть более существенные
чем лик Христа на маисовой лепешке.*
Чтобы удержать то, что я люблю,
я проползла бы на коленях по камням,
или прошла бы через высокие горы,
и все отдала бы за то,
что вернуло бы меня
во время бывшего.

Аннелла Роксон

Наводнение **

Плыть прямо из окна твоей спальни,
все оставить: счета и книги с подсчетами размякли
и стали месивом, потому что знакомый нам мир смыт
и ты плывешь прямо навстречу пылающему солнцу,
гребя одной рукой, потом другой,
голова поднята вверх, как тебя учили
на курсах спасателей. Линия горизонта
ничем не прерывается: запах зеленых верхушек
деревьев заглушает мрак привычных вещей.
Вдалеке плывет крохотная лодочка, покрашенная в синий цвет,
похожая на те лодки, которые ты знала, когда был молода,
и лодки на озере при солнечном свете было достаточно.

*Подразумевается, что некоторым людям доводилось видеть образ Христа на круглой маисовой лепешке из пресного теста, которую жарят на сковороде и едят вместо хлеба в Мексике.

** Осенью 1999 года в Северной Каролине произошло страшное наводнение, вызванное ураганом. Автор представляет, что могло бы быть, если бы пришлось выплыть прямо из окна, не взяв с собой ничего.

The world is turned upside down:
a pig on one rooftop, a dog on another —
Coffins float downstream.
You could keep swimming,
but where are the others?
There is the problem of food.
Sooner or later, it has to be faced....
And suppose the rains come again?

You're out there, no shelter.
You can't sit on a rock like Andromeda.
Even she had to be rescued.
Maybe somehow you can dry
a bit of wood, find a cave,
figure It all out like Robinson Crusoe.

You remember now that isolated bit of beach
by the river up in the mountains.
You wanted to stay there forever.
A wild rose grew out of a rock, and just beyond
lay a pasture filled with flowers and gentle grasses,
wild berries, cows who stood in the water along the shore
seeking relief from heat. Where is relief now?

You keep moving, the water subsides, a dove circles.

Мир перевернулся:
свинья на одной крыше, собака на другой —
Гробы плывут вниз по течению.
Можно плыть дальше,
но где же другие?
Существует проблема еды.
Рано или поздно, с ней придется столкнуться...
А что если снова пойдет дождь?

Ты под открытым небом, укрыться негде.
Ты не можешь сидеть на скале как Андромеда.*
Даже ее пришлось спасать.
Может быть тебе удастся как-то высушить
немного дров, найти пещеру,
постичь тот же опыт, что и Робинзон Крузо.

Теперь ты вспоминаешь тот обособленный лоскуток берега
вверх по течению в горах.
Тебе хотелось остаться там навсегда.
Дикая розаросла из-под камня, а дальше
простиралось пастище, полное цветов и заливных трав,
диких ягод, с коровами, которые стояли в воде вдоль берега
спасаясь от жары. Где же спасенье теперь?

Ты продолжаешь плыть, вода убывает, кружит голубка.**

* Андромеда — богиня из Греческой мифологии, которая была спасена от морского чудовища Персеем. Она была высажена на камень.

** Голубка напоминает о Ное и библейском потопе, когда спустя сорок дней и сорок ночей проливного дождя воды стали убывать. Об этом узнали, когда прилетела голубка, и в клюве у нее была зеленая ветвь.

Irene Blair Honeycutt

Driving up 181 to Jonas Ridge

The winter moon rises
full to brimming —
a gold-hammered icon
shimmering above the overlook
where generations have seen
the Brown Mountain Lights.
Its December face radiates gilt
enough to paint the ridges stiff
in gold leaf.
It pours itself out and still
has more to spare,
so spreads a Byzantine angel's
wing over Jonas Ridge.
When I drive past an ochre field
close to Joe Poore Road,
I want to stop, for someone
has decorated a weathered shed
with Christmas lights,
and the ancient moon, having followed me
up the mountain, glows
on the horizon of this simple farm —
a still life now.
I think of the magi following
that star, and I've read that
in every icon the artist leaves
a space for the viewer's soul
to enter. Somehow I feel
I have always been
in this scene standing beside the
road, questioning the wind,
gazing across a field
at the moon brightening
the ashen
sky.

*Айрин Блэйр Ханикэтт***Подъезжая к Горному Хребту Иона по 181 шоссе**

Восходит зимняя луна
наполненная до краев —
выкованная из золота икона
мерцающая над видом с высоты
где не одно поколение наблюдало
Свечения Коричневой Горы. *
Ее декабрьский лик излучает позолоту
столько, что можно покрыть все хребты
твердой коркой золотого листа.
Она разливает свой свет, но его еще
много в запасе,
он простирается как крыло Византийского ангела
над Горным Хребтом Иона.
Когда я проезжаю мимо поля цвета охры
рядом с дорогой Джо Пура,
мне хочется остановиться, потому что кто-то
украсил видавший виды сарай
Рождественскими огнями,
и древняя луна, проводив меня
до самой горы, светится
на горизонте этой обыкновенной фермы —
сейчас это натюрморт.
Я думаю о волхвах, которые шли
за этой звездой, и я где-то читала что
в каждой иконе художник оставляет
место куда может войти душа того
кто на нее смотрит. У меня такое ощущение
что я всегда была частью этой картины и стояла
у обочины дороги, расспрашивая ветер,
глядя через поле
на луну, которая светилась в
мертвенно бледном
небе.

* Одни считают, что это быстрые яркие вспышки. Другие утверждают, что это медленные мерцания в дымке. Согласно индейской легенде, они появлялись на Коричневой горе с 1200-х годов. Местные эрудиты говорят, что Томас Эдисон, изобретатель электрической лампочки, был одним из тех, кто признавал, что они не поддаются научному объяснению. Однако было много попыток объяснить этот феномен. Наиболее распространенное объяснение сводится к тому, что это отражение машин или проходящих поездов. Те, кто опровергает эту теорию, говорят, что их видели задолго до того, как все это было изобретено. Начиная с 1913 года, было проведено несколько исследований. Какова бы ни была истинная причина появления этого необычного явления — они поддаются научному объяснению (некоторые считают, что это отражение разрядов молнии в грозу) или имеют сверхъестественное происхождение (согласно существующим мифам это связано с убийствами, битвами индейцев, несбывшейся любовью), — многие согласны с тем, что это часть магии гор.

Joseph Bathanti

Easter

They stand like shades
against the skyline,
in resurrection suits
and second-day dresses;
waiting to be gathered
and burned by the first fires
of dawn which, they have come to believe,
will perfect their two days' planted fruit.
Now like the rush of souls
it leaps across the sky
shredding fog with cerise
flames sudden as tongues.
And there can be no denial
of this white light which carves
fields rife with wheat and corn,
and sculpts holy men behind plows,
draws the harrow and martingale;
nor the flash and raiment of seeds
above the red river mouth.
Behold.

Джозеф Батанти

Пасха*

Они стоят как тени
на фоне горизонта,
в костюмах воскресения
и платьях второго дня;
ждут что их соберут
и сожгут первыми огнями
рассвета, и это, как они уверовали,
доведет до совершенства их двухдневный урожай.
Сейчас как порывы душ
рассвет брезжит на небе,
разгоняя туман светло-вишневым
пламенем быстрым как языки.
И ничем не опровергнешь
этот белый свет который режет
 поля изобилующие пшеницей и кукурузой,
и вает святых идущих за плугом,
тянет борону и мартингал;
неопровержима и пышность одеяния земли под посевом
над устьем красной реки.
Се человек.

* Автор представляет фермеров, которые собираются пахать землю и стоят, как вновь на Пасху воскресшие из мертвых.

Glennis Redmond

My Gods Don't Play

My gods don't play
Stuck tightfistedStoic
in some
greco-roman
bowel grunting
quagmire of clay
pose
gone
passe.

My gods
african dark
deep
hang around me
like my "peeps"
swaying like hip waters
busting a black wave
over the atlantic.

Naw, my gods
don't play
they down
with the beat
they dance.

Гленнис Редмонд

Мои Боги не шутят

Мои боги не прикидываются
скаредными стоиками
в чьих-то
греко-римских
внутренностях не кряхтят
глиняным болотом
в позе
давно
вышедшей из моды.

Мои боги
африканские темные
таинственные
крутятся возле меня
как моя родня,
раскачиваясь как воды из стороны в сторону
взрываясь черной волной
над Атлантикой.

Нет, мои боги
не шутят
они живут
ритмом
они пляшут.

Glennis Redmond

If I ain't African

If I ain't African
someone tell my heart
to stop beating like a djembe drum.

If I ain't African
someone tell my hair
to stop curling up like the continent
it is from.

If I ain't African
someone tell my lips
to stop singing a Yoruban song.
someone speak to my hips
tell them their sway
is all wrong.

If I ain't African
how come I know the way home?
Along the Ivory Coast
feel it in my breast of bones.

If I ain't African
how come my feet do this African dance?
How come every time
I'm in New Orleans-Charleston
I fall into a trance?

If I ain't African how come
I know things I ain't suppose to know
about the middle passage-slavery
feel it deep down
in my soul?

If I ain't African
someone tell their gods
to stop calling on me,
Obatala, Ellegbba, Ellegguá,
Yemaya, Oshun
Ogun!
Tell me why I faint
every time
there is a full moon.

Гленнис Редмонд

Не будь я Африканкой

Не будь я Африканкой,
кто-то приказал бы моему сердцу
перестать биться подобно барабанному бою.

=

Не будь я Африканкой,
кто-то приказал бы моим волосам
перестать виться, как континент,
сделавший их такими.

=

Не будь я Африканкой,
кто-то приказал бы моим устам
не петь песню Йоруба,*
кто-то сказал бы, что мои бедра
раскачиваются
не в тakt.

=

Не будь я Африканкой,
как бы я знала дорогу домой?
По Берегу Слоновой Кости
как чувствовала бы это в своей груди?

=

Не будь я Африканкой,
как бы ноги мои стали отплясывать африканский танец?
почему каждый раз,
бывая в Чарлстоне в Новом Орлеане,
я приходила бы в экстаз?

=

Не будь я Африканкой,
откуда бы я знала о том, чего не довелось испытать мне самой,
о дороге рабства,
как бы я чувствовала это в глубине
своей души?

=

Не будь я Африканкой,
кто-то приказал бы богам
не говорить со мной,
Обатала, Эллегба, Эллегва,
Йемайа, Ошун
Огун!**
Скажите мне, почему я падаю духом
каждый раз,
когда полнолуние.

If I ain't African
how come I hear
Africa Africa Africa
everywhere I go?
Hear it in my heartbeat
hear it high
hear it low.

If I ain't African
someone tell my soul
to lose this violet flame
someone tell their gods
to call another name.
someone take this drum beat
out of my heart
someone give my tongue
a new mouth
to part.

If I ain't African
someone tell my feet
to speak to my knees
to send word to my hips
to press a message on my breast
to sing a song
to my lips
to whisper in my ear
If I ain't African
If I ain't African
If I ain't African
Please
tell my eyes
"Cause **If I ain't African**
I ain't livin'
and God knows
I ain't
ALIVE!

Не будь я Африканкой,
как я могла бы слышать
Африка, Африка, Африка,
где бы я ни была?
Слышать это в биении моего сердца,
слышать громко,
слышать тихо.

Не будь я Африканкой,
кто-то приказал бы, чтобы моя душа
утратила свой пыл,
кто-то приказал бы, чтобы боги
забыли меня,
чтобы кто-то вырвал этот барабанный бой
из моего сердца,
чтобы кто-то вложил мой язык
в другой рот.

Не будь я Африканкой,
кто-то приказал бы моим стопам
сказать моим коленям,
чтобы те передали моим бедрам,
чтобы те втиснули послание в мою грудь,
чтобы та спела песню моим устам,
чтобы те прошептали мне в ухо

Не будь я Африканкой,
Не будь я Африканкой,
Не будь я Африканкой,
Пожалуйста,
Скажите моим глазам,
Потому что **не будь я Африканкой**,
я бы не жила,
и Бог знает,
что я
НЕ ЖИЛА!

* Язык Йоруба относится к Суданской семье Африканских языков.

** Обатала, Эллегба, Эллегва, Йемайя, Ошун, Огун — Африканские боги.

Irene Blair Honeycutt

Adobe Night in Taos

Listen!

The gods are walking across gravel.

The adobe house,

windows pressed like ears to the darkness
waits.

Then

moonlight blue on the curtains,

silence

so

deep

the thick clay walls begin to drone.

My skin tingles with wings.

Stephen Lautermilch

ON TRYING TO READ A LETTER FROM A FRIEND

for a master of the wind instruments. Sego Canyon, near Thompson, Utah

I am trying to read your words
but only here and there does the little water
that films these eyes bring your writing into focus.
All else is a blur, though the moon
beyond the curve of the planet
lets all the stars shine.

Now the coyotes have begun to howl
and even the owls cry,
raising their voices like a litany over the mesa,
calling for their old friend to appear.
The painting of these rock faces, so old
their bodies have no limbs.

*Айрин Блэйр Ханикэтт***Пористая ночь в Таосе**

Услышьте!

Боги проходят через балласт.

Глинобитный дом,

окна прижаты как уши к темноте,

ждет.

Затем —

луны свет голубой на шторах,

тишина

такая

глубокая —

толстые глиняные стены начинают гудеть.

Моя кожа ощущает трепет крыльев.

*Стивен Паутермильк***КАК Я ПЫТАЛСЯ ПРОЧИТАТЬ ПИСЬМО ОТ ДРУГА***мастеру духовых инструментов. Сего Каньон, возле Томпсона, Юта.*

Я пытаюсь прочитать твои слова,

но лишь иногда эта водичка,

которая застилает глаза, собирает написанное тобой в фокус.

А так все расплывается, хотя под луной

над изгибом планеты

все звезды сияют.

Теперь койоты начали выть

и даже совы ухают, —

громче и громче, словно литания,

зовут своего старого друга появиться.

Краски этих каменных лиц,

их древние тела, как обрубки — без рук и ног.

Dawn Evans Radford

Convent

She-wolf smells
odors of the sacred —
folds her furry breasts
and slips from
milk-eyed pups.

She goes to dance
and gather bones
by light of crimson-ribboned
heat lightnings.
Old wolves in blue-ringed eyes
dance a clearing
among cactus clumps.
Primal parents:
She-wolf and old,
collecting bones.

She will come up
from the valley at dawn
bearing a hank of beard
and bones with skin hoarding
its moisture.

What shall pups do,
but crunch and crack
the bones she gathers
in her wildish foray.

She will be born into them —
predator —
born into them
seven times
a full-moon cycle.

Дон Эванс Радфорд

Сборище

Волчица чувствует
запахи священного —
прячет в складки меха груди
и поспешно оставляет
волчат с молочными глазами.

Она уходит танцевать
и собирать кости
при свете кровавых лент
летних зарниц.
Старые волчицы с глазами в синих кругах
танцуют на площадке
среди глыб кактуса.
Первоначальное родство:
Волчица-Она и те, старые,
выискивающие кости.

Она появится
из долины на рассвете
с клочком бороды
и в костях под кожей будет припрятана
влага.

Волчата будут только
грызть и похрустывать
костями которые она добывает
на своей дикой вылазке.

Она родится в них —
хищница —
родится в них
когда пройдет семь циклов
полнолуния.

Gabriel Morris

Creation Myth

I wish I had a magnolia tree to stand under during the rain
with its strong unyielding fleshy feminine leaves catching water
like a woman's hands cupped in supplication before a weeping Virgin —
the magnolia is a woman, or many women together,
their legs linked together and hair twined into wide knotted arm-branches
keeping their multiple hands and heavy white flowers like Cerean breasts aloft;
and there is no virgin like the sky.

Габриель Моррис

Миф о сотворении мира

Я хотел бы иметь дерево магнолии, чтобы стоять под ним в дождь
и оно удерживало бы воду плотной кроной из женственных листьев,
похожих на женские ладони, сложенные чашей перед плачущей Девой —
магнолия это женщина или много неразлучных женщин,
их ноги тесно переплелись и волосы завязаны сплетеньем рук-ветвей,
множество ладоней и тяжелые белые цветы, словно груди Цереры,
обращены ввысь;
и нет другой девы кроме неба.

Becky Gould Gibson

First Life

To the savage the world in general is animate, and trees are no exception to the rule. He thinks they have souls like his own and he treats them accordingly.

Frazer, *The Golden Bough*

A gold limb brought me home
to a forest in Boeotia
where I lived as a white oak
putting on centuries of girth
at the heart of a clearing.
I had room to spread,
only myself to balance.
I remember rain
and heat rushing my veins,
the tingle of green making.
I liked to expand leaves,
tend each as if
it were a new idea.
Then I could breathe
in all directions.
But I knew winter, too,
how to grow dense,
draw down so hard into pith
an unheard pulse emptied
the clearing even of birds.
I was all earth's
plea for absence.
There's too much light
for such quiet now.
But then I could hear soil
ready itself for rain, rock
acquiesce to snow.
I got used to quiet,
standing so long in a forest
with only the world's body
to listen to.

Бэки Гоулд Гибсон

Первая жизнь

*Для дикаря мир в
целом живой, и деревья
не исключение из правила.
Он думает, что у них есть душа, как и у него
самого, и он обращается с ними
как подобает.*

Фрейзер. Золотая ветвь.

Золотая ветвь привела меня домой
в лес, в Беотию,
где я жила белым дубом
обрастая веками в обхвате
посреди поляны.
Мне было где раскинуться,
только себя удерживая в равновесии.
Я помню, как дождь
и жара стремительно мчались по моим жилкам,
трепет появления зелени.
Мне нравилось раскидывать листья,
заботиться о каждом будто
это был новый замысел.
Тогда я могла дышать
свободно.
Но я зонавала и холода,
могла съежиться,
приникнуть к земле, когда
неслышимый ритм опустошал
этую поляну даже от птиц.
Все это была мольба
земли об уединении.
Слишком много света
для такого покоя.
Я могла слышать как земля
готовилась к дождям, камни
смирялись в ожидании снега.
Я привыкла к тишине,
стоя так долго в лесу
где только тело мира
могло слышать.

Jim Clark

Dancing on Canaan's Ruins

Our feet are drawn over the darkened face
of earth. We harbor light in our keen eyes.
Our animal selves glitter with new-found grace.

We move in the brilliance of instinct toward a place
where roads dissolve into the empty skies;
our feet are drawn over the darkened face.

So, a road to begin, a sort of base
something our song can change, our dance alchemize;
our animal selves glitter with new-found grace.

To dance is to rise up from the ruins and trace,
in ash, a song of the shedding of old lies:
Our feet are drawn over the darkened face

of earth. A blind road opens into space
where dancers, hand-in-hand, through hill tops rise —
Our animal selves glitter with new-found grace.

We are moving on. "The lost have their own pace,"
a voice like a bird's in the shining forest cries.
Our feet are drawn over the darkened face.
Our animal selves glitter with new-found grace.

Джим Кларк

Танцуя на Руинах Земли обетованной *

Наши ноги движутся по потемневшему лицу
земли. В наших обостренных взорах таится свет.
Наши животные сущности блестят от новой милости.

Нас гонит инстинкт по местности
где у горизонта дороги теряется след;
наши ноги движутся по потемневшему лицу.

Бот новый путь, вот простой металл,
который наша песня переплавит, наш танец в золото превратит;
наши животные сущности блестят от новой милости.

Танцевать значит подняться из руин и начертать
на пепелище песню об отторжении былой лжи:
наши ноги движутся по потемневшему лицу

земли. Невидимая дорога открыта в просторы
где танцоры, взявшись за руки, над вершинами гор возносятся —
Наши животные сущности блестят от новой милости.

Мы продолжаем идти. "У потерявшихся свои скорости",
поет чей-то голос, похожий на птичий в сверкающем лесу.
Наши ноги движутся по потемневшему лицу.
Наши животные сущности блестят от новой милости.

* Стихотворение написано в стиле вилланель — лирическое стихотворение в старофранцузской поэзии. Земля обетованная — Ханаан, часть Палестины.

Earl Carlton Huband

An Object in the Road

The road is dusty. You inhale the dust.
The road is barren. You are afraid to leave it.
Tombstones line the road. Each side beckons.
You see an object in the road, emerging.
You approach the object, find it within your grasp.
Soft and pliant, it feels like a lump of meat.
Blood drips through your fingers into the dust.
You feel the object stir within your hand.
You place it against your chest. It feeds and feeds.
When it is done, you put it down, move on.
The road is dusty. You inhale the dust.
The road is barren. You are afraid to leave it.
Tombstones line the road. Each side beckons.
You see an object in the road, emerging.

Эрл Карлтон Хабэнд

Что-то на Дороге

Дорога в пыли. Ты вдыхаешь пыль.

Дорога пустынна. Ты боишься сойти с нее.

Надгробные плиты вдоль дороги. Каждая сторона манит к себе.

Ты видишь как что-то появляется на дороге.

Ты подходишь к этому нечто, обнаруживаешь — до него рукой подать.

Мягкий и податливый, на ощупь он похож на кусок мяса.

Кровь каплями стекает сквозь твои пальцы в пыль.

Ты ощущаешь как это нечто шевелится под твоей рукой.

Ты прижимаешь его к своей груди. Он кормится и кормится.

Когда он становится сытым, ты опускаешь его, идешь дальше.

Дорога в пыли. Ты вдыхаешь пыль.

Дорога пустынна. Ты боишься сойти с нее.

Надгробные плиты вдоль дороги. Каждая сторона манит к себе.

Ты видишь, как что-то появляется на дороге.

Barbara J. Mayer

THE MUSHROOM CLOUD

spreads like a smoky inkblot
across the newspaper page, above
green pastures and marching
formations of trees. Here and there,
houses dot the fields, bits of color
dabbed on by an artist who thinks
"There is too much green —
I must add some red and white."
This happened ten miles east
of Sarajevo, city with a name
like a lament. Could this be
the third world war, arriving with
my morning coffee? I have seen
this cloud before, in newsreels,
my worst nightmares. It takes me
back to high school, a classmate's poem
about the aftermath of nuclear
holocaust — a world without people,
tree without leaves, a legless horse
screaming in the grass.

Барбара Дж. Мэйер

ГРИБОВИДНОЕ ОБЛАКО

расползается затуманенным чернильным пятном
по газетной странице, над
зелеными пастбищами и деревьями,
посаженными в ряд. То здесь, то там
в полях разбросаны домики, словно легкие мазки
краской, нанесенные художником, который подумал:
"Слишком много зеленого —
Стоит добавить немного красного и белого".
Это произошло в десяти милях к востоку
от Сараево, города с названием
похожим на плач. Неужели это
третья мировая война приходит
ко мне с утренним кофе? Я видела
это облако раньше, в кинохронике,
в самых страшныхочных кошмарах. Оно уносит
меня снова в школу, в стихотворение написанное
одноклассником о последствиях ядерной
катастрофы — мир без людей,
деревья без листвы, безногая лошадь
истошно кричит в траве.

Keith Flynn

A Psalm For Camille

(born July 14, 1998)

First of all, little one,
let me tell you about life.
Everything I have said
that I would never do
I have done.

I decided early on
that no one was happy all the time.
There are slivers of happiness,
needles of momentary joy
that enter your life
with a flush poke-through.

And everyone knows
that to find a needle
in a haystack,
you have to burn
the whole damn thing.

The dogs of war, Camille,
are just deaf old men
with accordions, puffing and squawking
for a patch of street corner
to call their own.

In every mirror
there is a dove waiting
to swim into your heart.
That is your mother singing.
Your father is the echo of his father,
a cliff along the coast
covered in birds.

Кит Флин

Псалом Для Камиллы
(родилась 14 июля, 1998)

Прежде всего, мальшка,
я хочу рассказать тебе о жизни.
Все, чего я клялся
не делать,
я уже сделал.

Я давно решил для себя,
что никто не бывает счастлив все время.
Есть осколки счастья,
иглы преходящей радости,
которые входят в твою жизнь,
проколов аккуратную дырочку.

И каждый знает,
чтобы найти иголку
в стоге сена,
придется сжечь
весь чертов стог.

Псы войны, Камилла,
просто глухие старики
с аккордеонами, которые пыхтят и орут
из-за клочка места на углу улицы,
своего, собственного.

В каждом зеркале
живет голубка, которая готова
порхнуть в твое сердце.
Это поет твоя мама.
Твой папа — эхо своего отца,
крутой обрыв вдоль берега,
усыпанный птицами.

Drawn by the knot-holes in the beach,
giant crabs and blind crustaceans
are wading from the surf
into the sun-split salt deposits
and the fierce mineral silence.

This is the place of angels, little Camille,
everywhere the invisible mouth
may suck, deep and slow.
In these caverns, your grandmother
and aunt point delightedly
and they know.

They smell the spray that paints
their faces with pearls.
The same salt pearls
poured out of the deepest well
when you were born,
gushing like a new river.

The tiny cherry that was your life
bobbed like a red cork in the storm.
Counting your fingers and toes,
we vowed to love you forever
and your little wax lips
kissed us every one, like a tiny candle
passing its flame from mouth to mouth.

In a sea of blood, Camille,
you are the wild plum
that will find root in the rock.
You are our northernmost star,
covered in golden leaves
and shining like a new mandolin.

Always speak the secret language
of the worms and the squid.
Put your soul where you want
and never doubt these lines.
In circles we will sing your story
and be restored, a family at last,
finding its orbit in your eyes.

Застрявшие в вязких ямках на берегу,
огромные крабы и слепые раки
с трудом карабкаются из прибоя
в треснувшие от солнца соляные россыпи
и жестокое каменное безмолвие.

Здесь живут ангелы, маленькая Камилла,
всюду где незримый рот
может сосать, глубоко и медленно.
Вот в этих пещерах, бабушка
с тетей указывают восхищенно,
они точно знают.

Они вдыхают водяные брызги, украшающие
их лица жемчугом.
Такие же соленые жемчужины
вылились из глубочайшего колодца
когда родилась ты,
хлынув как новая река.

Крохотной вишенкой была твоя жизнь и
раскачивалась красненьким поплавком в шторм.
Мы считали пальчики на твоих ручках и ножках,
и клялись любить тебя всегда,
а твои маленькие восковые губки
поцеловали нас всех по очереди, как маленькая свечка
передавая свой огонь из уст в уста.

В море крови, Камилла,
ты дикая слива,
которая вцепится корнями в камень.
Ты наша самая северная звезда,
покрытая золотыми листьями
и сияющая как новая мандолина.

Говори всегда на тайном языке
червей и кальмаров.
Вкладывай свою душу куда захочешь
и никогда не сомневайся в этих строках.
Кружась, мы пропоем твою историю
и воссоединимся, став семьею наконец,
найдя свою орбиту в твоих глазах.

EARTH MOTHER

"the big woman sits with a lake in her lap"

МАТЬ ЗЕМЛЯ

"большая женщина сидит держа озеро на коленях"

Mark Smith-Soto

Cave

"The skeleton, part of which is embedded in the
stone, is the oldest discovered to date... "
— Associated Press, 12/10/98

Let me go in beyond the heave of light
waving along the walls, rising and ebbing
with my breath into the larger darkness
where no footstep stretches under mine

and no torch has eaten the black air —
I am here now in the deepest belly,
the deepest valley of welling, the deep
belonging beyond father or mother,

and on my knees where I am tallest,
my cheek pressed blind against the rock,
I let this moment of absolute aloneness
hold me in the cradle of a sigh.

Марк Смит-Сото

Пещера

"Скелет, часть которого скрыта в
камне, является самой древней находкой до сегодняшних дней ..." — Ассошиэйтед Пресс, 10 декабря 1998 года

И я уйду за пределы волн света,
колеблющихся вдоль стен, поднимаясь и опускаясь
от моего дыхания, в густеющую тьму
где под морем моим следом не простирается никакой другой

и ни один факел не поглотил тьму —
теперь я здесь в самом глубоком чреве,
в самой глубокой долине источника, глубокая
связь выше отца или матери,

здесь с колен мне не встать,
моя щека прижалась слепо к камню,
я позволил этому мигу полного одиночества
удержать меня в колыбели вздоха.

Katherine Russell Barnes

A SACRED POTION

I believe my grandmother on my father's side was half Cherokee, though I never heard it mentioned. She died before I was born, having borne eleven children and not lost a one. She was never sick — the story goes — until she fell stone-eyed in the bean patch while picking a mess for dinner. Looking into her deep black wells, one member said, "She won't last 'til noon," and she didn't.

A picture found tucked behind my daddy's dresser mirror, long after his death, bears her name. She is young, dressed in a dark high-necked garment with white ascot looped at the throat and kept in place by a filigree brooch, a moonstone at its center. Her black hair, parted in the middle and held back by a ribbon, falls straight to her shoulders. From her ears, intricate, beaded earrings dangle. High cheekbones cast shadows on the hollows above her pinched mouth.

Her eyes, holding-pools for ages, gaze out at me, spark my heart, raise a spectre of imaginings. Deep forests and savannahs, wild root gathering, clay vessels. Maize and meat from the day's hunt roast over open fire. Eyes catch its glint, shoot arrows of light into the night sky.

Кэтрин Рассел Барнс

СВЯЩЕННОЕ ЗЕЛЬЕ

Я думаю, что моя бабушка по линии отца была наполовину Чероки, хотя мне об этом никогда не говорили. Она умерла до того, как я родилась, родив одиннадцать детей и не потеряв ни одного. Она никогда не болела — как о ней рассказывают — пока не упала с остекленевшими глазами на грядку с бобами, когда набирала миску к обеду. Глядя в ее глубокие черные колодцы, один родственник сказал: "Она не протянет до полудня", так и получилось.

На фотографии, найденной за зеркалом комода моего отца, спустя годы после его смерти, написано ее имя. Она молода, На ней надето темное платье с воротником-стойкой и белым аскотским галстуком, завязанным на шее и скрепленным филигранной брошью с лунным камнем в середине. Ее черные волосы, разделенные на пробор и перевязанные сзади лентой, падают ей на плечи. Из ушей свисают замысловатые, с бусинками серьги. Высокие скулы бросают тени на впалые щеки над ее сжатым ртом.

Ее глаза, омыты-хранители на века, внимательно смотрят на меня, зажигают мое сердце, вызывают дух грез. Густые леса и саванны, сбор диких корней, глиняные сосуды. Maис и мясо с дневной охоты жарятся над открытым костром. Глаза улавливают его блеск, излучают стрелы света в ночное небо.

Mary Elizabeth Parker

Lake Woman

A streak of her gleaming pink leg
shimmers behind the clouds
at sunset. She is languid, examining mother-of-pearl toes.
The big woman sits with a lake in her lap
and waits for the gulls blown in from the ocean
to land like white flowers in a basket
Trees ring the lake like a necklace of porcupine quills.
Spaces between the trees might allow
the wrong man to step close to the clearing.
The trees hold every kind of life
erupting like borer larvae ticking from the bark.
The woman sits with a lake in her lap
and pulls children from its depths,
lean and slippery salmon boys,
laughs as the water sheets from them.

Kathryn Bright Gurkin

Venus of Willendorf

She is the feminist's worst nightmare:
no Aphrodite rising from the sea
but earthwork, ancient
caricature of femininity,
all breasts and belly with
mere stumps for arms and legs,
no toes, no fingers, unskilled,
almost spherical fecundity —
art imitating life the way
form follows function.

Мэри Элизабет Паркер

Озерная женщина

Полоска ее блестящей розовой ноги
поблескивает за облаками
на закате. С томным видом она рассматривает перламутровые
пальцы ног.

Большая женщина сидит держа озеро на коленях
и ждет когда чайки прилетят с океана
и приземляются как белые цветы в корзине.

Деревья окружают озеро как колье из перьев дикобраза.

Пространства между деревьями могут позволить
дурному человеку подступиться близко к поляне.

Деревья поддерживают всякую жизнь
пробивающую себе путь как личинки грызуущие кору.

Женщина сидит держа озеро на коленях
и вытаскивает детей из его глубин,
нежирных и увертливых лососят,
смеется, видя как вода потоком стекает с них.

Кэтрин Брайт Геркин

Венера Виллендорфская*

Она самый страшный кошмар феминистки:
не Афродита вышедшая из моря
а глиняный ком, древняя
карикатура женственности
все — груди и живот и лишь
культы вместо рук и ног,
и совсем нет пальцев, неуклюжая,
почти шарообразная плодовитость —
искусство, отображающее жизнь как
форма отражает содержание.

* Венера Виллендорфская — это скульптурное изображение богини плодородия эпохи палеолита, найденное в Австрии (г.Лаймстон).

Barbara Presnell

Ethel's Poem

I make words. I do.
I am well-known.
Thoughts come to me at night like dew.
In the morning I find them on my pillow.
I scoop them with a spoon onto pages.
I savor them. They are a feast.

My daddy makes coal. His skin is black
As Africa. He bruises my cheek with his nose.
At night he makes music
Cut through the darkness with his violin.
His eyes are squeezed tight as his strings.
On the porch I lift my skirt and spin
On tiptoe. I am a ballerina.
The moon dances with me.

My hair must wisp around my face like
Dandelion wishes. My eyes could be
Dark seed pods. My hands are
Vines that grow amid snarls and brushes.
I am clematis.
I never die.

A young man brings me dinner.
He is tall and strong. His face is black.
I say, play for me. Daddy,
So I can dance. He says,
Write me some words, Mama.
I don't have children, but he is kind.
I give him this word:
Eat.

Барбара Преснел

Стих Этель

Я работаю со словами. Да.
Я знаменита.
Мысли приходят ко мне ночью как роса.
Я нахожу их утром на своей подушке.
Я черпаю их ложкой на страницы.
Я смакую их. Это мое наслажденье.

Мой отец добывает уголь. Его кожа черна
как Африка. Его нос больно утыкается мне в щеку.
Ночью он сочиняет музыку
Рассекая своей скрипкой темноту.
Его глаза сомкнуты также плотно как сжаты струны.
На веранде я поднимаю подол юбки и кружусь
На цыпочках. Я балерина.
Луна танцует со мной.

Волосы обрамляют мое лицо как
Одуванчиковые желания.* Мои глаза похожи на
Темные семенные коробочки. Мои руки —
Вьющиеся стебли, которые растут в сплетенном кустарнике.
Я ломонос**.
Я никогда не умираю.

Молодой человек приносит мне обед.
Он высокий и сильный. У него черное лицо.
Я говорю, сыграй мне, папа,
Чтобы я станцевала. Он говорит,
Напиши мне несколько слов, мама.
У меня нет детей, но он любезен.
Я даю ему это слово:
Ень.

* Дети загадывают желания, прежде чем дунуть на одуванчик.

** Ломонос — растение с яркими круглыми цветами.

Barbara Kidd Lawing

RESEMBLANCE

Earth Mother, you are called.

You burn cold then hot, bright
then dark
— as I do.

You blossom in summer, sigh with
ripeness in autumn
— so do I.

You uproot your trees with
your storms
— as I do also.

You keep some of your seeds
dormant for years
— I do the same.

You bury some things so thoroughly
they may as well never have been
— like I do.

You cannot if you want to go back
to your previous selves
— nor can I.

With you, any day may turn out
springlike.
— It's that way
with me, too.

Барбара Кидд Лоинг

СХОДСТВО

Мать-Земля, тебя называют.

Ты обжигаешь холодом, потом жаром, светом
затем темнотой
— как и я.

Ты расцветаешь летом, вздыхаешь от
зрелости осенью
— я тоже.

Ты с корнем выкорчевываешь свои деревья
своими ураганами
— также и я.

Ты сохраняешь некоторые из своих семян
в покое годами
— я делаю то же самое.

Ты хоронишь некоторые вещи так глубоко
будто их могло никогда и не быть
— также как и я.

Ты не можешь, если захочешь, снова стать
такой как прежде
— я тоже не могу.

У тебя любой день может
стать похожим на весну.
— так же
и у меня.

Joanna J. McKethan

Grieving

You think earth is not sad
and does not cry
when spring exits
and her children die:
you see dropped petal and curling leaf
more beautiful in burnt carmines and
yellow cadmiums than plain grass
green and say, "It's natural."
But dying is dying.
Does earth have no memory
that her beloved ones
are never known to her again?
What about that perfect leaf
the rock formation upturned
the rotting tree that, healthy,
once had hugged her soil —
does she not shed her tears for them?
You only think earth is not sad
because her mourning comes
at just the reasoned time, because
you do not see her rain as tears
nor hear her groan in pain

— and because she
always, always
finds her way back
to birthing babies
and rejoicing once again.

Джоанна Дж. МакКетан

Печаль

Вы думаете, земля не грустит
и не плачет
когда уходит весна
и ее дети умирают:
вы видите опавший лепесток и свернувшийся лист
цвета огненного кармина и желтого кадмия, что
намного красивее чем обычный травянисто-зеленый цвет
и говорите: "Это естественно".
Но умирание есть умирание.
Разве земля не помнит,
что любимые ею когда-то
никогда вновь не будут ей знакомы?
Как же та великолепная листва,
нарушенный порядок камней,
 чахнувшее дерево, которое, будучи здоровым,
крепко обнимало ее почву —
разве она не проливает свои слезы по ним?
Вы просто думаете, что земля не грустит
потому что ее скорбь приходит
в подобающее время, потому что
вы не воспринимаете ее дождь как слезы
и не слышите ее стона от боли
— и потому что она
всегда, всегда
находит путь снова
дать жизнь своим детям
и снова возрадоваться.

Margaret Divish

Demeter Writes Back to Persephone

Darling child,
I ache with your loss every second of every day.
My carelessness haunts me.
Yes, the laundry is folded and the dishes are clean and I have
Made a wonderful roast beef with parsley potatoes and
Glazed carrots. And while I did this, you vanished.
I called you to dinner and cursed you for dawdling
While my roast grew cold and my carrots shriveled.

Stupid humans cry and beg for hay and water and strawberries.
They should have thought about me just once. Now
They have crushed all their olives and fermented all
Their grapes and they curse me. They bring their children
To trick me into giving them milk and they offer me beer and
Dead chickens and I have had enough of death and
Loss. My eyes are like sand. I stare
At the walls and the ceilings and the floors and even the act of producing
A tear exhausts me. I am wrapped in blankets.
The fire is dying in the fireplace. Rotten apple cores do not sustain it.

I have asked Zeus and begged Hades and they act so solemn
As they explain why you cannot come home. They tell
Me I must not be so emotional. I must not be so needy.
Don't I have enough? They ask. Lovely house,
Swimming pool, gardens full of flowers that all look
Like mushrooms to me, too. A retirement plan and six months of vacation
Every year. Even Zeus doesn't have this, and he is the boss.
(He thinks he is so funny). They will not let me send you gifts
Or letters, but I send you my heart, which has always belonged to you.

I have dug into the ground for you. Six-foot deep holes torn in the lawn.
I have clawed at the roots and I have sent the snakes to look
For you. You are hidden, they say, but I think they are lying. Hades pays them off.
I have dirt on my knees and in my hair and I have torn my nails and cut my hands.
But I will not feel this until my hands reach through the earth and pull you back to me.

Маргарет Дивиши

Деметра письменно отвечает Персефоне*

Драгоценное дитя,
Каждую секунду каждого дня я испытываю боль утраты.
Моя беспечность ходит за мной по пятам.
Да, белье сложено и тарелки вымыты, я уже
Приготовила замечательный ростбиф, картошку с петрушкой и
Морковь в сладком соусе. И пока я все это делала, ты исчезла.
Я звала тебя обедать и ругала за нерасторопность
Пока остывало мое мясо и моя морковь сохла, морщась.

Глупые люди волят и просят сена, воды и клубники.
Подумали бы обо мне хоть раз. Теперь
Они выжали все свои оливки, поставили бродить весь
Свой виноград и ругают меня. Они приводят своих детей,
Чтобы разжалобить меня дать им молоко, жертвуют пиво и
Трупики цыплят, а мне достаточно смерти и
Потерь. Мои глаза как песок. Я тупо смотрю
На стены потолок и пол, даже медленное течение
Слезинки изнуряет меня. Я укуталась в одеяла.
В камине гаснет огонь. Гнилые огрызки яблок его не насытят.

Я просила Зевса и умоляла Аида а они так величественны,
Когда объясняют почему ты не можешь вернуться. Они говорят,
Я не должна быть такой эмоциональной. Ни к чему много требовать.
Разве я имею не достаточно? Спрашивают они. Красивый дом,
Бассейн, сады полные цветов, которые для меня
Все равно что хмурые грибы. Пенсия, шесть месяцев отпуска
Каждый год. Даже у Зевса нет такого, а он босс.
(Думает он такой смешной). Они не разрешают посыпать тебе подарки
Или письма, но я посыпаю сердце, которое всегда принадлежало тебе.

Я перекопала землю в поисках тебя. Ямы в шесть футов вырыты на газоне.
Я ногтями выдрала корни и отправила змей искать
Тебя. Говорят, тебя спрятали, но они лгут. С ними сполна расплачивается Аид.
У меня грязь на коленях и в волосах, я сломала ногти и порезала руки.
Но я не почувствую этого пока не доберусь сквозь землю и не верну тебя.

* Аид (он же Гадес), бог подземного царства в греческой мифологии, крадет у Деметры ее дочь Персефону и женится на ней. Поэт пишет от лица матери, которая потеряла свою дочь. В горе Деметра позволяет, чтобы зима на земле длилась шесть месяцев, — потому что именно шесть месяцев Персефона находится в подземном царстве у Аида.

BENEDICTE

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Dick Roberts

Struga

A full white
moon rises
over Struga
and hangs high.
On the balcony
above a courtyard
of dogs
I am served
a stack
of diamonds
and a thimble
of rakija
that holds
the moon.
We all sit
around a
large table
drinking.
Language
is abstract
and their words
punch
like the feet
of dancers
sporadic explosions
of short sounds
danced with
purpose.
The dance is as lush
as olives
and I am filled.
I ride a thread
of comprehension
that stretches
from my glass
to the pale
bright ball
among the stars.

*Дик Робертс***Струга***

Полная белая
луна поднимается
над Стругой
и висит высоко.
На балконе
над внутренним двором
где полно собак
мне приносят
горку
алмазов
и с наперсток
ракии**
в которой плавает
Луна.
мы все сидим за большим
круглым столом
и пьем.
Язык
для меня абстрактен
и их слова
отбивают ритм
как ноги
танцоров
внезапными вспышками
кратких звуков
танцующих с
умыслом.
Танец такой же сочный
как оливки
и я сыт.
Я пускаюсь на самотек по нити
понимания
которая простирается
от моего стакана
к этому бледному
яркому шару
среди звезд.

*Струга — город в Македонии. Он знаменит своими Поэтическими вечерами, которые обычно устраиваются ежегодно в честь братьев Миладиновых. Сюда съезжаются поэты со всех континентов. Поэтический фестиваль в Струге — один из старейших и наиболее известных в мире мероприятий такого рода.

** Ракия — алкогольный напиток

AFTERWORD

"The Poet's Soul Will Stir..."

This is the first dual-language anthology to present North Carolina poets in Kostroma. Our readers will be able to travel imaginatively to a different continent, to visit people of different cultures, to learn about and wonder at the similarity of our feelings, to rejoice at how like each other our idea son nature and human beings are. The loss of the original melody of the free verse in translation may present some difficulty for Russian readers who are used to the harmony of rhyme, having been brought up on traditional forms of poetry. The power of imagination that we were given by nature, however, can work wonders and compensate for what was lost in translation. Poetic vision can break down many barriers besides language.

It is difficult to imagine that once human beings got along without poetry. Since ancient times poetry and philosophy have often converged in the search for Truth and Beauty. Giving definition to things, phenomena, events, Nature herself, philosophers and poets moved about in the universe with the help of their imagination. They have proved long ago that it is completely natural for a person who wants to speak the truth to turn to poetry. The universal influence of Homer and Hesiod's epics impelled philosophy toward metaphor. Truth as well as poetry was under the patronage of the Muses. More often than not philosophers put their thoughts into poetry. It was not an accident that sages in ancient times embraced the idea that the poetic is akin to the prophetic. Roman poet Lucretius Carus wrote his philosophical poem "On the Nature of Things" about atomism, the doctrine of the Greek philosophers Democritus and Epicurus. There was a unique bond then between philosophy and poetry, never again seen in world literature.

In the first days of the third millennium we may look way back and contemplate the roots of the poetic perception of Nature. Editing this book has meant entering a world filled with many different voices reflecting by the minds and emotions the innate gifts and talents of many people. Inarguable truths come to mind. Again and again it helps to remember that man is also nature, and that by perceiving nature's laws we can know ourselves and become convinced that all existence is united in its diversity. Poetry can help us understand this through its ability to define things by what may sometimes seem to have nothing to do with it.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

"Душа поэта встрепенется..."

Впервые антологический сборник на двух языках представляет в Костроме поэтов Северной Каролины. Читатели получают возможность полетом фантазии оказаться среди людей разных культур на другом континенте и познавательно удивляться сходству чувств, радоваться совпадению мыслей о природе и человеке. Возможное снижение первозданности мелодии свободного и вольного стиха создает определенные трудности для русского читателя, сформированного на поэзии с постоянными размежевами, на благозвучии рифмованных строф. Но чудодейственная сила творческого воображения, дарованная нам от природы, может компенсировать утраченное при переводе. Поэтическое восприятие преодолевает не только языковые барьеры...

Трудно представить, что когда-то человеческая жизнь обходилась без поэзии. С древнейших времен в истории мировой культуры поэтические и философские откровения на пути к Истине и Красоте оказывались рядом. Давая определение вещам, явлениям, событиям, самой Природе, философи и поэты двигались в мировом пространстве с помощью воображения. Собственной практикой очень давно определили: для человека, желающего высказать истину, обращение к поэзии в высшей степени естественно. Повсеместное влияние поэм Гомера и Гесиода побуждало философию к соревнованию в метафорических высказываниях. Истина, как и поэзия, находилась под покровительством Муз. Нередко философи изъясняли свои мысли в стихах, поэтическими оборотами. Неслучайно в те давние времена мудрецы руководствовались общим мнением: поэтическое сродни пророческому. Римский поэт Лукреций Кар создал философскую поэму "О природе вещей", посвященную атомизму — учению греческих философов Демокрита и Эпикура. Это было особое единство философии и поэзии, мировая литература такого больше не знала.

Из первых дней третьего тысячелетия оглядываемся очень далеко, думая об истоках поэтического восприятия всеобщей Природы. Редакторская работа над этой книгой — вхождение в полифоничный мир, созданный разумом и чувствами, душевным даром и талантом многих людей. Вспомнились истины, с которыми не споришь. Еще и еще раз оказывается полезным напоминание: человек это тоже природа, постигая ее законы, мы движемся к познанию самих себя и убеждаемся, что на самом деле все существующее едино с множественным разнообразием. Понимать это помогает поэзия, умеющая определять вещи через то, что подчас не имеет к ним никакого касательства.

Fantasy and imagination allow us to envision the most inconceivable circumstances, phenomena, events, and facts through visual and sensual analogies. Poet and philosopher Lucretius (first century B.C.) encouraged man in the idea that he could travel freely through the universe. He led the way with his winged thoughts and his bold fantasies, moving as one of Homer's gods might have moved. In their great wisdom these ancient poets showed their readers their capacity to make their imaginations soar in the natural world, which is all around us all the time and allows each of us to be like Nature's brother or sister in the universe.

Poets who speak different languages are also brothers, and they are all able to appreciate harmony and beauty. Those who read Russian hold Pushkin in the highest esteem. They turn to the treasure-chest of his poetry again and again. Yet I have heard that translating Pushkin into English causes the ideal image of man, so vivid in his poetry, to lose many of its qualities—unfortunately, unfortunately! Pushkin's world is not confined to Russia. The most important characteristic of this Russian genius was his universality. In his youth he read the classical poets, in manhood he studied Shakespeare and regarded the Persian poet Saadi and the distinctive poetry of the Mohammedans very highly. He loved Byron's poetry, eagerly read all the new Walter Scott novels and the works of Goethe. French culture was especially familiar to him. He discovered Voltaire and Rousseau, Racine and Moliere early. His remarkable ability to imagine himself as a writer within a different culture and to understand the spirit of every nation, along with the historical characteristics, was combined in him with a natural desire to solve the human problems common to all mankind. His artistic way of envisioning life enriched the spiritual inheritance of a nation, set the course for the flourishing of Russian literature, and still serves as a landmark aesthetically.

Any conversation about poetry presupposes invoking this extraordinary phenomenon — the universal genius of Pushkin. According to Gogol, the natural world of Russia, the Russian soul, the Russian language, the Russian character were all reflected in Pushkin's works with a beauty as remarkably clear as if the beauty of a landscape were reflected on the convex surface of a lens.

This poet invites those whose minds are clear into the strange country of the exquisite, where "the soul tends toward the sublime, intentions become noble, feelings become sublime, and everyone wants to think in an exalted way." Moral truths are offered which lead to intellectual growth, but they are perceived through what delights us and helps stimulate our mental growth.

Through their discoveries because of their seeing life as poets, trusting nature and opening their souls to it, the world's best poets lead us toward the good and the beautiful, toward sincerity, love,

Фантазия, воображение позволяют человеку с помощью зрительных и чувственных аналогий представлять самые дальние, самые невообразимые обстоятельства, явления, события, факты. В свободное путешествие по мировым пространствам увлекал человека поэт и философ Лукреций (1 в. до н.э.), полетом мысли и смелой фантазии учил всюду чувствовать себя свободно, как это было дано только божествам в сочинениях Гомера. С величайшей мудростью древние поэты внушали читателям возможность полета воображением в природе, которая ежедневно окружает и позволяет каждому оставаться своим братом во Вселенной.

Говорящие на разных языках и слагающие стихи — тоже братья, способные ценить гармонию и красоту. Читающие на русском особенно чтут Пушкина. Обращаются к его поэтическим сокровищам вновь и вновь. Но приходилось слышать: раскрытий в лирике пушкинский идеал прекрасного человека утрачивает многие краски в переводе на английский язык. К сожалению, к сожалению... Мир Пушкина — не только Россия. Знаем, что важнейшая особенность русского гения, его творческого облика — всемирность. Пушкин в юности читал античных поэтов, в пору зрелости изучал Шекспира, высоко ценил персидского поэта Саади, самобытную поэзию мусульман, увлекался поэмами Байрона, прочитывал новые романы Вальтера Скотта, сочинения Гете, особенно близкой была для него французская культура, рано открыл для себя Вольтера и Руссо, Расина и Мольера... Удивительная способность перевоплощаться и понимать дух каждого народа, особенности исторических эпох сочеталась с естественной потребностью решать общечеловеческие вопросы. Его художественное познание жизни обогатило духовное достояние нации, определило бурный расцвет русской литературы и служит неизменным эстетическим ориентиром.

Любой разговор о поэзии подразумевает обращение к явлению чрезвычайному — всемирному гению Пушкина. В нем, по словам Гоголя, русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Поэт увлекает незамутненную публику в незнакомую страну изящного, где "возвышается душа, улучшаются помыслы, уточняются чувства, каждому хочется возвыщенно мыслить". Художественно раскрытыe нравственные истины предлагаются для умственного роста, но постигаются по способности восхищаться и умнеть.

Своими открытиями на пути поэтического восприятия жизни при умении доверять природе и доверяться ей лучшие поэты Мира увлекают к добру и прекрасному, к искренности, любви и духовному самосознанию. Они учат быть осторожны-

and spiritual self-awareness. They teach us to be careful, to follow intimate movements in people's souls, to respond to everything that is taking place in nature and society, to look towards a clear sky. Nobody has the right to belittle enlightened poetic activity, to consider it of secondary importance. Very regrettably, quite often we hear experts assert that modern poetry has ceased to be part of the daily diet of the intellectual.

Actually, for the last ten or fifteen years wave after wave of new, as yet unknown poets have arisen in Russia. Despite difficult circumstances they are educating the tastes of their audience to appreciate the many different ways that people live. A gifted master of the word can't help working toward the goal spoken of by Leo Tolstoy: "to make us love life in all its innumerable and endless manifestations."

Our interest in reading poetry is conditioned by long-established traditions, beginning in the oral tradition. All folk genres, from proverbs to folk tales and epics, bear witness to how the mastery of the word endures eternally and is recognized as a unique phenomenon in the history of the arts. There are wellsprings in the depths of history for those who read Russian. Pushkin said that by drinking from these wellsprings, poets and writers of every epoch obeyed the accepted traditions in the literature of their people, which always has its "special character." Even today true connoisseurs of poetry can't agree that its current state can be characterized as dying or decadent, even understanding how fast the world is changing in the direction of being more practical.

New poets arrive, noisy innovators who value form above all else. They forget about the reader who was reared on different beginnings, and thus they remain "misunderstood." In his day Paul Valery, the French master of philosophical poetry, speculated on innovation, the essence of knowledge, and the nature of the creative process. His poetry is characterized by the boldness of its associations, the extreme denseness of its meaning. Andre Malraux in his literary memoirs paid homage to the poet's thoughts on innovation, one of which I want to highlight: "It is a strange trait to cling to the most transitory quality in things—to their novelty. Don't you know that the newest ideas should be clothed in noble, deliberate, mature forms, in order that they may look strange but last for centuries, not as if they had been created or brought into being just this morning but simply forgotten and then found anew." Isn't there the same quality in these periodically repeated writings on poetry's being extinguished, on the death of interest in poetry? They say that the problem now is with readers, and they even analyze the average reader mathematically using external factors to determine

ми, улавливать сокровенные движения в душах людей, отзываться на все, что происходит в природе и обществе, устремлять взор в чистое небо. Никто не имеет права принижать возвышенную поэтическую деятельность, считать ее второстепенной. Но довольно часто, к большому сожалению, публикуются признания специалистов, утверждающих, что современная поэзия перестала входить в повседневную интеллектуальную диету.

В действительности последних десяти-пятнадцати лет по всей провинциальной России волна за волной идут новые неизвестные поэты. В трудных обстоятельствах они прививают вкус к разнообразию жизни. И всякий имеющий талант художника слова невольно работает на такую цель, о которой сам Лев Толстой говорил, что цель художника — "заставить нас полюбить жизнь во всех ее бесчисленных и бесконечных проявлениях".

Наши интересы к чтению поэзии определяются давними традициями, образцами народного творчества. Все фольклорные жанры от пословиц до сказов, былин свидетельствуют о вечном и неувядающем словесном искусстве, признанном уникальным явлением в мировой истории художественной культуры. Для читающих на русском языке есть в глубинах истории неиссякаемые родники. Приникая к ним, поэты и писатели в каждую эпоху повиновались, по словам Пушкина, принятым обычаям в словесности своего народа, которая всегда имеет свою "особенную физиономию". Подлинные знатоки поэзии даже сегодня не могут согласиться с утверждением об умирании или упадке ее, понимая при этом "поспешность мировых перемен в сторону сугубой практическости".

Приходят новые поэты, приходят шумливые новаторы, отдающие предпочтение формальным поискам. Они забывают о читателе, воспитанном или наследственно сформированном на иных истоках, и остаются "непонятыми". Французский мастер философской лирики Поль Валери в свое время размышлял о новаторстве, о сущности познания и природы творчества. Его поэзия отличается смелостью ассоциаций, предельной сгущенностью выразительного языка. Афоризмы поэта с удовольствием цитировал Андре Моруа в литературных воспоминаниях и обратил внимание на рассуждения поэта о новаторстве, среди которых целесообразно сейчас выделить одну мысль: "Странное свойство — так цепляться за самое бренное в вещах — за их новизну. Или вам неведомо, что самые новые идеи необходимо облекать в благородную, неспешную, но зрелую форму; чтобы они выглядели странными, но бытующими уже на протяжении веков, не созданными или найденными сегодня по утру, но просто позабытыми иобретенными вновь". Нет ли странного свойства в повторяющихся периодически писаниях по поводу угасания поэзии, замирания живого интереса к ней? Говорят, нынче проблема в читателях, даже аналитически по

whether or not he is capable of interpreting poetry. Maybe the problem lies in the level at which the reader is engaged in conversation, in the subject matter, in the language, in what is being advocated. Is sophisticated speech, full of metaphors, always reasonable? Doesn't it correspond to the evolution of the society?

Addressing myself to the readers of this collection I intentionally touch only part of the special qualities of perception. This being our first experience in translating poems rooted in different historical, cultural, language backgrounds, we felt it our duty to be extremely careful. Each poet's voice is subjective and has an individual melody within it. Nature herself looks at the artist and explains to him in a special language, making him understand that his soul is his measure for everything. An author's moods turn out to be attuned not only to the natural world that surrounds him, but also to the natural world remembered from his childhood. The experience of living gives man the opportunity to perceive the world in an individual way and to express himself with the help of the most sensitive instruments of the senses. Each string of these instruments sounds different depending on the way it is touched. We walked in fear and trembling, being as careful as possible of the poetic text, and this united us in our work on this publication. Judy Hogan, Sharon Ewing, Natalia Riabova, Irina Yelovich, Julia Tarasova discussed the translations into Russian across the ocean.

Our readers, or at least the majority of them, are used to poems where "everything is clear, everything is in Russian." But life itself, the upheavals reality introduces, stimulate the search for new forms and means of expression. The level of the poet's view of the world is growing as well as the eagerness to reach mutual understanding among people with different ethnic backgrounds. This anthology promises to be useful — represented side by side are poets who exemplify, as Sharon Ewing's foreword sensitively puts it, the blending together of many cultures. At the foundation of every culture's poetry lie its special roots: the myths, the philosophy of life, the folk and literary traditions. It is clear that on every continent man's spirit is in tune with Nature in general and with the natural world which is close at hand for our contemplation. The atomic age obliges us to listen to feelings beyond ourselves. "To cross the road and go beyond the fence — Impossible without trampling on the whole of creation."

The two lines reveal Boris Pasternak's attitude. He is but one of those who have found poetry everywhere, and kept on finding it, but also the echoes of tragedy, which are also everywhere. Just stop, look around, listen — your own sense of alarm will be part of a general sense of alarm, given expression in different

внешним факторам определяется уровень рядового читателя, способного или неспособного воспринимать поэзию. Может быть, проблема в том, на каком уровне говорят с читателем, на какие темы, каким языком, что проповедуют. Всегда ли разумна метафоричность, усложненность речи, соответствует ли степени общественного развития?

Обращаясь к читателям этого сборника, предусмотрительно затрагиваю лишь часть специфических особенностей восприятия. Первый наш опыт перевода поэтических текстов, созданных на разных исторических, культурных, языковых истоках, обязывал быть предельно осторожными. Известно, речь каждого поэта субъективна, имеет индивидуальную мелодию содержания. Сама природа смотрит на художника и объясняется с ним на особенном языке, давая понять, что в человеке всему мера есть — душа его. Настроение сочинителя оказываетсяозвучным состоянию природы не только той, что рядом, но и давней — из далекого детства. Опыт личной жизни дает человеку возможность воспринимать мир с неповторимой индивидуальностью и выражать себя тончайшими чувственными инструментами. Каждая струна в тех инструментах звучит в зависимости от прикасания к ней. Трепет и осознанная осторожность с поэтическим текстом объединили нас при подготовке издания. Джуди Хоган, Шерон Юинг, Наталья Рябова, Ирина Елевич, Юлия Тарасова согласовывали через океан переводы на русский язык.

Наши читатели по природе своей, во всяком случае большинство из них, сформировались на таких стихах, в которых "все понятно, все на русском языке". Но сама жизнь, перипетии реальной действительности стимулируют поиск новых форм и средств выразительности. Возрастает уровень поэтического мировоззрения, стремление к взаимопрочтению работающих от разных этнических истоков. Антологическое объединение авторов обещает быть полезным — рядом печатаются поэты, представляющие, как сказано в деликатном предисловии Шерон Юинг, смешанную историю разных народов. В основе каждой поэтической культуры особые источники: мифологизм, философия бытия, народный фольклор и литературные традиции. Понятно, настроение человека на любом материкеозвучно состоянию общей Природы и той, что рядом, доступна созерцанию. Атомная эпоха обязует прислушиваться не только к собственному самочувствию.

И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мирозданья.

В двух строках — позиция Бориса Пастернака. Он лишь один из тех, кто находил и находит поэзию всюду, но и эхо трагедий — тоже повсюду. Только остановись, оглянись, при-

languages. These are like-minded people speaking who experience the same sorrows and joys and dream about improving human life all over the world. Every society builds its own pantheon, creates its idols.

Every people has its teachers and beacon lights. Each country has its own great poets. Still we feel interest in each other, catch the affinity we have in a few lines. "There are no more light-footed days" - wrote the poet Ivan Skala. "My cart is heaped high," we read in the book by Ian Pilarg. Do many people know these Czech poets? They are known in their country. Men made wise by experience and their life as creative writers, they remind us: if you understand what is at stake today, you will not be able to play and be interested only in your own amusement. These quotes from the world of a different language convince us that artists may become soul-mates. If you can read, listen, and understand, you will get a feeling for the common ground of literature. Poetry is called forth and born of Nature herself. The rational world, the sensual world cannot do without it. The whole universe sings its poetry in different languages. You hear these ideas, and not only from the lips of poets. Critics, scholars of literature, scientists, admiring readers and listeners in the most unusual audiences, astronauts and housewives — everybody whose soul is awake is able to be attuned to the harmonies of poetry. It is difficult to imagine a homo sapiens who is unable to compose a lofty phrase at least once. Can we say now, and would it be fair to say — that poetry is in decline?

Once my conversation with American writer and poet Charles Eaton turned into a broad review of the literary process. In the natural course of our conversation Mr. Eaton — who attended the seminars of Robert Frost, is the author of many books of prose and verse, and has received numerous awards — spoke of Brazilian poetry. He then admitted that he does not have an objective view on the vast wealth of Russian literature but that he does know some of the Russian poets who are published in the U.S. In the foreword to his book we read that Brazilian writers and critics felt grateful to Mr. Eaton — the first North American author who was able to feel deeply the mysteries of the natural world and the people of Brazil. Then I thought up a phrase — it is still on my tape recorder: "The quiet flutter of the falling petal of the last rose that only the poet could hear suddenly overpowered the insistent roar of the ocean waves breaking."

Connections, associations come to mind. And here in this anthology I meet with my long ago conversational companion— a master of words. I turn to my recordings and imagine him on the terrace in a green armchair amidst the green world that he is attuned to, knows so well, preserves, and gives to others through

слушайся — станешь в общей тревоге, передаваемой на разных языках. Это говорят твои единомышленники, у них такие же печали, житейские радости и мечты о лучшем устройстве человеческого общежития.

Каждое общество выстраивает свой пантеон, творит своих кумиров. У каждого народа свои учителя и путеводные вершины. Величайшие поэты — свои. И все же мы интересны друг другу, улавливаем сходство по нескольким строчкам. "Нет уже легконогих дней", — написал поэт Иван Скала. "Мой воз нагружен с верхом" — сказано в сборнике Яна Пиларжа. Многим ли известны эти чешские поэты? Они признаны в своей стране. Они, умудренные жизнью и творчеством, однажды напомнили: если ты понял, о чем сегодня идет речь, ты не сможешь беззаботно играть и весело развлекаться. Эти процитированные строки из другой языковой стихии убеждают, что художники могут родниться духовно. Возникает ощущение общего поля словесности, если есть возможность прочитать, услышать и понять. Поэзия востребована и рождена самой Природой. Разумный, чувственный мир без нее обойтись не может. Все жизненное пространство выпевает себя поэтическим слогом на разных языках. Такие суждения можно услышать не только из уст поэтов. Критики, литературоведы, ученые, восхищенные читатели и слушатели в самых неожиданных аудиториях, космонавты и домохозяйки — все имеющие разбуженную душу способны настроиться на поэтический лад. Трудно представить человека разумного неспособным хотя бы однажды высказаться возвышенным порядком слов. Возможно ли, справедливо ли говорить и в наше время о том, что поэзия в упадке?

Однажды в диалоге с американским писателем, поэтом Чарльзом Итоном получился широкий обзор литературного процесса. В естественном течении нашей беседы мистер Итон, прошедший семинары Роберта Фроста, автор многих книг прозы и поэзии, лауреат конкурсных премий, говорил о бразильской поэзии, а затем признался, что не имеет объективного взгляда на океан русской литературы, но некоторых поэтов из тех, что издаются в Америке, знает. В предисловии к его книге говорится: бразильские писатели и критики благодарны мистеру Итону — первому автору из Северной Америки, способному глубоко чувствовать мистерии природы и людей Бразилии. Тогда у меня сложилась фраза — ее сохранил dictaphon: "Тихое колыхание падающего лепестка последней розы, сlyшимое только поэту, вдруг заглушило настойчивый рокот океанского прибоя".

Возникают связи, ассоциации. И вот в Антологии встречаюсь с давним собеседником — художником слова. Возвращаюсь к магнитофонным записям и представляю его на террасе в зеленом кресле среди зеленого мира, который он чувствует,

his poetry. The eternally green tree of life, branching wildly, sways gently above the poet's gray head. As I read the pointed articles of these American critics, I suppose that Charles Eaton sympathizes with Donald Hall's point of view: "Long live poetry!"

In their dialogue on the pages of the magazine, Dialogue-U.S.A., literary critic Joseph Epstein and poet Donald Hall analyze the process of the periodic decline of interest in poetry, give comparative analyses of various poetic trends, there adding public in the first half of the twentieth century and in the following decades. They touch upon many aspects of writing and its dissemination to readers as circumstances, interests, and the means of distribution change.

Paying tribute to the time of great poetry, to such individuals as Moore, Williams, Stevens, Frost, and other famous masters of the word, Donald Hall expressed his confidence in the high quality of contemporary poetry. What he says here appeals to me: "If we compile, say, an anthology of 400 pages or so of "American poetry after Lowell" and limit it to the men and women poets who were born between 1920 and 1940, it will be a varied collection of intelligent, beautiful, touching works which will last for years. And, mind you, it will include only a hundredth of one percent of what has been published. If you are writing on "the poetry of today," you have to admit that the greater part of what is being written is awful — the greater part of the poetry at any moment in time is awful." He came to the conclusion that in America, by the beginning of the 90s, the climate had become much more favorable for poetry than it was in the middle of the century. While university scholars keep theorizing, readers we don't even know about are coming together to make a great audience, which was Walt Whitman's dream.

Nearly a century and a half ago in his book of poems Leaves of Grass, Walt Whitman took the idea of the purifying qualities of nature to a cosmic level. He perceived every man, as well as every thing, against the backdrop of the infinite universe. As a brief encyclopedia article testifies, he expressed the feeling of kinship with all people and all phenomena in the world through the lyric hero's imaginative transformation into other people, and even into inanimate objects. And Robert Frost, whom we mentioned above, is still known as one of the first innovators at the beginning of modern American poetry. His poems about the breakdown of the rural world, once whole, about the tragic loss of a living, harmonious contact between man and nature, became a profound folk poetry in the stream of English-language classical and folk literature. Here [in this book] thoughtful readers will be surprised at the coincidence between the themes of Russian poetry and some of the poems written by young, contemporary Americans.

познает, оберегает и поэтически передает другим. Вечнозеленое дерево жизни ветвится со всех сторон, волнисто колышется над седой головой поэта. Читая дискуссионные статьи критиков, предполагаю, что Чарльз Итон разделяет позицию Дональда Холла: "Да здравствует поэзия!"

Литературный критик Джозеф Эстейн и поэт Дональд Холл в журнальном диалоге ("Диалог — США") анализировали процесс периодического ослабления интереса к поэзии, давали сравнительный анализ различных поэтических направлений, аудиторий, читающих поэзию в первой половине XX века и в последующие десятилетия. Затронуты многие аспекты творчества и движения его к читателям при перемене условий, интересов, способов популяризации.

Отдавая дань времени великой поэзии, таким индивидуальностям, как Мур, Уильямс, Стивенс, Фрост и другим наиболее известным художникам слова, Дональд Холл высказал уверенность в высоком качестве современной для него поэзии. Привлекает рассуждение: "Если составить, скажем, антологию страниц в 400 "Американской поэзии после Лоуэлла" и ограничить ее только теми поэтами и поэтессами, которые родились между 1920 и 1940 годами, то она может стать собранием разнообразных, умных, красивых, трогательных произведений, которые останутся на долгие годы. И заметьте, в нее войдет лишь одна сотая процента того, что публикуется. Если вы пишете о Поэзии Сейчас, то вы должны признать, что большая часть того, что создается, ужасно — большая часть поэзии в любой момент ужасна." Он сделал вывод: к началу 90-х годов в Америке появились куда более благоприятные климатические условия для поэзии, чем в середине века. И в то время, когда университетские специалисты теоретизируют, неизвестные читатели начинают собираться в великую аудиторию, о которой мечтал Уитмен.

Уолт Уитмен почти полтора столетия назад в книге стихов "Листья травы" расширил до космических пределов идею об очищающей человека близости к природе; любой человек и любая вещь у него восприняты на фоне бесконечной вселенной. По свидетельству краткой энциклопедии, чувство родства со всеми людьми и всеми явлениями мира поэт выражает посредством перевоплощения лирического героя в других людей и даже в неодушевленные предметы. А упомянутый Роберт Фрост был одним из первых, кто посвятил свои стихи ломке некогда цельного сельского мира. Эти стихи о трагической утрате живого гармонического контакта между человеком и природой стали глубоко народной лирикой в русле англоязычной классики и фольклора. Вдумчивый читатель и здесь найдет основания удивляться тематическим совпадениям с русской поэзией, с некоторыми стихами современных молодых американцев.

American literature has been well-known in Russia for a long time, especially prose, thanks to the publications of classic works translated by our famous masters. It is known not only to professionals, university graduates who have taken special lecture courses, scholars and teachers, but even to those of us who were school-children in the times before the "terrorizing" TV. Apparently, few of us now read American poetry systematically and enthusiastically. American poetry is not available here, and has stirred no deep interest as yet. I can't help being in agreement with the poet D. Hall, the author of this optimistic article: "We should not concern ourselves with the state of poetry, but with the way that poetry is received by the reading public. There is more poetry than ever — how does one find one's way in it? How does one find and then define the criteria for new, excellent work?"

Perhaps the abundance is confusing. Time will make the selection — shall we rely on that? Questions, questions. They can arise in any country, in any conversation between professionals. And in this sense our modest publication, presenting poets unfamiliar to Russian readers is of definite value, as it helps us to understand the universality of Nature, our continuing ties to the place where we were born and began to get to know our common human Home.

Throughout the whole book we can see a deeply felt mutual interest in certain poets, for instance, the admiration for the works by Sergey Esenin and Anna Akhmatova. It is good for the Russian reader to know about this. His ear was caressed by the musicality of his mother tongue, sweet combination of words arranged carefully and put together with wonderful rhymes, and he will be happy for those who speak and think in a different language. He will share his joy with those who will learn that our life's ideals come from Pushkin, Lermontov, Tyutchev, Nekrasov, Bunin and other national poets. These ideals have been tested by the life of our people. Freedom, kindness, compassion, mercy. This is the message of the genuine poets of the new generations. Working on the translation, it was not difficult to see that these ideals are clear to other poets, representatives of other cultures.

This poetry tells our readers that all peoples pass along the same complicated path toward spiritual identity and moral maturity. Spirituality is strengthened through song and dance, art and poetry, in everyday life, in relationships with other people. Poetry subtly helps everybody to attain a noble reason for being. We should not despair because we are beginning the new century with sad thoughts, worrying about those who do not read, those who can do without books, without poetry, without art — all of which helps us put our lives in order and advocates kindness and beauty — and about those who, under the influence of the

В России давно и хорошо знают американскую литературу, в особенности прозу по классическим изданиям в переводах известных мастеров. И не только профессионалы, выпускники университетов, прослушавшие специальные циклы лекций, ученые и педагоги, но даже дети — школьники тех лет, когда не нагрянуло еще "терроризирующее" телевиденье. Оказывается, американскую поэзию последовательным и увлеченным чтением постигают немногие. В нашей стране современную американскую поэзию издавали мало, поэтому не сформировался постоянный читательский интерес. Невольно соглашуюсь с поэтом Д.Холлом, автором оптимистической статьи: "Нас должно заботить не состояние поэзии, а то, как воспринимает поэзию читающая публика... Поэзии стало больше, чем когда-либо — как же ориентироваться? Как найти и определить новое прекрасное произведение?"

Возможно, изобилие сбивает с толку. Время произведет отбор — надеяться на это? Вопросы, вопросы. Они возможны в любой стране, в любом профессиональном разговоре. В этом смысле и наше скромное издание, представляющее не прочитанных русскими поэтов, имеет конкретную ценность, содействует пониманию всемирной Природы, постоянной связи с местом, где человек родился и начинает осознавать общечеловеческий Дом.

В произведениях данного издания у некоторых авторов чувствуется интерес к русской поэзии, к творчеству Сергея Есенина и Анны Ахматовой. Русскому читателю полезно об этом знать. Он, с колыбели обласканный материнской напевностью, благозвучным сочетанием слов в наилучшем порядке, соединенных чудодейственными рифмами, порадуется за говорящих и думающих на другом языке. Порадуется за тех, кто узнает, что мы принимаем идеалы жизни по наставлениям Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Бунина и других национальных поэтов. Эти идеалы испытаны народной жизнью. Свобода, добрые чувства, сострадание, милосердие. Проповедуют их истинные поэты новых поколений. При подготовке переводов не трудно было убедиться в том, что такие идеалы понятны другим поэтам, представителям других культур.

Поэзия сообщает нашим читателям: все народы проходят тот же сложный путь духовного становления, нравственного возрастания. Духовное самочувствие укрепляется в песнях и танцах, в искусстве и поэзии, в устройстве быта, в отношениях с другими людьми. Поэзия утонченно помогает каждому обрести благородный смысл существования. Не надо отчаиваться из-за того, что новый век начинаем с печальными думами в беспокойстве за нечитающих, за всех, кто обходится без книг, без поэзии, без жизнестроительного искусства, проповедующего добро и красоту, под влиянием убийственно-развлекатель-

fatally amusing TV, are sinking into global provinciality. Let people embrace "the holy gift" of the poets.

It is a well-known fact that plenty of things in art and poetry are conventional: the rhythmic meter of speech, the unusual turns of phrase with the metaphorical connotations of words, the symbols, signs, and allegories. It is not always possible to preserve the individual qualities of the author's style in translation, and to render accurately all the conventions in a sensitive way without deliberate interference, without any compromise for the sake of the wholeness of the content. The soul of the Russian reader is attuned in a special way. Considering that, the translators tried to preserve what is most important in every poem; still some stylistic, rhythmical changes proved inevitable as well as some deviations from the conventions of Russian grammar to preserve the authors' punctuation. After detailed discussions a decision was made not to subject the literal translations to a poetic rendering.

The editors bravely pin their hopes on the creative imagination of the readers, the inspiration of those who love poetry and are able to perceive, to understand things created in the context of a different language and culture. Let us remember Pushkin's lines: "As soon as the divine word Lights on the sensitive ear, The poet's soul will stir..." All who are able to respond to the miracle of poetry can become co-authors, if the unusual free-verse sent from abroad touches their souls, and invites their imaginations to take the path of poetry.

Mikhail Bazankov

ного телевиденья погружается в глобальный провинциализм. Пусть люди воспользуются "священным даром" поэтов.

Общеизвестно, что в искусстве поэзии многое условно: и ритмическая размеренность речи, и необычные обороты ее с метафорической наполненностью слов, и символы, и знаки, и аллегории. Не всегда удается при переводе сохранить особенность авторского стиля, все условное в поэзии передать деликатно, без нарочито субъективного вмешательства, без какого-либо компромисса ради полноты содержания. Душа русского читателя настроена на особый лад. Переводчики это учитывали, стараясь сохранить самое существенное в каждом стихе, но неизбежны были изменения стилевых, ритмических особенностей, отступления от правил родной грамматики ради соответствия авторской пунктуации. После обстоятельных согласований было принято решение не делать на основе уточненных подстрочныхников повторного поэтического перевода.

Редакторы смело надеются на творческое воображение читателей, на вдохновение любителей поэзии, способных воспринять, постичь созданное на другой языковой, культурной основе. Помните строки Пушкина: "Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется... / Душа поэта встрепенется..." Каждый способный воспринимать чудо поэзии может стать соавтором, если присланный издалека непривычный верлибр коснется души, позовет воображение на поэтическую дорогу.

Михаил Базанков

CONTRIBUTORS' BIOGRAPHIES

Kathy Cantley Ackerman was born in the Appalachian Mountains of West Virginia but grew up in northwestern Ohio. She has been a Carolinian since 1984. In 1991 she earned a Ph.D. in American literature and has taught English at community colleges and universities in both North and South Carolina. Her poems have appeared in Southern Poetry Review, Appalachian Heritage, Blue Violin, Nightsun, Buffalo Bones, and other literary magazines.

Susan Alff lives in Raleigh with her teenaged son, Ted. She was born in California and later lived in Connecticut and Maryland. She earned a bachelor's degree in journalism from the University of Maryland and worked in various editing positions in the Baltimore area before moving to North Carolina (NC). For the past ten years, she has worked at independent bookstores, currently at Quail Ridge Books in Raleigh. She has resumed writing poetry after a ten-year silence. Her poem won second place this year at the North Carolina State University's (NC State) Poetry Festival.

Annette Allen, Professor of Literature and Director of the Center for Women Writers at Salem College in Winston-Salem, previously taught at Achimota College in Ghana, at Southern Methodist University in Texas (TX), and at Rutgers University in New Jersey (NJ). Her poetry has appeared in such magazines as Southern Poetry Review, Poet Lore, and Boulevard. She received the Lee Kennedy Witte Award for her poetry collection Country of Light (1996), three state arts council awards for poetry, two National Endowment for the Humanities (NEH) summer fellowships, and the Dr. Clifford and Elizabeth Guy Award for her forthcoming book Forever Taking Leave.

Sam Barbee, a resident of Winston-Salem, has had poems published in such journals as Atlantis, Crucible, Asheville Poetry Review, Potato Eyes, Wellspring, Georgia Journal, St. Andrews Review, Charlotte Poetry Review, and Negative Capability. In 1991 he received the North Carolina Poetry Society's (NCPS) 59th Poet Laureate Award. He has been a featured poet on the NC Public Radio Station WFDD, and he received an Emerging Artist's Grant from the Winston-Salem Arts Council in 1994. His first collection, Changes of Venue (Mount Olive Press), was published in 1997. In 1999, he was the highlighted poet in Independence Boulevard in Charlotte.

БИОГРАФИИ, ПИСАТЕЛЕЙ, ВНЕСШИХ СВОЙ ВКЛАД В СОЗДАНИЕ АНТОЛОГИИ

Кэти Кэнтли Аккерман родилась в Аппалахах в Западной Вирджинии, но выросла на Северо-западе штата Огайо. Она живет в Северной Каролине с 1984 года. В 1991 году она получила степень доктора в области американской литературы и после этого она преподавала английский в колледжах, и университетах как Северной, так и Южной Каролины. Ее стихи были напечатаны в поэтических журналах: "Южное Поэтическое Обозрение", "Наследие Аппалач", "Голубая Скрипка", "Ночное солнце", "Кости буйвола" и в других, литературных журналах.

Сьюзан Альф живет в Роли с сыном-подростком, которого зовут Тэд. Она родилась в Калифорнии, затем жила в штатах Коннектикут и Мэриленд. Она получила степень бакалавра журналистики в университете штата Мэриленд, и до переезда в Северную Каролину работала редактором в Балтиморе. В течение последних 10 лет она работала в независимых книжных магазинах, в настоящее время она работает в Квайл Ридж Букс (Quail Ridge Books). После 10-летнего молчания она снова вернулась к поэтическому творчеству. В этом, году на поэтическом фестивале университета Северной Каролины в Роли ее стихотворение было удостоено второй премии.

Аннет Аллен - является профессором литературы и директором центра женщин-писательниц в колледже Сэлем в Винстон-Сэлем. До этого она преподавала в колледже Ахимото в Гане, в Южно-методистском университете в Техасе и в университете Ратгерс в Нью Джерси. Ее стихи были опубликованы в таких журналах как "Южное Поэтическое обозрение", "Мудрость поэтов", и "Бульвар". Она получила награду "Lee Kennedy Witte" за поэтический сборник "Страна света" в 1996 году, 3 награды совета художеств штата, 2 награды от Национального Фонда Развития Гуманитарных Наук и награду имени доктора Клиффорда и Елизаветы Гай за книгу "Вечно уходящая", которая скоро выйдет из печати.

Сэм Барби - житель города Винстон-Сэлем. Его стихи были опубликованы, в таких, журналах, как "Атлантида", "Тигель", "Ашевиль Поэти Ревью" (Asheville Poetry Review), "Глазки картофеля", "Источник", "Джорджа Джорнал(Georgia Jornal), "Сент Андрюз Ревью" (St. Andeews Review), "Шарлотт Поэти Ревью" (Charlotte Poetry Review) и в журнале "Отрицательные способности". В 1991 году он получил награду поэтического общества Северной Каролины "59-ый поэт-лауреат". Он выступал со своими стихами на радиостанции WFDD, а в 1994 году от совета художеств Винстон-Сэлема он получил грант, которым награждаются подающие надежды писатели. Его первый сборник "Перемены мест" был опубликован в 1997 году в "Маунт Олив Пресс" (Mount Olive Press). В 1999 году его произведения наиболее часто появлялись в литературном журнале "Бульвар Независимости" в Шарлотт.

Katherine Russell Barnes, a lifelong resident of North Carolina, is a retired obstetrical nurse whose work experiences are often reflected in her poems. She had been writing poetry for thirty years and has been published in Crucible, Pembroke Magazine, Weymouth Anthology, Wellspring, Dragonfly, and other literary magazines.

Joseph Bathanti, born in Pittsburgh, Pennsylvania (PA), moved to North Carolina to teach in the NC prison system. Since 1990, he has taught English and served as Writer-in-Residence at Mitchell Community College in Statesville, NC, where he lives with his wife and two sons. He is the author of four books of poetry: Communion Partners; Anson County; The Feast of All Saints; and This Metal, which won the 1997 Oscar Arnold Young Award for best book of poetry by a North Carolina writer.

Jeffery Beam, a native North Carolinian and a botanical librarian, is also poetry editor of the literary journal Oyster Boy Review. His books include The Fountain, Visions of Dame Kind, and An Elizabethan Bestiary. His work has appeared in Yellow Silk, a special feature in Hummingbird, and Asheville Poetry, NC Literary, and Harvard Gay & Lesbian reviews and been included in Duke University's Rainbow Oral History Project and University of North Carolina-Chapel Hill's (UNC-Chapel Hill) North Carolina Writers Collection. He has exhibited poems at the Duke Museum of Art and the NC Zoo and has received grants from the Orange Arts Council Emerging Artist and the Mary Duke Biddle Foundation.

Charles Blackburn, Jr., is a writer and editor for Sigma Xi, The Scientific Research Society. He has worked for newspapers in Wadesboro, Raeford, Henderson, and Washington, NC, and also edited a weekly newspaper in Lavonia, Georgia (GA). For nine years he was a medical newsriter for Duke University. The winner of Crucible's 1997 Sam Ragan Poetry Prize, he was also the recipient of a 1998 North Carolina Arts Council (NCAC) literary fellowship. He lives in Raleigh with his wife and daughter.

Paula Blackwell is a North Carolina poet living in Durham.

Susan Broili, a reporter for the Chapel Hill Herald, where she primarily covers crime and art, lives in Durham. She has hosted Russian writers and visited Kostroma, Russia, with the Sister Cities of Durham exchanges. In 1992 she covered a special appearance in Moscow of the American Dance Festival. Her articles on Kostroma's artistic community have appeared in the Durham Herald Sun, and her articles on Durham's artistic community have appeared in Literary Kostroma. She has published poetry, fiction, and non-fiction in such publications as Living Culture in Durham, Watering the Roots in a Democracy, Journey Proud: Southern Women's Personal Writings, Dance Magazine, and The Welcome.

Катрин Рассел Барнс, всю свою жизнь живущая в Северной Каролине, медсестра с акушерской специализацией на пенсии. Она пишет стихи 30 лет, и ее опыт работы часто находит отражение в стихах. Ее стихи напечатаны в "Тигле", "Пембрук Мэгэйн" (Pembroke Magazine), "Веймут Антолоджи" (Weymouth Anthology), "Источнике", "Стрекозе" и других литературных журналах.

Джозеф Батанти родился в Питтсбурге, штат Пенсильвания. В Северную Каролину он приехал, чтобы преподавать в школах при тюрьмах. С 1990 года он преподает английский язык, а также работает как писатель-профессор в колледже Митчел Комьюнити в Стейтсвилле, где он и живет с женой и двумя сыновьями. Он является автором 4-х поэтических сборников "Единоверцы", "Графство Энсон", "Праздник всех святых" и "Этот металл". Последняя книга была удостоена награды имени Оскара Арнольда Янга за лучшую книгу стихов.

Джеффери Бим - уроженец Северной Каролины. Он работает библиотекарем по книгам о ботанике, а также является поэтическим редактором литературного журнала "Обозрение Устричная Бухта". Им написаны такие книги как "Фонтан", "Предвидения госпожи Доброты", "Зоологическая энциклопедия" - книга в средневековом жанре, описывающая животных, предназначением которой было развлекать людей и преподавать им уроки морали. Стихи Джейффири Бим печатались в литературных журналах. "Желтый Шелк", "Колибри", где ему было уделено особое внимание, "Ашвиль Поэтический Ревю" (Asheville Poetry Review), "Северная Каролина: Литературное обозрение", в журнале "Гавард Гэй энд Лесбиан" (Harvard Gay & Lesbian Review) и были включены в сборник Университета Дюка "Рейнбоу Орал Хистори Проджект" (Rainbow Oral History Project) и в сборник университета Северной Каролины в Чапел-Хилл "Писатели Северной Каролины". Его стихи о фантастических животных выставлялись в художественном музее Дюка, в зоопарке Северной Каролины. Он получил гранты от Совета художеств округа Оранж как подающий надежды поэт и от фонда "Мэри Дюк Биддл".

Чарльз Блэкберн, младший - писатель и редактор научно-исследовательского общества "Сигма Хи" (Sigma Xi). Он работал в издательствах газет в городах Уэйдсборо, Раффорд, Хендerson и Вашингтон в Северной Каролине, а также редактировал еженедельную газету в Лавонии, штат Джорджия. В течение 9 лет он писал сообщения из области медицины для Университета Дюка. В 1997 году Ч.Блэкберн стал лауреатом, награды имени Сэма Рэгана от литературного журнала "Тигель", а в 1998 году он получил литературный грант Совета художеств Северной Каролины. Ч.Блэкберн живет в Роли с женой и дочерью.

Паула Блэквелл - поэтесса, живущая в Дареме, штат Северная Каролина.

Сьюзан Бройли - корреспондент "Чапел Хилл Гералд", где она в основном пишет об искусстве и преступлениях, живет в Дареме. Она принимала у себя русских писателей и приезжала в Кострому по программе обмена между городами-побратимами. В 1992 году она освещала в Москве Фестиваль Американского Танца. Ее статьи о художественном мире Костромы были опубликованы в Даремской газете "Гералд Сан", а статьи о Даремском мире искусства были напечатаны в газете "Литературная Кострома". Сьюзан Бройли печатала свои стихи, художественные произведения и публицистические заметки, очерки в таких изданиях как "Живая культура Дарема", "Орошая корни демократии", "Радостный путь: Произведения женщин Юга", "Журнал Танца" и "Приветствие".

Sally Buckner, of Raleigh, has divided her professional life between teaching and writing. She has taught at every level from kindergarten through graduate school and was recently named Professor Emerita at Peace College. A former journalist, she has published poetry, fiction, drama, and non-fiction. Her poetry collection Strawberry Harvest appeared in 1986. She edited two anthologies: Our Words, Our Ways: Reading and Writing in North Carolina and Word and Witness: 100 Years of North Carolina Poetry. For her contributions to North Carolina literature, she received both the Sam Ragan Award (1993) and the R. Hunt Parker Award (1999).

Elizabeth Burgess taught school in Germany, Japan, and California, as well as in North Carolina. She is a wreath maker and owner of Wreaths of Carolina in Asheboro, NC. Her poems have appeared in North Carolina Poetry Society's 60th Year Anthology Here's to the Land, in NCPS's Award Winning Poems, 1993, and in Writers Ink Anthology of Regional Poets, A Time to Listen. Her short stories have appeared in The Book of American Traditions, 1996, and the Mount Olive College Press Anthology Travel and Film. She is currently at work on a novel.

Ann Campanella was selected for the Blumenthal Readers and Writers Series in 2000. She won the 1999 Poet Laureate Award from NCPS. Her collection Outrunning the Rain is forthcoming from Mount Olive College Press. To combat violence in schools, she helped found the Beat Swords into Ploughshares Student Writing Competition. A full-time writer, she has lived in the Panama Canal Zone, Florida, and Texas. She now lives on a small farm in Huntersville, NC, with her husband, horse, and three cats.

Jim Clark was born in Byrdstown, Tennessee (TN), and educated at Vanderbilt University, UNC-Greensboro, and the University of Denver. He has published two books of poems, Dancing on Canaan's Ruins and Handiwork. He has been a scholar at the Bread Loaf Writers Conference, and his poems and stories have appeared in The Georgia Review, Prairie Schooner, Southern Poetry Review, and The Denver Quarterly. Presently, he lives in Wilson, NC, where he is Writer-in-Residence at Barton College, director of the Barton College Creative Writing Symposium, and an editor of the literary journal Crucible.

W.E.Cockrell, III, of Chapel Hill, has written poetry for several of his 52 years and has begun to publish in literary magazines. He is the author of two chapbooks, My Opal Eye and Blue Odyssey, and the editor of the North Carolina Poetry Society's newsletter. A U.S. Marine from 1966-70, he served in Vietnam (1967-68), attended college on the GI Bill, and graduated from UNC-Chapel Hill with a master's degree in Health Administration in 1975. He works in research administration at a large medical center in Durham.

Салли Бакнер, живущая в Роли, поделила свою профессиональную жизнь между преподаванием и писательской деятельностью. Она преподавала на всех уровнях, начиная с детского сада до аспирантуры и недавно получила звание "Профессор Emerita" - профессор в отставке от колледжа Пис. Бывший журналист, она опубликовала стихи, художественные произведения, драму, публицистику. Ее поэтический сборник "Урожай клубники" вышел в 1986 году. Она редактировала 2 антологии "Наши слова, наши дороги: Читатели и писатели Северной Каролины" и "Слово и свидетельство: 100 лет поэзии Северной Каролины". За ее вклад в литературу Северной Каролины в 1993 году она получила награду имени Сэма Рэгана, а в 1999 году - имени Р.Хант Паркер.

Элизабет Бургесс преподавала в школе в Германии, Японии, Калифорнии и Северной Каролине. Сейчас она занимается изготовлением венков и является владелицей компании по изготовлению венков в Ашборо (Северная Каролина). Ее стихи вошли в антологию, посвященную 60-летию поэтического общества Северной Каролины "За землю...", в сборнике поэтического общества Северной Каролины, в публикации "Стихи, получившие награды" в 1993 году, в антологии региональных поэтов общества "Писательские чернила" под названием "Время слушать". Ее короткие рассказы вошли в "Книгу американских традиций" в 1996 году и в антологию издательства Маунт Олив Колледж Пресс (Mount Olive College Press) "Путешествия и Кино". В настоящее время она работает над романом.

Энн Кампанелла. Ее стихи были выбраны в 2000 году для серии тура поэтических чтений "Читатели и писатели Блументаля. В 1999 году она стала лауреатом награды поэтического общества Северной Каролины. Ее сборник "Наперегонки с дождем" выходит издавательстве Маунт Олив Колледж Пресс (Mount Olive College Press). Чтобы противостоять насилию в школах, она помогла организовать литературный конкурс для школьников "Перекус мечи на лемехи". Будучи профессиональным писателем, она жила в зоне Панамского Канала, Флориде и Техасе. Сейчас она с мужем живет на маленькой ферме в Хантерсвилле. У них есть лошадь и 3 кошки.

Джим Кларк родился в Бёрдстауне, Теннесси и получил образование в университете Вандербилт, университете Северной Каролины в Грингборо и в университете в Денвере. Он опубликовал 2 книги стихов: "Танцуя на развалинах Земли обетованной" и "Ручная работа". Он выступал как ученик на писательской конференции "Хлебный каравай", а его стихи и рассказы появились в журналах "Джорджия Ревью" (The Georgia Review), "Шхуна прерий", "Южное Поэтическое Обозрение" и "Денвер Квартерли" (The Denver Quarterly). В настоящее время он живет в Вилсоне, в Северной Каролине, преподает литературное творчество в колледже Бартон, является директором Симпозиума "Письменное творчество" в колледже Бартон, а также является редактором литературного журнала "Тигель".

Б.И. Кокрелл, III - живет в Чапел Хилл. Ему 52 года; уже несколько лет он пишет стихи и начал публиковаться в литературных журналах. Он является автором 2-х книжек: "Опаловый глаз" и "Голубая Одиссея" и редактором вестника поэтического общества Северной Каролины. В 1966-70 годах он проходил военную службу в морской пехоте США. В 1967-68 годах он служил во Вьетнаме. Он получил высшее образование по солдатским льготам, закончив в 1975 году университет по специальности администратора здравоохранения. Сейчас он работает администратором в исследовательском отделе большого медицинского центра в Дареме.

Mary Alice Countess has a degree in English from the University of North Carolina-Chapel Hill. As the wife of a former Air Force Sergeant, she has lived in North and South Carolina, Texas, and the Canal Zone (Panama), raising four children and teaching in the primary grades for twelve years. She and her husband have now retired to forty acres of Piedmont land.

Thomas Rain Crow, poet, translator, editor, publisher (New Native Press), and record producer (Fern Hill Records), is the author of seven books of poetry, four books of translation, an anthology, two recordings, the editor of Beatitude magazine and books, and founding Director of the San Francisco International Poetry Festival in the 1970's Second San Francisco Renaissance. His work on behalf of issues of Native American rights, the environment, and First-amendment rights in the arts has taken him to live in many places in the U.S. and abroad. He currently lives in the NC mountains and tours with his poetry and music band, The Boatrockers.

gerry dawson was born in 1955 on Long Island, New York (NY). As a teenager he began playing and writing songs. Poems soon followed. A collection titled The Baby Boom Blues (Peloria Press) appeared in the early 1980s. Individual poems have been published by various small press publications across the USA. He is also active in the visual arts of drawing, painting, and block printing.

Ellie Depew was born and educated in Missouri, has lived in Michigan, and now lives in North Carolina, where she is a freelance writer and a Spanish teacher. She received the Time-Warner Star Teacher Award for the year 2000 and has been awarded the "Pass It On" Literacy Award by the NC chapter of the Daughters of the American Revolution (DAR). She was also recognized for her work in developing literacy at the Continental Congress of the DAR in Washington, DC, in April, 2000.

Margaret Divish is a physician living in Charlotte, NC. She was born in New Jersey and has lived in Indiana (IN); New York (NY); Baltimore, Maryland (MD); Washington, DC; and Charlottesvile, Virginia (VA). Her home in Charlotte is the first one in which she has had a study, and she writes there every morning. "Demeter Writes Back to Persephone" is her second poem accepted for publication.

Deborah H. Doolittle was born in Hartford, Connecticut (CT), in 1956, and besides North Carolina, has lived in Arizona, California, Kentucky, Maryland, Texas, Virginia, and Wisconsin, as well as in England and Japan. She currently teaches writing at Coastal Carolina Community College. Married to an officer in the U.S. Marine Corps (we knew there was some reason for all those moves!), she lives on the New River with their two children and two cats. Her poems have appeared in The Bear Deluxe, Blue Violin, Edge City Review, Red Owl Magazine, and Yemassee.

Мэри Элис Каунтес имеет степень по английской литературе, которую она получила в университете Северной Каролины в Чапел Хилл. Будучи женой бывшего сержанта военно-воздушных сил, она жила в Северной и Южной Каролине, Техасе, в зоне Панамского канала, воспитывая 4-х детей, и в течение 12 лет она преподавала в начальных классах. Сейчас она с мужем на пенсии и живет в Пидмонте на земельном участке в 40 акров.

Томас Рейн Кро - поэт, переводчик, редактор, издатель "Нью Нейтив Пресс", музыкальный продюсер "Ферн Хилл Рекордз". Он является автором 7 поэтических книг, 4-х книг переводов, антологии, 2-х записей, редактором книг и журнала "Блаженство" и директором-основателем международного поэтического фестиваля в Сан-Франциско в 70-е годы, во время Ренессанса Сан-Франциско. Его работа по вопросам прав коренных американцев - индейцев, окружающей среды, свободе слова в искусстве вынуждала его жить в разных местах США и за границей. В настоящее время он живет в горах Северной Каролины и совершает турне со своим поэтическим, музыкальным оркестром "Боутрокеры" (Boatrockers).

Джерри досон родился в 1955 году недалеко от Нью-Йорка. Подростком, он начал исполнять и писать песни. Скоро за этим последовали стихи. Сборник, озаглавленный "Тоска моего поколения" (Пелория Пресс) появился вначале 80-х. Отдельные стихи были опубликованы различными маленькими издательствами во многих штатах. досон также активно рисует, пишет маслом, занимается ксилографией.

Элли Депью родилась и получила образование в штате Миссури, жила в штате Мичиган, а сейчас живет в Северной Каролине, где она является писательницей, не связанный ни с какой определенной редакцией. Она также преподает испанский язык. В 2000 году как учитель она была удостоена награды "Тайм Ворнер Стар" (Time Warner Star), и получила литературную премию "Передай дальше" отделения организации "Дочери Американской Революции". Она также была отмечена за работу по ликвидации неграмотности в апреле 2000 года на Континентальном Конгрессе "Дочерей Американской Революции", состоявшемся в Вашингтоне.

Маргарет Дивиш - врач по профессии, живет в Шарлотт, Северная Каролина. Она родилась в штате Нью Джерси, жила в Индиане, Нью-Йорке, Балтиморе (штат Мэриленд), Вашингтоне, Шарлоттсвилле (штат Вирджиния). Ее дом в Шарлотт - это первый дом, где у нее появился кабинет, и она работает там каждое утро. "Диметра письменно отвечает Персифоне" - ее вторая поэма, принятая к публикации.

Дебора Х. Дулитл родилась в Хартфорде, штат Коннектикут, в 1956. Кроме Северной Каролины она жила в Аризоне, Калифорнии, Кентукки, Мэриленде, Техасе, Вирджинии, Висконсине, а также в Англии и Японии. В настоящее время она ведет писательский класс в колледже Коустал Каролайна Комьюнити Колледж. Она замужем за офицером морской пехоты США (в этом и крылась причина всех этих переездов). Сейчас она с мужем живут на берегу реки Нью с 2-мя детьми и 2-мя кошками. Ее стихи были напечатаны в "Bear Deluxe", "Голубой скрипке", "Эдж Сити Ревью" (Edge City Review), журнале "Красная сова" и "Емасси" (Yemassee).

Charles Edward Eaton, the author of fifteen collections of poetry, four volumes of short stories, a novel, and a book of art criticism, was born in Winston-Salem, NC. Educated at UNC-Chapel Hill, Princeton, and Harvard, he has taught in Puerto Rico, the universities of Missouri and North Carolina, and was for four years vice consul in the American Embassy in Brazil. After some years in Connecticut, he now lives in Chapel Hill. His numerous awards, national and international, include the North Carolina Award in Literature, the state's highest award, presented to him by the governor in 1988.

Elon G. Eidenier grew up in the village of Arcade in western New York State. He graduated from Lycoming College in Pennsylvania and attended Duke Divinity School in Durham, NC, and The Clarmont School of Theology in California. He now lives in Hillsborough, NC, and is in charge of the Gothic Bookshop at Duke University. He serves as a member of the Board of Directors of the South Eastern Booksellers Association. He is the author of Sonnets to Eurydice and his work has appeared in numerous journals, including The Virginia Quarterly Review.

Rebecca J. Finch, a native of North Carolina, lives with her husband, a potter, on a blueberry farm. She works as a public librarian and also supervises in vitro propagation for the family plant nursery business. Her poetry has been published in magazines and anthologies including Crucible, Tar River Poetry, Wellspring, and Here's to the Land. She serves on the board of the Poetry Council of North Carolina and currently edits Bay Leaves, the Council's annual publication of award-winning poems.

Keith Flynn lives in Marshall, NC, and studied at Mars Hill College and UNC-Asheville, where he won the Sandburg Prize for Poetry in 1985. He is the founder and managing editor of The Asheville Poetry Review. His poetry has appeared in many journals, including Word and Witness: 100 Years of North Carolina Poetry, The Cuirt Journal (Ireland), Poetry Wales, and The Southern Poetry Review. He has published three collections of his poems: The Talking Drum (1991), The Book of Monsters (1994), and The Lost Sea, (2000). As lyricist and lead singer for the rock band The Crystal Zoo, he appears on their three music albums.

Janice Moore Fuller, a North Carolina native, is Professor of English at Catawba College in Salisbury, NC. She has published a chapbook and poems and essays in numerous journals. Her poetry has been honored by NC State, the Southern Women's Conference, the North Carolina Arts Council (NCAC), and the Blumenthal Writers and Readers. She has been a fellow at Virginia Center for the Creative Arts and at Vermont Studio Center. Educated at Duke University and UNC-Greensboro, she has studied in Ireland and at the University of London and has taught poetry workshops at Ty Newydd in Wales.

Чарльз Эдвард Итон - автор 15 поэтических сборников, 4-х томов коротких рассказов, романа, книги рецензий по искусству, родился в Винстон-Сэлем, Северная Каролина. Получив образование в университете Северной Каролины в Чапел Хилл, Принстоне и Гарварде, он преподавал в Пурто-Рико, университетах, штатов Миссури и Северной Каролины, 4 года работал вице-консулом, в американском, посольстве в Бразилии. Несколько лет он жил в штате Коннектикут, а сейчас живет в Чапел Хилл. Его многочисленные награды, национальные и международные, включают награду Северной Каролины в области литературы, самую высокую награду штата, врученную ему губернатором в 1988 году.

Элон Г. Эйденир - вопрос в городке Аркейд на западе штата Нью-Йорк. Окончив колледж Ликоминг в Пенсильвании, он обучался в школе Богословия университета Дюка в Дареме в Северной Каролине и в школе теологии в Клермонте, в Калифорнии. Сейчас он живет в Хиллсборо в Северной Каролине и является заведующим книжного магазина "Готик" при университете Дюка. Он является членом совета директоров ассоциации книготорговцев Юго-Востока. Он автор книги "Сонеты посвященные Эвридике". Его работы опубликованы в различных журналах, включая "Вирджиния Квотерли Ревью" (The Virginia Quarterly Review).

Ребекка Дж. Финч родилась в Северной Каролине и живет со своим мужем - гончаром на черничной ферме. Она работает библиотекарем в публичной библиотеке и возглавляет семейный бизнес по разведению посадочного материала для выращивания черники. Ее поэтические произведения опубликованы в журналах, и антологиях, включая "Тигель", "Тар Ривер Поэтри" (Tar River Poetry), "Источник" и "За землю...". Она входит в правление поэтического совета Северной Каролины и в настоящее время руководит изданием "Лавровые листья" - ежегодной публикацией стихотворений, отмеченных наградами поэтического совета.

Кит Флин живет в mestечке Маршалл, Северная Каролина. Он получил образование в колледже Марс Хилл и университете Северной Каролины в г.Ашвилле, где он получил премию Сэндбурга в области поэзии в 1985 году. Он является основателем и главным редактором журнала "Ашвилль Поэти Ревью" (The Asheville Poetry Review). Его поэтические произведения напечатаны во многих журналах, включая и "Слово и свидетельство: 100 лет поэзии Северной Каролины", "Квирт Джорнал" (The Cuir Journal) - Ирландия, "Поэтический Уэльс", "Южное Поэтическое Обозрение" (The Southern Poetry Review). Он опубликовал 3 сборника стихов: "Говорящий барабан" в 1991 году, "Книга чудовищ" в 1994 году и "Затерянное море" в 2000 году. Как сочинитель текстов и ведущий певец рок-группы "Хрустальный Зоопарк" он выступает в трех музыкальных альбомах этой группы.

Джэнис Мур Фуллер, уроженка Северной Каролины, является профессором английской литературы в Салисбери в колледже Катауба, штат Северная Каролина. Она публиковала стихи и эссе в многочисленных журналах. Ее поэтическое творчество было высоко оценено правительством, штата Северная Каролина, конференцией женщин Юга, Советом художеств Северной Каролины (NC AC), организацией "Читатели и писатели Блументаля". Она получила стипендию на работу в центре творчества в Вирджинии и студийном центре в Вермонте. Получив образование в Университете Дюк и в Университете Северной Каролины в Грингсборо, она также училась в Ирландии и в Лондонском Университете и вела классы в поэтических мастерских в Ти Ньювите (Ty Newydd) в Уэльсе.

Carrie Gerstman, also known as Inanna, recently completed work on her second album, Extreme of Consciousness, a cosmicomical expedition which integrates poetry with electronic music. She has performed her works at festivals and coffeehouses throughout the region and is also a performance poetry competition winner. She lives in Asheville, NC, with her husband and their infant daughter.

Becky Gould Gibson teaches literature and writing at Guilford College in Greensboro, NC. She has published poems in numerous journals, including EMRYS Journal, St. Andrews Review, Pembroke Magazine, Southern Poetry Review, Hiram Poetry Review, Blue Unicorn, Iris: A Journal about Women, and Feminist Studies. She is the author of two award-winning chapbooks of poems, Off-Road Meditations (NC Writer's Network (NCWN), 1989, Holding Ground (White Eagle Coffee Store Press, 1996), and one full-length volume, First Life (Emrys Press, 1997).

Coppie Green works throughout North Carolina as a teaching poet. Her poems have been published in TriQuarterly, the Greensboro Review, permafrost, and other journals. Her books include Horse Turning (Felix Press) and The Southern Outcasts, (Moonlight Publications). Her songs as a lyricist in collaboration with composer Sean Egan have been performed at the NC Museum of Art. A former resident of interior Alaska, she once watched the sunset part the snow long enough to light up Denali and the white mane of the horse she was riding, whose name was Galaxy.

Lou Green was born in Oklahoma in 1944 of Native American (Cherokee) ancestry. She has lived in North Carolina for 37 years, and currently lives in Davidson. An abstract painter herself, she has been a curator for a contemporary fine art gallery, an account executive for an advertising agency, and a teacher. As part of a NEH and White House Millennium Council, she recently taught students at Gaston College to find their family's place in American history and to write about it. Her poems and essays have been published in newspapers and numerous literary journals most recently in The Southern Review.

Kathryn Bright Gurkin is the author of three books of poetry: Rorschach (1977), Terra Amata (1980), Stainless Steel Soprano (1990). She has been nominated for the Pulitzer Prize and received the Sam Ragan Award for Service to the Fine Arts, the St. Andrews Poetry Prize, and both the Ragan Poetry Prize and the Crucible Poetry Prize. Her poetry and prose appear widely in both the literary and popular press. She lives in Winterville, NC.

Кэрри Герстман, известная также как Инанина, недавно закончила работу над своим вторым альбомом "Крайности Сознания", космически-комическим произведением, интегрирующим поэзию с электронной музыкой. Она представляла свои произведения на фестивалях и в поэтических кафе по всему региону, также она является победителем драматического поэтического конкурса. Она живет в Ашвиле, Северная Каролина с мужем и маленькой дочерью.

Бэки Гоулд Гибсон преподает литературу и писательское мастерство композицию в колледже Гилфорд в Гринсборо. Ее поэзия опубликована в многочисленных, журналах., включая "Эмрис Джорнал" (EMRYS Journal), "Сайнт Эндрюс Ревью" (St. Andrew's Review), "Пемброк Мэгэйн" (Pembroke Magazine), "Южное поэтическое обозрение", "Хайрам Поэти Ревью" (Hiram Poetry Review), "Голубой Единорог", в "Ирис: журнал о женщинах" и в журнале "Изучение феминизма". Она является автором двух поэтических сборников, удостоившихся наград. Это - "Размышления на тернистом пути", изданный писательской ассоциацией Северной Каролины в 1989 году и "Удерживая позиции" в 1996 году - издательство "Вайт Игл Кофи Стор Пресс". Она также является автором полновесного тома "Первая жизнь" - издательство "Эмрис Пресс", 1997 год.

Коппи Грин работает по всему штату Северная Каролина в качестве поэта, обучающего поэтическому мастерству. Ее стихи опубликованы в "Три квотерли" (TriQuarterly), "Гринсборо Ревью" (Greensboro Review), "вечная мерзлота" и в других журналах. Ее книги, включают "Конь поворачивает" - издательство "Феликс Пресс", "Изгнанники Юга" - издательство "Лунные издания". Ее лирические песни в содружестве с композитором Шоном Иганом исполнялись в художественном музее Северной Каролины. Раньше она жила на Аляске, и однажды наблюдала, как закат разорвал снежную пелену на время, достаточное, чтобы высветить Динали и белую гриву лошади, на которой она скакала, имя которой было Галактика.

Лу Грин родилась в Оклахоме в 1944, ее предками были коренные американцы из племени Чироки. Она прожила в Северной Каролине 37 лет, и в настоящее время живет в Дэвидсоне. Будучи художником-абстракционистом, она являлась куратором галерей современного искусства, главным администратором рекламного агентства и преподавателем. Являясь членом Федерального фонда развития искусств Америки и совета Белого Дома по празднованию тысячелетия, она совсем недавно вела писательский курс в колледже Гастон по изучению истории семей студентов в контексте истории Америки. Ее стихи и эссе опубликованы в газетах, и многочисленных, литературных журналах, и совсем недавно они появились в "Южном обозрении".

Кэтрин Брайт Геркин - автор трех поэтических, книг: "Роршак" (Roschach), 1977 год, "Терра Амата" (Terra Amata), 1980 год и "Сопрано нержавеющей стали" (Stainless Steel Soprano), 1990 год. Она выдвигалась на соискание премии Пулцера и получила награду Сэма Рэгана за заслуги в области искусств, награду "Поэтический приз Сент Андрюз" (The St. Andrews Poet Prize), а также награды журнала "Тигель" и "Поэтический приз Рэгана". Ее поэзия и проза широко публикуется как в литературной, так и в популярной прессе. Она живет в Винтервилле, штат Северная Каролина.

K. Culley Holderfield is an office manager by day and a writer by early morning. His story "In Search of Freedom" appeared in Wildfire Magazine, and another story is forthcoming in Lonzie's Fried Chicken Literary Magazine. His nonfiction has appeared in a variety of publications. He lives in Asheville surrounded by the mountains where he and his wife frequently hike for inspiration, relaxation, and rejuvenation.

Irene Blair Honeycutt, born in Jacksonville, Florida, now lives in Charlotte and teaches creative writing at Central Piedmont Community College where she was named a Teacher of the Year for Teaching Excellence. Her poems have been published in numerous journals, including Southern Poetry Review, Nimrod, and Pembroke Magazine. Her poetry book It Comes As a Dark Surprise won Sandstone Publishing's Regional Poetry Contest in 1992. She enjoys traveling, hiking, and retreating to her mountain cabin on Jonas Ridge in the NC mountains.

H. Perry Horton is a North Carolina poet living in Chapel Hill.

Earl Carlton Huband, a graduate of UNC-Chapel Hill, lived for twenty years in Boston before returning to North Carolina in 1999. He prefers to write in traditional forms or regular syllabics, especially the nine-syllable line. His current project is a book of poems based upon his Peace Corps Volunteer experiences in the Sultanate of Oman from 1975 to 1978. In recent years his poems have appeared in America, Piedmont Literary Review, Coastal Plains Poetry, The Lyric, Wellspring, RiverRun, Candelabrum (England), and the 1997 Anthology of Magazine Verse and Yearbook of American Poetry.

Betsy Humphreys grew up in Pittsburgh, Pennsylvania (PA), but now lives in Granite Falls near the Blue Ridge Mountains of North Carolina. She has written for travel, business, education, and literary publications for eighteen years. "Thin Places" was inspired by a family camping trip to Pog Lake, about 200 miles north of Toronto, Canada.

Stephen Knauth was born in Milwaukee, Wisconsin (WI), and raised in Buffalo, NY, and Pittsburgh, PA. A senior writer for a software firm in Charlotte, he has lived in North Carolina since graduating from Ohio University in 1972. His poems have appeared in many national publications, including North American Review, Pacific Review, and Virginia Quarterly Review. He has held two fellowships from the National Endowment for the Arts (NEA) and two creative writing grants from the North Carolina Arts Council. He is the author of five poetry collections, the most recent being The River I Know You By (Four Way Books).

К. Калли Холдерфилд является директором офиса днем и писателем рано утром. Его рассказ "В поисках свободы" появился в "Вайлдфайр Мэгэзин" (Wildfire Magazine), еще один рассказ вскоре выйдет в литературном журнале "Лонзиз Фрайд Чикен" (Lonzie's Fried Chicken). Его публистика печаталась в различных изданиях. Он живет в Ашвилле в окружении гор, он и его жена часто путешествуют по горам пешком, находя в них, вдохновение, отдох, источник омоложения.

Айрин Блэр Ханикэтт, родившаяся в Джексонвилле, штат Флорида, сейчас живет в Шарлотте и ведет курс писательского мастерства в Сентрал Пидмонт Коммюнити Колледж (Central Piedmont Community College), где ей присудили звание лучшего преподавателя года. Ее стихи были опубликованы в многочисленных журналах, включая "Южное Поэтическое Обозрение", "Нимрод" (Nimrod) и "Пембрук Мэгэзин" (Pembroke Magazine). Ее книга стихов "Печальное озарение" (It Comes As a Dark Surprise) была признана лучшей на региональном, поэтическом конкурсе издательства "Сэндстоун Пресс" в 1992 году (Sandstone Publishing's Regional Poetry Contest). Она любит путешествия, пешие прогулки и уединение в своем домике в горах Северной Каролины, на хребте Иона.

Х. Перри Хортон - поэт, проживающий в Чапел Хилл, Северная Каролина.

Эрл Карлтон Хабэнд - выпускник университета Северной Каролины в Чапел Хилл, прожил 20 лет в Бостоне, прежде чем вернулся в Северную Каролину в 1999 г. Он предпочитает писать в традиционной манере или правильным слогом, особенно девятислоговой строкой. В настоящее время он работает над книгой стихов, в которой нашел отражение его опыт работы добровольцем в составе "Корпуса мира" - организации экономической и гуманитарной помощи в султанате Оман с 1975 по 1978 г. За последние годы его стихи печатались в журналах "Америка", "Пидмонт Литерари Ревью" (Piedmont Literary Review), "Поэзия побережья", "Стих", "Риверан" (RiverRun), "Канделябр", Англия и, в антологии журнальных стихов и в ежегоднике американской поэзии (1997).

Бетси Хэмфрис выросла в Питсбурге, Пенсильвания, а сейчас живет в Грэнйт Фоллз около горного массива Блу Ридж в Северной Каролине. В течение 18 лет она писала тексты для туристических, деловых, образовательных и литературных изданий. Стихотворение "Тонкие места" было написано под впечатлением семейной поездки на озеро Пог, которое расположено в Канаде, примерно, в 200 милях севернее Торонто.

Стивен Наут родился в Милвоки, штат Висконсин, а вырос в Буфало, штат Нью-Йорк и Питсбурге, штат Пенсильвания. Старший составитель руководств по пользованию программами компьютерной компании в Шарлотт, он переехал в Северной Каролине после окончания университета в Огайо в 1972. Его стихи печатались во многих изданиях, включая "Норт Американ Ревью" (North American Review), "Пасифик Ревью" (Pacific Review), "Вирджиния Квартерли Ревью" (Virginia Quarterly Review). Он является обладателем двух стипендий Национального фонда развития искусств и двух творческих писательских грантов Совета художеств Северной Каролины. Он является автором пяти поэтических сборников, самый последний из которых "Река по которой я тебя узнаю".

Steve Lautermilch, a poet and photographer, lives on the Outer Banks of North Carolina, where he leads workshops in dream study, meditation, and writing. He recently spent time in the Southwest, camping and hiking in the back country, writing and making photographs for a show and study of Native American rock art. Born in Ohio, Steve has a Ph.D. in English from the University of Michigan. He taught writing and drama for twenty-one years at UNC-Greensboro. His chapbook of poems, Triangle, Circle, Square, won the 1998 Ruah competition.

Barbara Kidd Lawing was born in England just as World War II ended, daughter of an English nursing student and an American soldier. She grew up north of Charlotte on her father's family farm. A few years ago, she returned to live on the farm. She works as a freelance writer, teaches writing classes, leads writing retreats, and does editing and critiquing. Her poetry and nonfiction have been published in a number of publications. She loves to hike, garden, and spend time with family and friends.

Kevin McGowin lives in Raleigh, where he teaches English and Humanities at NC State University. His family emigrated from Scotland to North Carolina many years ago, and he hopes to live here forever. He received the M.F.A. in poetry from the University of Florida, where he also did his doctoral work before returning to Raleigh. He received first place in poetry at the 1992 Southern Literature Festival, and his poems have appeared in numerous magazines and journals. His books of poems, Wild Afflictions, (Univ. of Florida) appeared in 1994, and The Better Part of a Fortnight (Funky Dog Press) in 1998.

Valerie Heinold MacEwan spent her childhood in Arkansas and, as an adult, has lived in North and South Carolina. She currently edits and publishes DeadMule.com. MacEwan has been published in the Asheville Poetry Review, The Rebel, PIF Magazine, Southern Yard Art, and others. Most of MacEwan's writing reflects Southern cultural traditions. She is currently forming The Society for the Preservation of Southern Vernacular (as a non-profit organization). This is the first printing of "Bessie Paradise." MacEwan lives in Washington, NC.

Barbara J. Mayer grew up in Chicago and worked there as a journalist, college journalism instructor, and public relations director. After moving to North Carolina in 1982, she began writing and publishing poetry. Her poems have appeared in Atlanta Review, Crucible, Iowa Woman, Savannah Literary Journal, and others. She received the Sam Ragan Award from Crucible as well as first prize in Nostalgia Poetry and first prize in Light Verse from the Robert Ruark Foundation. She lives in Mooresville with her husband and their dogs, Scarlett and Angus, and their horse, Mountain Jack.

Стив Лаутермилк - поэт и фотограф, живет на островах вдоль побережья Северной Каролины, где он ведет классы медитации, изучения снов и обучения писательскому мастерству. Недавно он был на Юго-Западе США, где жил в палатке и путешествовал пешком по отдаленным районам, фотографируя и изучая наскальную живопись коренных американцев, подготовлив выставку по этой теме. Стив Лаутермилк родился в штате Огайо, получил степень доктора в университете штата Мичиган в Энн Арбер. 21 год он преподавал драму и писательское мастерство в Университете в Гринсборо, штат Северная Каролина. Его книга стихов "Треугольник. Круг. Квадрат" стала лауреатом конкурса Руя (Ruah) в 1998.

Барbara Kidd Loingg родилась в Англии, когда только что закончилась II мировая война. Дочь английской студентки-медсестры и американского солдата, она выросла на семейной ферме своего отца к северу от Шарлотт. Несколько лет тому назад она вернулась туда и поселилась на ферме. Б.К.Лоингг является писательницей, не связанной ни с каким конкретным издательством, а также ведет классы обучения писательскому мастерству, осуществляет редакторскую деятельность, занимается правкой литературных произведений. Ее поэзия и произведения публицистического характера были опубликованы в ряде изданий. Она увлекается туризмом, садоводством, любит проводить время с семьей и друзьями.

Кевин МакГовин живет в Роли, где преподает английскую литературу и предметы гуманитарного цикла в Университете Северной Каролины в Роли. Его семья эмигрировала из Шотландии в Северную Каролину много лет тому назад и он надеется оставаться в здесь до конца жизни. К.Макговин получил степень магистра изящных искусств в области поэзии в университете штата Флорида в Гайнсборо, где он также до возвращения в Роли учился в аспирантуре. В 1992 поэт был удостоен первого места на литературном фестивале писателей юга, и его стихи были напечатаны в многочисленных журналах, в том числе и в литературных. Его книга стихов "Безумные несчастья" (издательство университета Флориды) вышла в 1994. За ней последовала книга "Большая часть времени в течение двух недель" а стихотворение "Лучшее время за 2 недели" (Фанки Дог Пресс) в 1998.

Валери Хейнольд МакЮан провела свое детство в Арканзасе. Позже, она жила в Северной и Южной Каролине. В настоящее время она редактирует и издает "Дохлы Осел.ком". МакЮан печаталась в "Ашвиль Поэтри Ревью" (Asheville Poetry Review), "Мятежник", "ПИФ мэгэзин" (PIF Magazine), "Садовые украшения" и других изданиях. Большинство ее произведений отражают культурные традиции Юга. В настоящее время она создает общество по сохранению диалекта Юга (не коммерческая организация). Представленное в данной антологии стихотворение "Бесси Рай" публикуется впервые. МакЮан живет в Вашингтоне, штат Северная Каролина.

Барbara Дж. Мэйер выросла в Чикаго и работала там журналистом, инструктором по журналистике и директором по общественным отношениям. После переезда в 1982 г. в Северную Каролину, она начала писать и публиковать стихи. Ее стихи появились в журналах "Атланта Ревью" (Atlanta Review), "Тигель" (Crucible), "Женщина Айовы", "Саванна Литерари Джорнал" (Savannah Literary Journal) и других изданиях. Она получила награду Сэма Рэгана от журнала "Тигель", а также первую премию в разделе "Ностальгические стихи" и в разделе "Юмористическая поэзия" от фонда имени Роберта Руарка. Она живет в Мурсвилле с мужем и собаками Скарлетт и Ангус и лошадью Маунтин Джэк.

Joanna J. McKethan, a native of North Carolina, has returned after nine years in Germany. She has published poems in several anthologies and literary journals. She makes her living as an artist, selling paintings and teaching art, and her paintings have been shown in many juried national art shows. She and her husband now live in Harnett County, where deer come up from the Cape Fear River to visit her studio.

Bonnie Michael, who lives in Winston-Salem, has won local, state, and national awards for her poetry. Her work has appeared in ten anthologies including When I Am An Old Woman I Shall Wear Purple. She wrote documentaries for WFDD public radio and was a copywriter for WSJS radio. She also wrote for a national business magazine for ten years and has been published in many literary magazines. She has lived in North Carolina most of her life except for a few years spent in Maryland.

Gabriel Morris is an English major at Campbell University in Buies Creek, NC. His work has been published in Campbell's literary magazine The Lyricist. He won The Lyricist's 2000 Student Poetry and Prose contests as well as the 1999 Hayman Heritage Contest for Free Verse sponsored by the Poetry Council of North Carolina. He is also a folk and jazz musician hoping for rock stardom.

Karoline Nelson lives in Chapel Hill, NC, with her husband and two children. She enjoys gardening.

lone (Tootsie) O'Hara, a life-long resident of North Carolina, writes poetry and fiction. She has a Master's Degree in Teaching English as a Second Language and has been an instructor for international students at the University of North Carolina at Charlotte, Central Piedmont Community College, and the English Language Training Institute at UNCC. Her work has been published in Bay Leaves, The Crucible, Independence Boulevard, Keystone, Main Street Rag, Savannah Literary Journal, and Southern Poetry.

Mary Elizabeth Parker was born in Schenectady, New York, grew up in a small industrial town in Michigan, and has lived in North Carolina since 1977. A poet, essayist, and fiction writer, she holds a master's degree in Creative Writing and a Ph.D. in English from UNC-Greensboro. Her poems and stories have appeared widely in literary magazines and anthologies, and her poetry collection, The Sex Girl, was published in 1999 by Urthona Press. She chairs the Dana Awards, an international writing competition.

Gail J. Peck, a Charlotte resident for 18 years, received her MFA from Warren Wilson College. Her chapbook New River won the 1993 North Carolina Writers' Network Harperprints Award, and her collection of poems, Drop Zone, was the winner of the Texas Review Breakthrough Series. Her poetry and prose have appeared in various literary reviews, and her

Джоанна Дж. МакКетан, уроженка Северной Каролины, вернулась сюда после девяти лет жизни в Германии. Ее стихи опубликованы в нескольких антологиях и литературных журналах. Она зарабатывает на жизнь как художница: продает картины и преподает живопись. Ее картины были представлены на оценку жюри на многих национальных художественных выставках. Сейчас она с мужем живет в округе Харнетт, где олени с реки Кейп Фир приходят к ее студии.

Бонни Майкл, живущая в Винстон Салем, имеет за свою поэзию награды местного значения, а также премии штата и национальные награды. Ее произведения появились в 9 антологиях, включая "Когда я состарюсь, я буду носить пурпурные одежды". Она писала документальные материалы для общественного радио (WFDD), писала материалы для радио (WSJS). Также в течение 10 лет она писала для национального делового журнала и публиковалась во многих литературных журналах. Большую часть своей жизни она прожила в Северной Каролине за исключением нескольких лет, которые она провела в штате Мэриленд.

Габриель Моррис изучает литературу в университете Кэмпбелл в Бусис Крик. Его произведения опубликованы в литературном журнале Кэмпбелла "Лирик". Он стал лауреатом студенческого конкурса прозы и поэзии "Лирик-2000", а также конкурса свободного стиха "Наследие Хаймана" в 1999 г., спонсором которого был поэтический совет Северной Каролины. Он также является исполнителем народной музыки и джазовым музыкантом и надеется стать рок-звездой.

Каролин Нельсон живет с мужем и 2 детьми в Чапел Хилл. Она увлекается садоводством.

Ион (Тутси) О'Хара всю свою жизнь живет в Северной Каролине, пишет стихи и прозу. Она имеет степень магистра в преподавании английского языка как иностранного языка, а также она является инструктором для зарубежных студентов университета Северной Каролины в Шарлотт, Сентрал Пидмонт Коммюниити Колледж и в педагогическом институте при университете в Шарлотт, готовящем преподавателей английского языка. Ее произведения опубликованы в "Лавровые листья", "Тигель", "Бульвар Независимости", "Кистоун" (Keystone), "Майн Стрит Раг" (Main Street Rag), Саванна Литерари Джорнал" (Savannah Literary Journal) и "Южная поэзия".

Мэри Элизабет Паркер родилась в Скенектади, Нью-Йорк, выросла в маленьком промышленном городе штата Мичиган. Она живет в Северной Каролине с 1977. Поэт, эссеист, автор художественных произведений, она имеет степень магистра писательского творчества и доктора по литературе университета Северной Каролины в Гринзборо. Ее стихи и рассказы широко печатались в литературных журналах и антологиях. Ее поэтический сборник "Секс Девочка" был опубликован в 1999 г. издательством Уртона Пресс. Она возглавляет жюри международного конкурса писателей "Премии Дана".

Гейл Дж. Пек живет в Шарлотт 18 лет. Она получила степень магистра изящных искусств колледжа Воррен Вилсон. Ее книжечка стихов "Новая река" в 1993 г. была удостоена награды организации писателей Северной Каролины "Харперприннтс" (Hargrprints), а сборник стихов "Падающая Зона" стал победителем конкурса дебютантов "Техас Ревью". Ее поэзия и проза печатались в различных литературных обозрениях, а ее поэтические произведения

poetry has been included in Uncommon Place: An Anthology of Louisiana Poets and also in Word and Witness: One Hundred Years of North Carolina Poetry. Her prose has appeared in Negative Capability, The Deep South Anthology, and Brevity, an online publication.

Diana Pinckney, a native South Carolinian, lived in Rhode Island, Florida, and Washington, D.C. before settling in Charlotte many years ago. Her poems and non-fiction have won many awards, and she has published poems in many journals and anthologies, including Word and Witness, 100 Years of North Carolina Poetry. She has been a featured reader at several North Carolina poetry readings. The author of a chapbook, Fishing With Tall Women (1996), and a poetry collection, White Linen (1998), she leads workshops for the North Carolina Poetry Society and teaches poetry writing in Charlotte.

David E. Poston, born in Louisville, Kentucky, has lived in North Carolina since 1951. He is an English teacher at Hunter Huss High School in Gastonia and a part-time instructor at UNC-Charlotte. His chapbook, My Father Reading Greek, was published in 1999. A 1998 Charlotte-Mecklenburg Arts and Science Council Regional Artist grant recipient, he has won poetry awards from the Southeastern Writers Association and from The Writers' Workshop of Asheville. His work has appeared in Chattahoochee Review, Asheville Poetry Review, Main Street Rag, and Lonzie's Fried Chicken.

Barbara Presnell has published poems in numerous journals, including The Atlanta Review, The Tar River Review, and The Laurel Review. Her chapbooks, Snake Dreams and Unravelings, won the awards from the North Carolina Poetry Society and the NC Poetry Council in 1995 and 1999. She has an MFA from UNC-Greensboro and lives in Lexington, NC, with her husband and son. A North Carolina native, she has lived in Virginia and Kentucky, where she has worked as a poet-in-the-schools and taught college-level English.

Dawn Evans Radford, born in Balboa, Panama, and raised in a fishing village in the Florida Panhandle, now lives in Wilmington, where she works for UNC-Wilmington as a writing consultant, instructor of writing, English, practical Spanish, English as a Second Language, and American Culture. She has conducted professional and creative writing workshops in various North Carolina universities, libraries, and community organizations. Her poetry, fiction, nonfiction, and literary research have been published widely. She received the 1993 Sherwood Anderson Award and a 1990 Grassroots Artists Award from the NCAC and Cape Fear Arts Council.

Glennis Redmond works as a full-time poet. In the spring of 2000, she traveled nationally and internationally reading and performing her original works at colleges and universities. Raised in a military family, Glennis has lived in many parts of the U.S. and in Aviano, Italy. She has

были включены в "Необычное место: антология поэтов Луизианы", а также в антологию "Слово и свидетельство: Сто лет поэзии Северной Каролины". Ее проза напечатана в "Отрицательной способности", в антологии "Глубокий Юг" и в интернетном издании "Краткость".

Диана Пинкни - уроженка Южной Каролины, прежде чем поселиться в Шарлотт, жила в Роуд Айленде, штат Флорида, в Вашингтоне. Ее стихи и публицистика были отмечены многими наградами, и она опубликовала стихи во многих журналах и антологиях, в том числе "Слово и свидетельство: Сто лет поэзии Северной Каролины". Она выступала со своими произведениями на нескольких поэтических чтениях Северной Каролины. Она является автором маленькой книжки "На рыбалке с высокими женщинами" (1996) и поэтического сборника "Белое белье" (1998), также ведет творческие мастерские Поэтического Общества Северной Каролины и учит искусству стихосложения в Шарлотт.

Давид И. Постон родился в Луивилле, штат Кентукки, и живет в Северной Каролине с 1961 г. Он преподает английский в средней школе Хантер Хасс в Гастонии и работает инструктором неполный рабочий день в университете Северной Каролины в Шарлотт. Его маленькая книжка стихов "Мой отец читает по-гречески" была опубликована в 1999 г. В 1998 г. Д.Постон получил грант регионального Научно-художественного совета округа "Шарлотт Мекленбург", а также стал лауреатом поэтической награды ассоциации писателей Юго-Востока и награды творческой мастерской писателей Ашвиль. Его произведения опубликованы в "Чаттахучи Ревью" (Chattahoochee Review), "Ашвиль Поэтри Ревью" (Asheville Poetry Review), "Майн Стрит Рэг" (Main Street Rag) и "Лонзиз Фрайд Чикен" (Lonzie's Fried Chicken).

Барbara Преснел опубликовала свои стихи в многочисленных журналах включая "Атланта Ревью" (The Atlanta Review), "Тар Ривер Ревью" (Tar River Review), и "Лорел Ревью" (The Laurel Review). Ее маленькие сборники "Сны змеи" и "Разгадки тайн" получили награды поэтического совета Северной Каролины и Поэтического Общества Северной Каролины в 1995 и 1999 гг. Б.Преснел имеет степени магистра изящных искусств университета Северной Каролины в Гринсборо и живет в Лексингтоне с мужем и сыном. Уроженка Северной Каролины, она жила в Вирджинии и Кентукки, где преподавала в школах поэтическое мастерство и литературу на уровне колледжа.

Дон Эванс Радфорд родилась в Бальбоа, Панама, выросла в рыбачкой деревушке в северной Флориде, сейчас живет в Вилмингтоне, где работает в университете в качестве консультанта по письменным заданиям, инструктора по английскому, практическому испанскому, английскому, как иностранному языку, и американской культуре. Она вела профессиональные и творческие писательские мастерские в различных университетах Северной Каролины, библиотеках и общинных организациях. Ее поэзия, художественные произведения, публицистика и литературные исследования опубликованы во многих изданиях. В 1993 г. она получила награду Шервуд Андерсон, а в 1990 г. ей была вручена награда Совета художеств Северной Каролины и округа Кэйп Фир.

Гленнис Редмонд - профессиональная поэтесса. Весной 2000 г. она путешествовала по стране и загранице, читая и представляя свои оригинальные произведения в колледжах и университетах. Родившись в семье военнослужащего, Гленнис жила во многих частях США и в Авиано (Италия). Ее про-

been published in Catch the Fire Anthology, 360 Degrees: a Revolution of Black Poets, Southern Exposure, and Lonzie's Fried Chicken. She has received grants to study at the Atlantic Center for the Arts and at the Vermont Center.

Tony Reevy is Director of Library Development at North Carolina State University in Raleigh and holds degrees from NCSU, the University of North Carolina, and Miami University. His poetry publications include Asheville Poetry Review, Bath Avenue Newsletter, Charlotte Poetry Review, Now & Then, Pembroke Magazine, Poetry Motel, Writer's Cramp, and others, as well as non-fiction and short fiction. His book Ghost Trains!: American Railroad Ghost Legends was published by TLC Publishing. He lives in Durham, having lived previously in TX, VA, NY, New Mexico (NM), Ohio (OH), and England.

Dick Roberts was born in Durham in 1947. He has a Bachelor of Fine Arts in painting and ceramics from Western Carolina University and works as Design Curator for the North Carolina Aquarium at Fort Fisher. He maintains a painting studio in Wilmington, NC, and writes poetry. His poems have appeared in Southern Poetry Review and other literary magazines. He has shown his paintings in North Carolina, New York, and Macedonia. He travels to Eastern Europe every year to paint and write.

Annella Rockson has published poetry in magazines and several anthologies, including Living Culture in Durham (Carolina Wren Press, 1987). She has been resident poet in the public schools in both Durham and Raleigh and has given poetry workshops for teachers and for children with special needs. She currently serves on the board of the North Carolina Poetry Council, and has served on the boards of the NC Poetry Society and the NC Alliance for Arts Education. She has been one of three featured poets at the NC Poetry Festival at Weymouth.

Jessica Rosser is a recent graduate of Catawba College in Salisbury, North Carolina. While at Catawba, she received the Calvin Koots Poetry Prize. As a native of Sanford, North Carolina, she canoes and fishes the ponds and rivers of the Piedmont area of the state. These outdoor experiences are frequently the inspiration for her writing.

Lynn Veach Sadler, a native of Duplin County, NC, has a B.A. from Duke University and an M.A. and a Ph.D. from the University of Illinois. Formerly a college president in Vermont, she won an Extraordinary Undergraduate Teaching Award, pioneered in Computer-Assisted Composition, and received the Distinguished Women of North Carolina Award for education. She has written and edited many academic publications, including books, articles, and journals. She now runs a small press and is a creative writer, having won awards for her novel, short fiction, essays, poetry, and plays. She recently completed her first musical play, Coming Country.

изведения опубликованы в антологии "Поймай огонь", "360 градусов: Революция черных поэтов", "Обращенный к Югу", и "Лонзи Фрайд Чикен" (Lonzie's Fried Chicken). Она получила гранты для обучения в Атлантическом центре искусств и в центре в Вермонте.

Тони Риви - директор-администратор библиотеки государственного университета Рали. Он имеет степени университета Северной Каролины, государственного университета Северной Каролины в Чапел Хилл и университета Майами. Его стихи опубликованы в следующих изданиях: "Ашвиль Поэти Ревью" (Asheville Poetry Review), "Бас Авеню Ньюзлеттер" (Bath Avenue Newsletter), "Шарлотт Поэти Ревью" (Charlotte Poetry Review), "Сейчас и тогда", "Рука писателя устала" и другие. Его книга "Поезда-призраки: Американские легенды о железнодорожных призраках" была опубликована издательством "ТиЭлСи Паблишинг" (TLC Publishing). Сейчас он живет в Дареме, а до этого жил в Техасе, Нью-Мексике, Огайо и в Англии.

Дик Робертс родился в Дареме в 1947 г. Он имеет степень бакалавра изящных искусств в области живописи и керамики университета Западной Каролины и работает дизайнером-куратором аквариума Северной Каролины в Форт Фишер. У него есть художественная студия в Вилмингтоне, и он пишет стихи. Его стихи печатались в "Южном Поэтическом Обозрении" и других литературных журналах. Он выставлял свои картины в Северной Каролине, Нью-Йорке и Македонии. Каждый год он путешествует в Восточную Европу, чтобы там рисовать и писать.

Аннелла Роксон опубликовала свою поэзию в журналах и нескольких антологиях, включая "Живая культура Дарема" издательство Каролина Рен Пресс, 1987 г. Она работала в школах в Дареме и Роли, вела поэтические мастерские для учителей и детей с особенностями в развитии. В настоящее время она является членом поэтического совета Северной Каролины, ранее состояла членом правления поэтического общества Северной Каролины и союза эстетического образования Северной Каролины. Она участвовала в поэтических чтениях на поэтическом фестивале в Веймуте.

Джессика Россер недавно окончила колледж Катау в Салибери, Северная Каролина. Еще будучи студенткой она получила поэтический приз Кэльви на Кутса. Уроженка Сэнфорда она занимается греблей на каноэ и рыбной ловлей на прудах и реках Пидмента. Впечатления, которые она при этом получает, часто вдохновляют ее поэтическое перо.

Линн Вич Сэдлер, уроженка округа Дуплин (Северная Каролина), имеет степени бакалавра и магистра искусств от университета Диука, а так же доктора от университета Иллинойса. В прошлом президент колледжа в Вермонте, она получила высокую награду за выдающиеся успехи в преподавании; она стояла у истоков методики использования в сочинении компьютера и получила награду в области образования "Выдающиеся женщины Северной Каролины". Она писала статьи и редактировала много академических изданий, включающих книги, статьи и литературные журналы. Сейчас Сэдлер руководит маленьким издательством, она — плодотворная писательница, которая имеет награды за свой роман, короткие рассказы, эссе, стихи, пьесы. Недавно она закончила свою первую музыкальную пьесу "Страна, которая будет".

Barbara Sanders is currently poet-in-residence at a hospice in North Carolina. For most of thirty years, she earned her living as an executive in advertising and public relations. In 1998 she began working as a full-time volunteer caring for the terminally ill at an all-volunteer run hospice. Her poetry has appeared in several anthologies, The Human Goodness Journal, and is forthcoming in the Lullwater Review, The South Carolina Review, Whiskey Island, The MacGuffin, and Mudfish. She received a commendation award in 1999 from the Chester H. Jones Foundation.

Hope Schene is originally from New York City and has been a resident of Charlotte for over thirty years. For twenty of those years, she taught first and second grades in the Charlotte Public Schools. Her poems have been published in The North Carolina Poetry Society Award-Winning Poems 1999, Crucible, Poet's Page, Charlotte Poetry Review, Main Street Rag, and others.

Joanna C. Scott was born in London during an air raid, raised in Australia, migrated to the U.S. in 1976, took her graduate degree from Duke University, moved to the Philippines just prior to the People's Revolution, and adopted three Korean orphans before returning to Virginia. She is the author of Indochina's Refugees: Oral Histories from Laos, Cambodia and Vietnam; Charlie and the Children (VVA Veteran Book-of-the-Month); Pursuing Pauline, a novel of the women's revolution; The Lucky Gourd Shop, a novel of Korea; and a poetry collection, Birth Mother. She lives in Chapel Hill.

Sharon A. Sharp, an Alabama native, lives in Boone. As an undergraduate and graduate student, Sharon lived in Durham, NC; Lexington, Kentucky (KY); and Blacksburg, VA. After teaching college-level human development and family studies for several years in Mississippi, Sharon began a freelance editing career editing nonfiction books for major publishers, led workshops, and taught editing at Appalachian State University. Her poetry has appeared in numerous journals, and she is the North Carolina Poetry Society's president for 2000-2001. Poetry's relation to the visual and the healing arts is of special interest to her.

Mark Smith-Soto, a Costa Rican-American poet and translator, is Professor of Spanish at the University of North Carolina at Greensboro (UNC-Greensboro), where he is editor of International Poetry Review. He holds a B.A. in English from the University of Maryland and a Ph.D. in Comparative literature from the University of California, Berkeley. He is the author of books and scholarly articles on the modern Spanish-American lyric. His own poetry has appeared in such magazines as Nimrod, Carolina Quarterly, Poetry East, Callaloo, Chattahoochee Review, and Kenyon Review. His forthcoming chapbook Green Mango Collage won the Persephone Competition.

Барбара Сандерс — поэтесса, которая в настоящее время работает в хосписе в Северной Каролине. Почти 30 лет она зарабатывала на жизнь, работая администратором в области рекламы и общественных отношений. В 1998 г. она начала работать добровольцем по уходу за неизлечимо-больными в хосписе. Ее стихи были опубликованы в нескольких антологиях, в "Журнале Доброты Человеческой" и скоро выйдет в "Лулвотер Ревью" (Lullwater Review), "Обозрение Южной Каролины", "Острове Виски", "МакГуффин" (The MacGuffin) и "Мадфиш" (Mudfish). Б.Сандерс получила поощрительный приз от фонда Честер Х. Джоунз в 1999 г.

Хоп Шин родилась в Нью-Йорке и живет в Шарлотт более 30 лет, 20 из которых она преподавала в первых и вторых классах школ города. Ее стихи были опубликованы в альманахе 1999 г. поэтического общества Северной Каролины — "Стихи, получившие премии", а также в "Тигеле", "Странице Поэта", "Шарлотт Поэтри Ревью" (Charlotte Poetry Review), "Мэйн Стрит Рэг" (Main Street Rag) и других издательствах.

Джоанна К. Скотт родилась в Лондоне во время воздушного налета, выросла в Австралии, эмигрировала в США в 1976 году, окончила университет Дюка со степенью магистра, переехала на Филиппины как раз перед Народной Революцией. Прежде чем вернуться в Вирджинию, она взяла на воспитание 3-х корейских сирот. Она — автор следующих произведений: "Беженцы из Индокитая: Рассказы из Лаоса, Комбоджии и Вьетнама", "Чарли и дети" (отмечена Ассоциацией Вьетнамских Ветеранов Вирджинии), "Преследуя Патулин", (последняя книга — это роман о женской революции), "Магазин счастливых тыквенных бутылок" — роман о Корее и поэтического сборника "Мать, дарящая рождение". Джоанна Скотт живет в Чапел Хилл.

Шэрон А. Шарп — уроженка Алабамы живет в Буне. В студенческие годы Шэрон жила в Дареме (Северная Каролина), Лексингтоне (Кентукки) и Блэк-сбурге (Вирджиния). После нескольких лет преподавательской деятельности в колледже в Миссисипи, где она вела "Рост и развитие человека" и "Изучение семьи", Шэрон начала карьеру редактора, не связанного ни с каким конкретным издательством; она редактировала книги публицистического характера для больших издательств, вела творческие мастерские и курс редактирования в университете штата Северной Каролины в Аппалачах. Ее поэтические произведения были опубликованы в многочисленных литературных журналах и она избрана президентом поэтического общества Северной Каролины на 2000-2001 год. Специальный интерес для нее представляют взаимоотношения поэзии и зрительных образов "искусства врачевания".

Марк Смит-Сото — поэт и переводчик. Его семья из Коста-Рики. Он — профессор испанского языка в университете Северной Каролины в Гринсборо, где он является редактором литературного журнала "Международное поэтическое обозрение". Он имеет степень бакалавра искусств в области литературы университета Мэриленд и степень доктора университета Калифорнии в Беркли в области сравнительной литературы. Смит-Сото является автором книг и научных статей по современной испано-американской лирике. Его собственные поэтические произведения появились в таких журналах как "Нимрод" (Nimrod), "Каролина Квотерли" Carolina Quarterly, "Поэти Ист" (Poetry East), "Коллалуу" (Callaloo), "Чаттахучи Ревью" (Chattahoochee Review) и "Кенyon Ревью" (Kenyon Review). Его маленькая книжка, которая скоро выйдет из печати "Коллаж с зеленым манго", стала лауреатом конкурса Персефоны.

Susan Snowden began writing poetry in 1994. Her poems have appeared in such literary publications as Now and Then, Writer's Exchange, Waterways: Poetry in the Mainstream, and the anthology Raising Voices. She received the James Still Award for Poetry from the Appalachian Writers' Association in 1996 and in 1997. A native of Atlanta, she moved to Arden, NC, in 1995. She earns her living as a freelance writer and book editor. Her articles and reviews have appeared in city, regional, and national publications.

Elisabeth Stagg, a native North Carolinian, has lived in each of its three main regions: she was born in the western mountains, grew up on the coast, and now lives in Durham. She writes both fiction and poetry and has published poetry in such literary magazines as Southern Poetry Review and Wellspring. She received a 1997-98 poetry fellowship from the North Carolina Arts Council. Anna Akhmatova was among her early models and remains a favorite poet. She is the Associate Director of Communications in the Divinity School at Duke University.

Maureen Douglass Sutton has lived in North Carolina for thirty-five years but grew up near San Antonio, Texas. Her mother was an artist, her father an accountant. During the day she teaches Spanish to children; at night she teaches English to adults. These things are important to her: her two children, her garden, her friends, her work, her poetry, and her learning about language word roots. Her chapbook, To Encourage the Dawn, won an award from Persephone Press of Whispering Pines, NC.

G.C. Waldrep writes: "As an Amishman, I may have a different "take" on the soul's relation to the land than other NC writers. Being Amish, of course, implies a close relation to the earth (we're mostly farmers and day laborers), but it's a conflicted one, given our particular strand of Christian theology and our related commitment to community living. Perhaps you will see some of that in the poems." Waldrop's poems have been published in such journals as Antietam Review and Ascent. He lived for two years in Durham before moving to Yanceyville, NC.

C. Pleasants York, a teacher and free-lance writer, is the author of two poetry books: Pleasantries and Weaver of Destiny. She is the wife of poet Guy York and mother of three published poets — Adam, 20; Emily, 15; and Jonathan, 11. She is active in the North Carolina Poetry Society where she and her husband serve as Third Vice-President. She has completed a novel, Haunting Melody, and a series of short stories on the South. When not working with students, she enjoys collecting antique Valentines, snipping Scherenschnitte, and working at the Community Playhouse of the Temple Theatre in Sanford, NC.

Сьюзан Сноден начала писать стихи в 1994 году. Ее стихи опубликованы в таких, изданиях как "Сейчас и тогда", "Писательский обмен", "Водные глади", "Поэзия в основном потоке литературы" и в антологии "Громкие голоса". В 1996 и 1997 гг. она получила поэтическую награду "Джеймз Стил" от ассоциации писателей Аппалачей. Уроженка Атланты, она переехала в Арден (Северная Каролина) в 1995 году. Сьюзан зарабатывает на жизнь работая редактором и писательницей, не связанный ни с каким конкретным издательством. Ее статьи и обзоры печатались в городских, региональных и национальных изданиях.

Элизабет Стаг — уроженка Северной Каролины, жила в каждом из трех основных регионов: она родилась в горах на западе, выросла на побережье, а сейчас живет в Дареме. Она пишет беллетристику и поэзию и опубликовала стихи в таких литературных журналах как "Южное Поэтическое Обозрение" и "Источник". В 1997 году она получила творческий писательский грант от совета художеств Северной Каролины. Анна Ахматова является поэтессой, которой Элизабет подражала на раннем этапе своего творчества, и сейчас Ахматова остается ее любимым поэтом. Элизабет Стаг является заместителем директора по связям с прессой школы Богословия университета Дюка.

Морин Дуглас Саттон живет в Северной Каролине 35 лет, но она выросла недалеко от Сан Антонио, штат Техас. Ее мать была художницей, отец — бухгалтером. Днем она учит детей испанскому, вечером она преподает английский взрослым. Вот то, что является главным для нее: ее двое детей, сад, друзья, работа, поэзия и ее работа по изучению истоков корней слов в языке. Ее маленькая книжка стихов "Поторопить рассвет" получила награду издательства "Персефон Пресс" — Висперинг Пайнс (Северная Каролина).

Дж. К. Уолдрен пишет: "Как у последователя Аммана, у меня может быть совсем другой подход к взаимоотношениям между душой и землей, чем у других писателей Северной Каролины. Быть последователем этого учения, значит иметь более тесные связи с землей (мы в основном фермеры, связанные с землей). Но эти взаимоотношения души и земли имеют свои внутренние противоречия, обусловленные нашим пониманием христианской теологии и нашим общинным образом жизни. Возможно, вы увидите это в моих стихах". Стихи Уолдрена опубликованы в таких литературных журналах как "Антэтам Ревью" (Antietam Review) и "Восхождение". До того, как переехать в Янсивиль, Уолдрен два года жил в Дареме.

К. Плезантс Йорк — учитель и писатель, не связанный ни с каким конкретным издательством. Она является автором 2-х поэтических книг: "Удовольствия" и "Ткач судьбы". Она жена поэта Гая Йорка и мать трех публикующих поэтов. Это — Адам, которому 20 лет, 15-летняя Эмили и Джонатан, которому 11 лет. Она принимает активное участие в работе поэтического общества Северной Каролины, где она и ее муж являются третьим вице-президентом. Она закончила роман "Навязчивая мелодия" и серию коротких рассказов о Юге. Когда она свободна от работы со студентами, она занимается коллекционированием старинных "валентинок", вырезанием бумажных фигурок для гирлянд и букетов и работает в театральной студии театра Темпл в Санфорде (Северная Каролина).

PUBLICATION ACKNOWLEDGEMENTS

Annette Allen's poems "November Light: France" and "What Is and What Is Not" were published in her first collection of poems, Country of Light (1996).

Katherine Russell Barnes's poem "They Flew" first appeared in Icarus 1995, and her poem "A Sacred Potion" was published in Bay Leaves.

Joseph Bathanti's poems "Burn Season" and "Easter" were previously published in his book Anson County (1989).

Charles Blackburn, Jr.'s poem "Winter Gothic" first appeared in Coastal Plains Poetry, and "The Chimneys" appeared in Sam Ragan's literary column "Southern Accent" in the The Pilot, a Southern Pines, NC, newspaper.

Sally Buckner's poem "How They Survived" originally appeared in Sam Ragan's column "Southern Accent" in The Pilot.

Jim Clark's poems "Staying Lost" and "Dancing on Canaan's Ruins" both appeared first in his collection of poems Dancing on Canaan's Ruins.

Charles Edward Eaton's poem "The Naked Truth" was first published in The New Criterion, April 1996.

Becky Gould Gibson's poems "Putting Up Damson Preserves" and "Banking Sweet Potatoes," were first published in Holding Ground, White Eagle Coffee Store Press (1996). "First Life" first appeared in her book First Life, published by The Emrys Foundation (1997).

Lou Green's poem "Foxtail Lily" first appeared in Crucible (1998), the Barton College journal.

Irene Blair Honeycuts's poem "Adobe Night in Taos" first appeared in her book It Comes As A Dark Surprise.

Stephen Knauth's poems "Blue Angel" and "My Little Town" were first published in his book of poems, The River I Know You By (Four Way Books).

Joanna J. McKethan's poem "Of a Substance Strong Enough" first appeared in Sanskrit (Spring 1989), UNC-Charlotte.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Стихи Аннет Аллен "Свет ноября: Франция" и "Что есть и чего нет" были опубликованы в ее первом стихотворном сборнике "Страна света" — 1996 год.

Стихотворение Катрин Рассел Барис "Они улетели" впервые появилось в литературном журнале "Икарус", а стихотворение "Священное зелье" было опубликовано в "Лавровых листьях".

Стихи Джозефа Батанти "Время огня" и "Пасха" первоначально были опубликованы в его книге "Округ Эисон" — 1989 год.

Произведение Чарльза Блекберна, младшего "Зимняя готика" сначала было напечатано в "Коустал Плейнз Поэтри" (Coastal Plains Poetry), а стихотворение "Трубы" появилось в литературной колонке Сэма Рэгана "Южный акцент" в газетах "Пайлот" (The Pilot) и Саутерн Пайнз (Southern Pines), Северная Каролина.

Стихотворение Салли Бакнер "Как они выжили" первоначально было напечатано в колонке Сэма Рэгана "Южный акцент" в Саутерн Пайнз (Southern Pines) в газете "Пайлот" (The Pilot), Северная Каролина.

Стихотворения Джима Кларка "Потерянный" и "Танцуя на руинах Земли обетованной" сначала появились в сборнике его стихов под таким же названием.

Стихотворение Чарльза Эдварда Итона "Голая правда" первоначально было опубликовано в "Нью Крайтиреон" (New Criterion) в апреле 1996 года.

Стихи Беки Гоулд Гибсон "Заготовки сливового варенья" и "Складывая сладкий картофель на хранение" были первоначально опубликованы в сборнике "Земля, которая держит" в 1996 году, издательство "Вайт Игл Кофи Стор Пресс" (White Eagle Coffee Store Press). Стихотворение "Первая жизнь" сначала появилось в ее одноименном сборнике, опубликованном в 1997 году "Эмрис Фаундейшн" (Emrys Foundation).

Стихотворение Лу Грин "Лилия Лисий Хвостик" первоначально было напечатано в литературном журнале колледжа Бартон "Тигель" в 1998 году.

Стихотворение Айрин Блэр Ханикэтт "Пористая ночь в Таосе" первоначально появилось в ее сборнике "Печальное озарение".

Стихи Стефана Наута "Голубой Ангел" и "Мой маленький город" первоначально напечатаны в его книге стихов "Река, у которой я узнал тебя", издательство Фоур Вэй Букс (Four Way Books).

Стихи Джоанны МакКетан "Из субстанции достаточно прочной" сначала появились в издании университета Северной Каролины в Шарлотт "Санскрит".

Gail Peck's "Can Change Nothing" was published in The Chapbook of the Deep South Writers Conference, 1998.

Diana Pinckney's poem "Woman in a Refugee Camp" was first published in The Mt. Olive Review.

David Poston's poem "Martha's Garden" first appeared in Manna 15, (Spring 1994).

Barbara Presnell's poem "In October I Gather Persimmons" originally appeared in Georgia Journal. "Ethel's Poem" first appeared in Appalachian Journal, and "In the Kitchen We String Beans" was first published in Iowa Woman.

Dawn Evans Radford's poem "Convent" first appeared in Atlantis, the UNC-Wilmington Literary Magazine.

Lyn Sadler's poem "Oxymoron" first appeared in Independence Boulevard.

Joanna C. Scott's "This Happened in the 7-11 Parking Lot" first appeared in Passager, University of Baltimore. Her poem "I Have Brought My Dogs to the Woods" first appeared in California State Poetry Review.

Maureen Douglass Sutton's poems "How Goes Gaia" and "I Don't Miss Texas" were first published by Persephone Press in her chapbook, To Encourage The Dawn.

Стихи Гейл Пек "Нельзя ничего изменить" были опубликованы в "Сборнике Конференции Южных Писателей 1998 года".

Стихотворение Дианы Пинкни "Женщина в лагере беженцев" было впервые опубликовано в "Маунт Олив Ревью" (Mount Olive Review).

Стихотворение Давида Постона "Сад Марты" впервые было опубликовано в "Манна 15" весной 1994 года.

Стихотворение Барбары Преснелл "Я собираю хурму в октябре" первоначально появилось в "Джорджа Джорнал" (Georgia Journal). "Стих Этель" первоначально было напечатано в "Аппалейчан Джорнал" (Appalachian Journal), а стихотворение "На кухне мы чистим стручки фасоли" первоначально было напечатано в "Женщина Айовы".

Стихотворение Дон Эванса Радфорд "Сборище" появилось в "Атлантике" (Atlantis) литературном, журнале университета Вилмингтон (Северная Каролина).

Стихотворение Линн Сэдлер "Оксюморон" было напечатано в "Бульвар Независимости".

Стихотворение Джоанны Скотт "Это случилось на парковке "с 7 до 11" было напечатано в "Пассажер" (Passager) — Балтиморский университет. Стихотворение "Я привела моих собак в лес" первоначально было напечатано в "Калифорния Стейт Поэтри Ревью" (California State Poetry Review).

Стихи Морин Дуглас Саттон "Я не скучаю по Техасу", "Как поживаешь, Гея" первоначально были опубликованы "Персефон Пресс" в ее книжечке "Поторопить рассвет".

PRODUCTION STAFF BIOS

Judy Hogan (Consulting Editor and Project Director — NC) was co-editor of the poetry journal Hyperion (1970-81) and founding editor of Carolina Wren Press. She has taught classes for writers and provided editorial consultation since 1969. She helped establish the North Carolina Writers' Network, serving as its first president. Her publications include five volumes of poetry and one prose work, Watering the Roots in a Democracy. Kostroma Writers' Organization (KWO) published a translation of her poems Beaver Soul. Through the Kostroma Committee of Sister Cities of Durham, she and Mikhail Bazankov organized several exchanges of writers and artists from both regions. In 1995, she was a guest lecturer in Modern American Poetry at Kostroma Pedagogical University.

Mikhail Bazankov (Project Director — Kostroma, Managing Editor, and Artistic Editor) is a member and Secretary of the Board of the Writers' Union of Russia, President of the Kostroma Regional Writers' Organization, an artist, publisher, editor, and Cultural Worker of Merit of the Russian Federation. He is the author of over ten books, including his prize-winning novel Memory Has Rights, Too and novel Freedom for the Free. His literary works have appeared in many national and regional journals and have been translated into 12 different languages. He has written and moderated the radio program "Anthology of Kostroma Prose." He is a member of the Regional Council Concerning Culture and its Presidium.

Sharon D. Ewing (Editor-in-chief) has published a poetry chapbook, Nocturnes for the Right Brain Alone, and in various literary journals. She holds a Masters of Fine Arts (MFA) in Poetry from George Mason University in Virginia and has taught poetry workshops and writing classes there and at other universities and colleges in the Washington, DC, area, as well as at senior citizen centers and nursing homes. She edited Feasting at Sundown, a collection of poems by nursing home residents. Her article "Russia Revisited" was published in the KWO's Literary Kostroma after she and her husband, John, were guests of the KWO in 1995.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Джуди Хоган (редактор-консультант и руководитель проекта — Северная Каролина) была одним из редакторов поэтического журнала "Гиперион" (1970-1981 гг.) и редактором-основателем, издательства "Каролина Рен". С 1969 года она преподавала в классах для писателей и осуществляла редакторские консультации. Она помогала в создании писательской организации Северной Каролины и была первым президентом этой организации, ее публикации включают 5 томов стихов одну прозаическую работу "Орошая корни демократии". Костромская писательская организация опубликовала перевод ее поэтического сборника "Бобриная душа". Через Костромской комитет городов-побратимов в Дареме, она и Михаил Базанков организовали несколько обменов писателями и художниками обоих регионов. В 1995 году она была приглашена читать курс по современной американской поэзии в Костромской педагогический университет.

Михаил Базанков (руководитель проекта в Костроме, главный редактор и художественный редактор) является членом и секретарем правления Союза писателей России, председателем Костромской областной писательской организации. Он — художник, издатель, редактор и заслуженный деятель культуры Российской Федерации. Он — автор более десяти книг, включая романы: отмеченный премиями "Право памяти" и "Вольному воля". Его литературные произведения напечатаны во многих, региональных, и республиканских литературных журналах, и переведены на 12 языков. Он создатель и руководитель радио-программы "Антология Костромской прозы". Он — руководитель творческих семинаров, член регионального Совета по культуре и его президиума.

Шэрон Д. Юинг (главный редактор) опубликовала книжку стихов "Ноктюрн только для правого полушария мозга" и работала в различных, литературных, журналах. Она имеет степень магистра изящных, искусств в области поэзии, присужденную ей университетом Джордж Мэсон в Вирджинии. В этом и других, университетах и колледжах в Вашингтоне, а также вспомогательных центрах для пожилых она вела поэтические мастерские и писательские классы. Она редактировала сборник стихов под названием "Праздник на Закате", составленный из стихов, написанных обитателями домов для престарелых. Ее статья "Снова в России" была опубликована в газете Костромской писательской организации "Литературная Кострома" после того, как в 1995 году она и ее муж Джон были гостями Костромской писательской организации.

Aleksei Mikhailovich Bazankov (Assistant Project Director in Kostroma, Book Designer, Typesetter, Computer Specialist, Internet and Web Page Management) is a senior lecturer in the Department of the History of Russia at Kostroma University, named for N.A.Nekrasov, from which he holds the Candidate for the Doctoral Degree (equivalent to Ph.D.). Recently named Director for the Sharya branch of Kostroma University, he is the author of many scholarly publications and one of the authors of the forthcoming encyclopedia about the city of Kostroma. He designed and typeset the Anthology of Kostroma Poetry for the KWO and also designed their Web page and put it on line. In 1998, as part of the Sister Cities cultural exchanges, he did research in the Library of Congress in Washington, DC, and participated in history seminars at Duke University and the University of North Carolina.

Natalia Vyazankina (Translator) graduated from Kostroma Pedagogical Institute (now Kostroma University), the Department of Foreign Languages, with honors. Since 1972 she had taught English in Kostroma city high schools. She teaches now at the rank of "Honored Teacher" at School 15, a special language school. Since 1990, she has often served as interpreter for visiting Americans, and she has translated their letters and poems for publication. Last year she participated in a competition for Russian teachers of American studies and won a set of books on American History and a computer. She translated the biographies and the foreword for this volume.

Natalia Riabova (Translator) is an Associate Professor at Kostroma University. She holds the Candidate for the Doctoral Degree (equivalent to Ph.D.) She teaches English in the Foreign Languages Department. She has served as interpreter with some of the Sister Cities exchanges and has worked as a translator for the KWO, translating chapters from Hogan's book Watering the Roots in a Democracy, her early letters, and poems from NC poets, which were published in Literary Kostroma. She translated the poems and the afterword, and proofread the final English typesetting for this book.

Irina Yelevich (Translator Consultant) worked in Moscow until 1990 as Editor-in-Chief at a scholarly publishing house publishing the work of scholars in Oriental literature. Since immigrating to the U.S., she has taught Russian and done translating work. She has assisted with the Sister Cities exchange visits and publishing projects and assisted Hogan with her classes in the Russian authors. She, with Hogan, translated 27 poems from the Kostroma Anthology of Poetry into English and helped annotate the poems in this volume for the Russian translators.

Алексей Михайлович Базанков (помощник руководителя проекта, дизайнер, наборщик, компьютерщик, организатор связи через интернет) является доцентом кафедры Истории России Костромского государственного университета им.Н.А.Некрасова, он также имеет степень кандидата исторических наук, полученную в этом же университете (это звание соответствует степени ПиАшДи в США). Недавно назначенный директором филиала Костромского государственного университета в г.Шарья, А.Базанков является автором многих научных публикаций и одним из авторов энциклопедии о Костроме, которая скоро выйдет из печати. Он был техническим редактором и набирал "Антологию Костромской поэзии" для Костромской писательской организации, а также разработал и разместил в интернете сайт писательской организации. В 1998 году в рамках проекта культурного обмена между городами-побратимами он проводил исследовательскую работу в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, округ Колумбия, и принимал участие в семинарах по истории в университете Дьюк и Университете Северной Каролины.

Наталия Вязанкина (переводчик) закончила с отличием факультет иностранных языков Костромского педагогического института (сейчас это университет). С 1972 года она преподает английский язык в средних школах Костромы. Вязанкина — отличник народного просвещения и в настоящее время преподает в гимназии №15 г.Костромы. С 1990 года, она часто работала переводчиком американцев, посещающих Кострому и переводила их письма и стихи для публикаций. В 1999 году она участвовала в конкурсе русских учителей, преподающих страноведение и выиграла набор книг по Американской истории, а также компьютер. Она переводила биографии и предисловие для этого тома.

Наталия Рябова (переводчик) является доцентом Костромского государственного университета. Кандидат наук. Она преподает английский язык на кафедре иностранных языков. Н.Рябова работала переводчиком во время некоторых обменов между городами-побратимами и работала переводчиком, для Костромской писательской организации перевела главы книги Дж.Хоган "Орошая корни демократии", ее ранние письма и стихи поэтов Северной Каролины, которые были опубликованы в газете "Литературная Кострома". Для этой книги она перевела стихи и послесловие, корректировала набор текста на английском языке.

Ирина Елевич (переводчик-консультант) до 1990 года работала в Москве главным, редактором в научном издательстве, публикующем научные статьи по восточной литературе. После того, как она иммигрировала в США, она преподавала русский язык и занималась переводами. Как переводчик И.Елевич помогала в процессе обменных визитов городов-побратимов и в издательских, проектах, также помогала Дж.Хоган в работе по проведению классов по произведениям русских авторов. Она вместе с Дж.Хоган перевела 27 стихов из антологии поэтов Костромы на английский и помогала аннотировать стихи этого тома для русских переводчиков.

Julia Tarasova (Translator Consultant) — b. 1974 in Moscow, studied English in school, graduated from Duke University (Durham, NC) with a degree in economics. Worked in a Russian art gallery called "Masterpiece Art" in Durham, in 1998 collaborated with Durham's Sister Cities program to organize a show of works by Nikolai Smirnov, an artist from Kostroma. Works by Sergei Rumyantsev, another Kostroma artist, were also exhibited at the gallery. Currently Julia Tarasova engages in literary and translation work on the side while pursuing a degree-related career.

Ed Cockrell (Assistant Project Director in NC, Assistant Editor, and member of Hogan's Poetry Editing class) belongs to the NC Poetry Society and edits its newsletter. He assisted with and designed brochures, flyers, and letters for fundraising and manuscript submissions and has handled the financial records for the project, in cooperation with Gloria Driver of Sister Cities of Durham. He is the Research Administrator of a large medical research and development center in Durham.

Marjorie McNamara (Assistant Editor and member of the Poetry Editing class) has written poetry since the late 1980's and was published in Watering the Roots in a Democracy. She has won several first places in the annual Burlington (NC) Writing Contest and plans to attend one of the NC university system's MFA programs in Creative Writing in Fall 2000.

Annella Rockson (Assistant Editor and member of the Poetry Editing class) has published poetry "in literary magazines and in the anthology Living Culture in Durham (Carolina Wren Press, 1987). She has taught poetry in the schools in Durham and Raleigh and is active in Arts Education in the state.

Jaki Shelton Green (Consulting Editor) has published three collections of poetry, Dead on Arrival (1977), Dead on Arrival and New Poems (1983 and 1996), and Conjure Blues (1996), as well as poems in literary magazines. She has taught poetry workshops in many settings, including prisons, homeless shelters, churches, private and public schools, arts festivals, writers' conferences, medical centers, libraries, universities, and colleges. She reads her poetry widely throughout the state and is well-respected for her understanding of African American traditions in poetry.

Юлия Тарасова (переводчик-консультант) — родилась в Москве в 1974 году, прилежно училась в английской спец-школе, закончила экономический факультет университета Дюка в Северной Каролине. Работала в галерее Русского искусства под названием "Мастерпес арт" в Дареме, в 1998 году в рамках программы городов-побратимов курировала выставку работ костромского художника Николая Смирнова. Работы костромского художника Сергея Румянцева тоже выставлялись в галерее. В настоящее время Юлия Тарасова занимается кустарной литературой, переводческой деятельностью и работает по специальности.

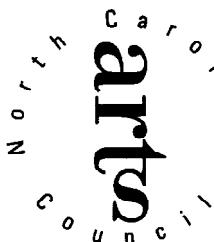
Эд Кокрелл (помощник директора проекта в Северной Каролине, помощник редактора и участник класса по редактированию поэзии, который вела Джуди Хоган) является членом общества поэтов Северной Каролины и редактирует вестник этого общества. Он помогал в оформлении брошюр, листовок и писем по сбору средств, а также помогал в составлении документов и проводил финансовые отчеты по проекту совместно с Глорией Драйвер из Даремского комитета городов-побратимов. Эд Кокрелл является администратором по исследовательской работе большого научно-исследовательского медицинского центра в Дареме.

Марджори МакНамара (помощник редактора, слушательница класса Джуди Хоган по редактированию поэзии) пишет стихи с конца 80-х и печаталась в издании "Орошая корни демократии". Несколько раз она являлась лауреатом ежегодного писательского конкурса в Бёрлингтоне (Северная Каролина) и планирует посещать одну из программ писательского творчества университета Северной Каролины осенью 2000 года.

Аннелла Роксон (помощник редактора и слушательница класса по редактированию поэзии) публиковала свои стихи в литературных журналах и в антологии "Живая культура Дарема", издательство Каролина Рен Пресс (Carolina Wren Press) — 1987 г. Она преподавала поэтическое мастерство в школах Дарема и Роли, она также принимает активное участие в системе эстетического образования в штате.

Джаки Шелトン Грин (редактор-консультант) опубликовала 3 поэтических сборника: "Умерший по прибытию" (1977 г.), "Умерший по прибытию и новые стихи" (1983-1996 гг.) и "Заклинание блузов" (1996 г.), она также публиковала свои стихи в различных литературных журналах. Дж.Ш.Грин вела поэтические мастерские во многих структурах, включая тюрьмы, приюты для бездомных, церкви, частные и государственные школы, художественные фестивали, писательские конференции, медицинские центры, библиотеки, университеты и колледжи. Она читает свои стихи по всей территории штата и пользуется уважением, за понимание Афро-Американских, традиций в поэзии.

DONORS TO EARTH AND SOUL
AN ANTHOLOGY OF NORTH CAROLINA POETRY PROJECT-2001

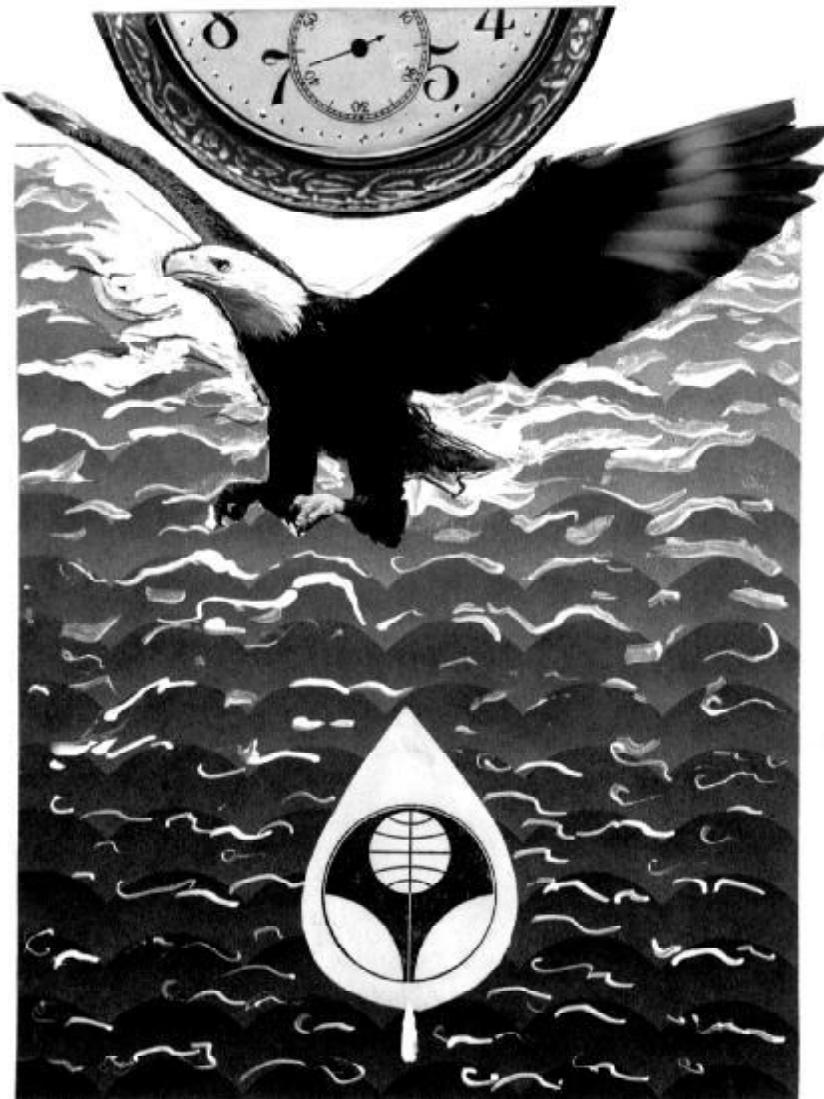

This project received support from the North Carolina Arts Council, an agency funded by the State of North Carolina and the National Endowment for the Arts.

Henry Andrews	Ruth F. Koster
Florence E. Blakely	C. Eric Lincoln
Dorothy R. Borden	Charles F. Loughridge
Betty B. Brown	Elizabeth H. Lutz
Sally B. Buckner	Arthur Lyons
Vladimir V. Burchakov	Alice A. Martin
Elizabeth C. Burgess	Ina W. McCoy
W.E. Cockrell	James Mechem
Marguerite M. Coyle	Deborah R. Meyer
Irene G. Dayton	Dorothy H. Osborn
Theodora R. Devereux	Diana B. Pickney
Gene Dillard	Daryll Powell
Mary Ann Dotson	Sharon Ramirez
Charles E. Eaton	Margaret S. Ribble
Sharon Ewing	Lynn Sadler
Marie K. Hammond	Sy Safransky
Harvey J. Hamrick	Maria A. Salgado
Robert & Elisabeth Hankin	Joanna Scott
Kenneth Hardy	Ruby P. Shackleford
Nancy Henderson-James	Joanne Sharpe
The Herald-Sun, Durham, NC	Sandra M. Spach
Judy Hogan	Stuart Wells
Linda Hortsman	Douglas Williams
Earl Carlton Huband	Margaret Stevenson

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Sharon D. Ewing. FOREWORD 4

INVOCATION TO THE MUSE

W.E.Cockrell, III. I Write to You, Sergey Esenin 14

Part I: EARTH

MOUNTAIN, WOOD, STREAM, AND SHORE

Betsy Humphreys. Thin Places	18
H. Perry Horton. "searching for the soul of the earth."	20
Thomas Rain Crowe. Prayer	22
Elon G. Eidenier. Mocking Bird at Six O'Clock...	24
Deborah H.Doolittle. Between Rock and Empty Space	26
Ann Campanella. On the edge	28
Jessica Rosser. Robeson Creek	30
Joanna C. Scott. I Have Brought My Dogs to the Woods	32
Sam Barbee. Drip Line	34
Barbara Presnell. In October I Gather Persimmons	36
Joseph Bathanti. Burn Season	38
Bonnie Michael. Overwinter	40
Jim Clark. Staying Lost	42
Lou Green. Foxtail Lily	44
Maureen Douglass Sutton. I Don't Miss Texas	46
Susan Alff. It is in the nature of Green	48
Coppie Green. Grasslands	50
Maureen Douglass Sutton. How Goes Gaia?	52
K. Culley Holderfield. I Will Read Mountains	54

GARDEN, FIELD, AND POND

Sharon A. Sharp. Abiding Appalachia	58
Jeffery Beam. Le Quattro Stagioni...	60
Charles Blackburn, Jr. Winter Gothic	66
Hope Schene. Winter Flame	68

СОДЕРЖАНИЕ

Шэрон Д. Юинг. ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ОБРАЩЕНИЕ К МУЗЕ

В.И.Кокрелл, III. Я Пишу Тебе, Сергей Есенин 15

Часть I. ЗЕМЛЯ

ГОРА, ЛЕС, РУЧЕЙ И БЕРЕГ

Бетси Хамфрис. Тонкие места	19
Х. Перри Хортон. "я искал душу земли."	21
Томас Рэн Кро. Молитва	23
Элон Г. Эйденир. Птица пересмешник в шесть утра	25
Дебора Х. Дулитл. Между Горой и Пустотой	27
Энн Кампанелла. На краю	29
Джессика Россер. В устье реки Роупсон	31
Джоанна К. Скотт. Я привела своих собак в лес	33
Сэм Барби. Под деревом после дождя	35
Барбара Преснел. Я собираю хурму в октябре	37
Джозеф Батанти. Время Огня	39
Бонни Майл. Зима прошла	41
Джим Кларк. Потерянный	43
Лу Грин. Лилия Лисий Хвостик	45
Морин Дуглас Саттон. Я не скучаю по Техасу	47
Сьюзан Альф. Это в природе Зелени	49
Коппи Грин. Степь	51
Морин Дуглас Саттон. Как поживаешь, Гея?	53
К. Калли Холдерфилд. Я буду читать горы	55

САД, ПОЛЕ И ПРУД

Шэрон А. Шарп. Житие в Аппалахах	59
Джеффери Бим. Le Quattro Stagioni...	61
Чарльз Блэкберн, младший. Зимняя Готика	67
Хоп Шин. Пламя зимы	69

G.C. Waldrep.	<i>Weather Report: 7 February</i>	70
David E. Poston.	<i>Martha's Garden</i>	72
Janice Moore Fuller.	<i>Through a Falcarragh Cottage Window</i>	74
Stephen Knauth.	<i>Blue Angel</i>	78
Karoline Nelson.	<i>Fertile Ground</i>	80
Mary Alice Countess.	<i>Drought-Breaker</i>	82
Mary Alice Countess.	<i>Advice For the Poet</i>	84
Charles Edward Eaton.	<i>The Naked Truth</i>	86
Ione S. O'Hara.	<i>Three Friends of Winter</i>	88

Part II: SOUL

GRIEF AND DEATH

Susan Broili.	<i>Between the Lines</i>	92
Carrie Gerstmann.	<i>To Forgotten Children</i>	94
Becky Gould Gibson.	<i>Banking Sweet Potatoes</i>	96
Elisabeth Stagg.	<i>The Body Remembers</i>	98
Elisabeth Stagg.	<i>Harvest</i>	100
Lou Green.	<i>Homily</i>	102
Valerie MacEwan.	<i>Bessie Paradise</i>	104
Barbara Presnell.	<i>In the Kitchen We String Beans</i>	106
Katherine Russell Barnes.	<i>They Flew</i>	108
Paula Blackwell.	<i>Starched Angel</i>	110
Rebecca J.Finch.	<i>A Day in the Life</i>	112
Ellie Depew.	<i>The Ice Fisherman</i>	114
Bonnie Michael.	<i>Grandma's House</i>	116
Kevin McGowin.	<i>Geriatrics</i>	118
Kevin McGowin.	<i>A Burial</i>	118
Susan Snowden.	<i>Grave Decision</i>	120

TRANSIENCE

Charles Blackburn, Jr.	<i>The Chimneys</i>	124
gerry dawson.	<i>after bones</i>	126
Elizabeth C.Burgess.	<i>Lavender for the Little Emperor</i>	128

Дж. К. Уолдреп. Прогноз погоды: 7 февраля	71
Давид И. Постон. Сад Марты	73
Джэнис Мур Фуллер. Из окна домика в Фалкарра	75
Стивен Наут. Голубой Ангел	79
Каролин Нельсон. Плодородная Почва	81
Мэри Элис Каунтесс. Покоритель засухи	83
Мэри Элис Каунтесс. Совет Поэту	85
Чарльз Эдвард Итон. Голая Правда	87
Ион С. О'Хара. Три друга зимы	89

Часть II. ДУША

ГОРЕ И СМЕРТЬ

Сьюзан Бройли. Между строк	93
Кэрри Герстман. Забытым детям	95
Бэки Гоулд Гибсон. Складывая сладкий картофель на хранение	97
Элизабет Стаг. Тело помнит	99
Элизабет Стаг. Страда	101
Лу Грин. Проповедь	103
Валери МакЮан. Бесси Рай	105
Барбара Преснел. На кухне мы чистим стручки фасоли	107
Катрин Рассел Барнс. Они улетели	109
Паула Блэквелл. Накрахмаленный Ангел	111
Ребекка Дж. Финч. Один день из жизни	113
Элли Депью. Зимний рыболов	115
Бонни Майкл. Бабушкин дом	117
Кевин МакГовин. Гериатрия	119
Кевин МакГовин. Похороны	119
Сьюзан Сноден. Похоронное решение	121

БРЕННОСТЬ

Чарльз Блэкберн, младший. Трубы	125
джерри досон. за костями	127
Элизабет К. Бургесс. Лаванда для маленького императора	129

Dawn Evans Radford. On Watching My Japanese Students Leave	130
Stephen Knauth. My Little Town.....	132
Barbara J. Mayer. Flying Over Illinois.....	134
Barbara Sanders. The Bell Bird	136

THE SACRED IN THE ORDINARY

Joanna J. McKethan. Of a Substance Strong Enough	140
Rebecca J. Finch. Entitlement.....	142
Sally Buckner. How They Survived	144
Diana Pinckney. Woman in a Refugee Camp.....	146
Tony Reevy. In the Sun After a Noon Rain, Woodrow Street	146
Joanna C. Scott. This Happened in the 7-11 Parking Lot	148
Becky Gould Gibson. Putting Up Damson Preserves	150
Kathy Cantley Ackerman. Ritual	152
C. Pleasants York. Chopstix and Rice Reasons	154
Gail J. Peck. How Considerate of Pears	156
Annette Allen. November Light: France	158
Sally Buckner. Knowledge.....	160
Lynn Veach Sadler. Oxymoron	162
Annette Allen. What Is and What Is Not	166

MYTHS AND VARIETIES OF RELIGIOUS EXPERIENCE

Barbara Kidd Lawing. School	170
Jeffery Beam. A Stone Falling, a Falling Stonr	170
Gail J. Peck. Can Change Nothing	172
Annella Rockson. Flood	174
Irene Blair Honeycutt. Driving up 181 to Jonas Ridge	178
Joseph Bathanti. Easter	180
Glennis Redmond. My Gods Don't Play	182
Glennis Redmond. If I ain't African	184
Irene Blair Honeycutt. Adobe Night in Taos	188
Stephen Lautermilch. On Trying to Read a Letter From a Friend	188

Дон Эванс Радфорд. Наблюдая как мои японские студенты уезжают	131
Стивен Наут. Мой Маленький Город	133
Барбара Дж. Мэйер. Пролетая над Иллинойсом	135
Барбара Сандерс. Птичка-Колоколец	137

СВЯТОЕ В ОБЫДЕННОМ

Джоанна Дж. МакКетан. Из субстанции достаточно прочной..	141
Ребекка Дж. Финч. Право на помощь	143
Салли Бакнер. Как они выжили	145
Диана Пинкни. Женщина в лагере беженцев	147
Тони Риви. На солнце после полуденного дождя, улица Вудро ..	147
Джоанна К. Скотт. Это случилось на парковке "С 7 до 11"	149
Бэки Гоулд Гибсон. Заготовки сливового варенья	151
Кэти Кэнти Аккерман. Ритуал	153
К. Плезантс Йорк. Палочки и рисовый резон	155
Гейл Дж. Пек. Груши так внимательны	157
Аннет Аллен. Свет ноября: Франция	159
Салли Бакнер. Знание	161
Линн Вич Сэдлер. Оксюморон	163
Аннет Аллен. Что есть и чего нет	167

МИФЫ И РАЗЛИЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОЗАРЕНИЯ

Барбара Кидд Лоинг. Школа	171
Джеффери Бим. Камень падающий, падающий камень	171
Гэйл Дж. Пек. Нельзя ничего изменить	173
Аннелла Роксон. Наводнение	175
Айрин Блэйр Ханикэтт. Подъезжая к Горному Хребту Иона по 181 шоссе	179
Джозеф Батанти. Пасха	181
Гленнис Редмонд. Мои Боги не шутят	183
Гленнис Редмонд. Не будь я Африканкой	185
Айрин Блэйр Ханикэтт. Пористая ночь в Таосе	189
Стивен Лаутермильк. Как я пытался прочитать письмо от друга	189

Dawn Evans Radford. Convent	190
Gabriel Morris. Creation Myth	192
Becky Gould Gibson. First Life	194
Jim Clark. Dancing on Canaan's Ruins	196
Earl Carlton Huband. An Object in the Road	198
Barbara J. Mayer. The Mushroom Cloud	200
Keith Flynn. A Psalm For Camille	202

EARTH MOTHER

Mark Smith-Soto. Cave.....	208
Katherine Russell Barnes. A Sacred Potion	210
Mary Elizabeth Parker. Lake Woman	212
Kathryn Bright Gurkin. Venus of Willendorf	212
Barbara Presnell. Ethel's Poem	214
Barbara Kidd Lawing. Resemblance	216
Joanna J. McKethan. Grieving	218
Margaret Divish. Demeter Writes Back to Persephone	220

BENEDICTE

Dick Roberts. Struga	224
Mikhail Bazankov. AFTERWORD	226
CONTRIBUTORS' BIOGRAPHIES	242
PUBLICATION ACKNOWLEDGEMENTS.....	268
PRODUCTION STAFF BIOS	272
DONORS TO "EARTH AND SOUL"	278

Дон Эванс Радфорд. Сборище	191
Габриель Моррис. Миф о сотворении мира	193
Бэки Гоулд Гибсон. Первая жизнь	195
Джим Кларк. Танцуя на Руинах Земли обетованной	197
Эрл Карлтон Хабэнд. Что-то на Дороге	199
Барбара Дж. Мэйер. Грибовидное облако	201
Кит Флин. Псалом Для Камиллы	203

МАТЬ ЗЕМЛЯ

Марк Смит-Сото. Пещера	209
Катрин Рассел Барнс. Священное зелье	211
Мэри Элизабет Паркер. Озерная женщина	213
Катрин Брайт Геркин. Венера Виллендорфская	213
Барбара Преснел. Стих Этель	215
Барбара Кидд Лоинг. Сходством	217
Джоанна Дж. МакКетан. Печаль	219
Маргарет Дивиш. Деметра письменно отвечает Персефоне	221

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Дик Робертс. Струга	225
Михаил Базанков. ПОСЛЕСЛОВИЕ	227

БИОГРАФИИ, ПИСАТЕЛЕЙ, ВНЕСШИХ СВОЙ ВКЛАД В СОЗДАНИЕ АНТОЛОГИИ	243
ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ	269
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	273

Earth and Soul

an Anthology of North Carolina Poetry

Земля и Душа

Антология поэзии Северной Каролины

Издания Костромской областной писательской организации предназначаются изучающим литературу:

За справками обращаться по адресу:

156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.

Костромская областная писательская организация. Телефоны: 31-21-09, 31-35-02.

Web page: <http://www.kosnet.ru/~bam>

Руководители проекта — Д.Хоган, М.Базанков

Помощники руководителя проекта — Э.Кокрелл, А.Базанков

**Общее и художественное редактирование — Ш.Юинг, Д.Хоган,
М.Базанков,**

Редактор-консультант — Д.Грин

**Помощники редактора — М. МакНамара, А.Роксон,
Э. Кокрелл**

Художник — М.Базанков

**Дизайн,
оригинал-макет — А.Базанков**

Переводчики — Н.Рябова, Н.Вязанкина

Переводчики-консультанты — И.Елевич, Ю.Тарасова

Сдано в набор 12.07.2000. Подписано в печать 22.01.2001.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. листов 17,5. Заказ № 289.

**Тираж: первый завод (с супер обложкой) — 800 экз.
второй завод — 700 экз.**

**Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
Департамента по делам телерадиовещания, печати и массовой
информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.**